

ЗА(3)
PSO

ДЖАННИ
РОДАРИ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ГОЛУБОЙ
СТРЕЛЫ

ДЖЕЛЬСОМИНО
В СТРАНЕ
ЛЖЕЦОВ

ДЖАННИ
РОДАРИ

84(3)
Р 60

ПУТЕШЕСТВИЕ
ГОЛУБОЙ
СТРЕЛЫ

ДЖЕЛЬСОМИНО
В СТРАНЕ
ЛЖЕЦОВ

Художник
Вячеслав Стильве

Калининградское книжное издательство

1992

Печатается по изданиям: Д. Родари. Путешествие Голубой Стрелы. М., Сов. Россия, 1972; Д. Родари. Джельсомино в Стране лжецов, М., Дет. лит-ра, 1987.

Перевод с итальянского
Ю. Ермаченко, О. Иваницкого, А. Махова.

Родари Дж.

Р 60 Путешествие Голубой Стрелы. Джельсомино в Стране лжецов: Пер. с итал. Ю. Ермаченко и др.; Худож. В. Стильве. — Калининград: Кн. изд-во, 1992. — 255 с., цв. ил.

Ребята уже знакомы с итальянским писателем Джанни Родари по его сказке «Приключения Чиполлино» и веселым стихам.

«Путешествие Голубой Стрелы» — сказка об удивительных приключениях игрушек, сбежавших от старушки Феи, о щенке Кнопке, который из игрушки превратился в настоящего умного пса, и о бедном мальчике Франческо.

Сказка «Джельсомино в Стране лжецов» о стране, где все идет шиворот-навыворот: кошки лают, собаки мяукают, жители расплачиваются за товар только фальшивыми монетами, а за каждое правдивое слово их сажают в тюрьму. Живет там певец Джельсомино, у которого чудный голос, такой сильный, что, когда он поет, вылетают стекла, рушатся стены и даже королевства.

4804010100—014
Р М144(03)92 19—92

84.4 Ит-4

ISBN 5—85500—238—1

© Оформление. В. А. Стильве, 1992.
© Ю. Ермаченко, О. Иваницкий,
А. Махов. Перевод, 1992.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГОЛУБОЙ СТРЕЛЫ

СКАЗКА

СИНЬОРА БЕЗ ПЯТИ МИНУТ БАРОНЕССА

ея была старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса.

— Меня называют,— бормотала она иногда про себя,— просто Фея, и я не протестую: ведь нужно иметь снисхождение к невеждам. Но я почти баронесса; порядочные люди это знают.

— Да, синьора баронесса,— поддакивала служанка.

— Я не стопроцентная баронесса, но до нее мне не хватает не так уж много. И разница почти незаметна. Не так ли?

— Незаметна, синьора баронесса. И порядочные люди не замечают ее...

Было как раз первое утро нового года. Всю ночь напролет Фея и ее служанка путешествовали по крышам домов, раз-

нося подарки. Их платья были покрыты снегом и со сульками.

— Затопи печку, — сказала Фея, — нужно просушить одежду. И поставь на место метлу: теперь целый год можно не думать о полетах с крыши на крышу да еще при таком северном ветре.

Служанка поставила метлу на место, ворча:

— Хорошенько дельце — летать на метле! Это в наше-то время, когда изобрели самолеты! Я уже простудилась из-за этого.

— Приготовь мне бокальчик цветочного отвара, — приказала Фея, надев очки и садясь в старое кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом.

— Сию минутку, баронесса, — сказала служанка.

Фея одобрительно посмотрела на нее.

«Немножко она ленива, — подумала Фея, — но знает

правила хорошего тона и умеет держать себя с синьорой моего круга. Я пообещаю ей увеличить заработную плату. На самом-то деле я ей, конечно, не увеличу, и так денег не хватает».

Нужно сказать, что Фея при всем своем благородстве была довольно скуповата. Два раза в год обещала она старой служанке увеличить заработную плату, но ограничивалась одними обещаниями. Служанке давно уже надоело слушать только слова, ей хотелось услышать звон монет. Как-то раз у нее даже хватило мужества сказать об этом баронессе. Но Фея очень возмутилась:

— Монеты и монеты! — проговорила она, вздыхая. — Невежественные люди только и думают, что о деньгах. И как нехорошо, что ты не только думаешь, но и говоришь об этом! Видно, учить тебя хорошим манерам — все равно, что кормить осла сахаром.

Фея вздохнула и уткнулась в свои книги.

— Итак, подведем баланс. Дела в этом году неважные, денег маловато. Еще бы, все хотят получить от Феи хорошие подарки, а когда речь заходит о том, чтобы платить за них, все начинают торговаться. Все стараются брать в долг, обещая уплатить потом, как будто Фея — это какой-то колбасник. Впрочем, сегодня особенно жаловаться нечего: все игрушки, которые были в магазине, разошлись, и сейчас нам нужно будет принести со склада новые.

Она закрыла книгу и принялась распечатывать письма, которые обнаружила в своем почтовом ящике.

— Так и знала! — заговорила она. — Я рискую заболеть воспалением легких, разнося свои товары, и никакой благодарности! Этот не хотел деревянную саблю — подавайте ему пистолет! А знает ли он, что пистолет стоит на тысячу лир дороже? Другой, представьте себе, хотел получить аэроплан! Его отец — швейцар курьера секретаря одного служащего лотереи, и было у него на покупку подарка всего триста лир. Что я могла подарить ему за такие гроши?

Фея бросила письмо обратно в ящик, сняла очки и позвала:

— Тереза, отвар готов?

— Готов, готов, синьора баронесса.

И старая служанка подала баронессе дымящийся бокал.

— Ты влила сюда капельку рома?

— Целых две ложечки!

— Мне хватило бы и одной... Теперь я понимаю, почему бутыль почти опустела. Подумать только, мы купили ее всего четыре года тому назад!

Потягивая маленькими глотками кипящий напиток и умудряясь не обжигаться при этом, как это умеют делать только старые синьоры, Фея бродила по своему маленькому царству, заботливо проверяя каждый уголок кухни, магазина и маленькой деревянной лесенки, которая вела на второй этаж, где была спальня.

Как печально выглядел магазин с опущенными шторами, пустыми витринами и шкафами, заваленными коробками без игрушек и ворохами оберточной бумаги!

— Приготовь ключи от склада и свечу, — сказала Фея, — нужно принести новые игрушки.

— Но, синьора баронесса, вы хотите работать даже сегодня, в день вашего праздника? Неужели вы думаете, что кто-нибудь придет сегодня за покупками? Ведь новогодняя ночь, ночь Феи, уже прошла...

— Да, но до следующей новогодней ночи осталось всего-навсего лишь триста шестьдесят пять дней.

Надо вам сказать, что магазин Феи оставался открытым в течение всего года и его витрины были всегда освещены. Таким образом, у детей было достаточно времени, чтобы облюбовать ту или иную игрушку, а родители успевали сделать свои расчеты, чтобы иметь возможность заказать ее.

А кроме того, ведь есть еще дни рождения, и все знают, что дети считают эти дни очень подходящими для получения подарков.

Теперь вы поняли, что делает Фея с первого января до следующего Нового года? Она сидит за витриной и смотрит на прохожих. Особенно внимательно вглядывается она в лица детей. Она сразу понимает, нравится или не нравится им новая игрушка, и, если не нравится, снимает ее с витрины и заменяет другой.

О, синьоры, что-то теперь на меня напало сомнение! Так было, когда я был еще маленьким. Кто знает, есть ли теперь

у Феи этот магазинчик с витриной, уставленной игрушечными поездами, куклами, тряпичными собачками, ружьями, пистолетами, фигурками индейцев и марионеток!

Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтобы пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что нужно было отнести домой купленное молоко.

ВИТРИНА НАПОЛНЯЕТСЯ

Склад был в подвале, который находился как раз под магазином. Фея и ее служанке пришлось раз двадцать спуститься и подняться по лестнице, чтобы наполнить новыми игрушками шкафы и витрины.

Уже во время третьего рейса Тереза устала.

— Синьора, — сказала она, останавливаясь посреди лестницы с большой связкой кукол в руках, — синьора баронесса, у меня бьется сердце.

— Это хорошо, моя дорогая, это очень хорошо, — ответила Фея, — было бы хуже, если бы оно больше не билось.

— У меня болят ноги, синьора баронесса.

— Оставь их на кухне, пусть отдохнут, тем более что ногами ничего носить нельзя.

— Синьора баронесса, мне не хватает воздуха...

— Я не крала его у тебя, моя дорогая, у меня своего достаточно.

И действительно, казалось, что Фея никогда не устает. Несмотря на свой преклонный возраст, она прыгала по ступенькам, словно танцуя, как будто под каблуками у нее были спрятаны пружинки. Одновременно она продолжала подсчитывать.

— Эти индейцы мне приносят доход по двести лир каждый, даже, пожалуй, по триста лир. Сейчас индейцы очень в моде. Не кажется ли тебе, что этот электрический поезд просто чудо?! Я назову его Голубой Стрелой и, клянусь, брошу торговлю, если с завтрашнего дня сотни ребячих глаз не будут пожирать его с утра до вечера.

И правда, это был замечательный поезд, с двумя шлагбаумами, с вокзалом и Главным Начальником Станции, с Машинистом и Начальником Поезда в очках. Пролежав столько месяцев на складе, электропоезд весь покрылся пылью, но Фея хорошенько протерла его тряпкой, и голубая краска засверкала, как вода альпийского озера: весь поезд, включая Начальника Станции, Начальника Поезда и Машиниста, был выкрашен голубой краской.

Когда Фея стерла пыль с глаз Машиниста, он огляделся вокруг и воскликнул:

— Наконец-то я вижу! У меня такое впечатление, будто я несколько месяцев был похоронен в пещере. Итак, когда мы отправляемся? Я готов.

— Спокойно, спокойно, — прервал его Начальник Поезда, протирая платочком очки. — Поезд не тронется без моего приказа.

— Посчитайте нашивки на вашем берете, — раздался третий голос, — и увидите, кто здесь старший.

Начальник Поезда пересчитал свои нашивки. У него было четыре. Тогда он сосчитал нашивки у Начальника Станции — пять. Начальник Поезда вздохнул, спрятал очки и притих. Начальник Станции ходил взад и вперед по витрине, размахивая жезлом, которым дают сигнал отправления. На площади перед станцией выстроился полк оловянных стрелков с духовым оркестром и Полковником. Немножко в стороне расположилась целая артиллерийская батарея во главе с Генералом.

Позади станции расстилалась зеленая равнина и были разбросаны холмы. На равнине вокруг вождя, которого звали Серебряное Перо, раскинули лагерь индейцы. На вершине горы верховые ковбои держали наготове свое лассо.

Над крышей вокзала покачивался подвешенный к потолку аэроплан: Пилот высунулся из кабины и смотрел вниз. Надо вам сказать, что этот Пилот был сделан так, что он не мог подняться на ноги: ног у него не было. Это был Сидящий Пилот.

Рядом с аэропланом висела красная клетка с Канарейкой, которую звали Желтая Канарейка. Когда клетку слегка покачивали, Канарейка пела.

В витрине были еще куклы, Желтый Медвежонок, тряпичный пес по имени Кнопка, краски, «Конструктор», маленький театр с тремя Марионетками и быстроходный двухмачтовый парусник. По капитанскому мостику парусника нервно расхаживал Капитан. Ему по рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую половину лица, чтобы не выглядеть уродом.

Начальник Станции и Полубородый Капитан делали вид, что не замечают друг друга, но, может быть, кто-нибудь из них уже собирался вызвать другого на дуэль, чтобы решить вопрос о верховном командовании в витрине.

Куклы разделились на две группы: одни вздыхали по Начальнику Станции, другие бросали нежные взгляды на Полубородого Капитана, и лишь одна черная кукла с глазами более молока глядела только на Сидящего Пилота и больше ни на кого.

Что касается тряпичного пса, то он бы с удовольствием вилял хвостом и прыгал от радости. Но он не мог оказывать эти знаки внимания всем троим, а выбрать кого-нибудь одного не хотел, чтобы не оскорблять остальных двух. Поэтому он сидел тихо и неподвижно, и вид у него был немного глуповатый. Его имя было написано красными буквами на ошейнике: «Кнопка». Может быть, его называли так потому, что он был маленьким, как кнопка.

Но тут произошло событие, которое сразу же заставило забыть и ревность и соперничество. Как раз в это мгновение Фея подняла штору, и солнце хлынуло в витрину золотым каскадом, вызывая у всех жуткий страх, потому что никто его раньше не видел.

— Сто тысяч глухих китов! — рявкнул Полубородый Капитан. — Что случилось?

— На помощь! На помощь! — завизжали куклы, прячась друг за друга.

Генерал приказал немедленно повернуть пушки в сторону неприятеля, чтобы быть готовым отразить любую атаку. Только Серебряное Перо остался невозмутимым. Он вынул изо рта длинную трубку, что делал только в исключительных случаях, и сказал:

— Не бойтесь, игрушки. Это Великий Дух — Солнце, всеобщий друг. Смотрите, как повеселела вся площадь, радуясь его приходу.

Все посмотрели на витрину. Площадь и в самом деле сверкала под лучами солнца. Струи фонтанов казались огненными. Нежное тепло проникало сквозь запыленные стекла в магазинчик Феи.

— Тысячи пьяных китов! — пробормотал снова Капитан. — Я ведь морской волк, а не солнечный!

Куклы, радостно болтая, сразу же стали принимать солнечные ванны.

Однако в один угол витрины солнечные лучи не могли проникнуть. Тень падала как раз на Машиниста, и тот очень рассердился:

— Должно же было так случиться, чтобы именно я оказался в тени!

Он выглянул за витрину, и его зоркие глаза, привыкшие часами смотреть на рельсы во время долгих поездок, встретились с парой огромных, широко раскрытых глаз ребенка.

В эти глаза можно было заглянуть, как заглядывают в дом, когда на окнах нет занавесок. И, заглянув в них, Машинист увидел большую недетскую печаль.

«Странно, — подумал Машинист Голубой Стрелы. — Я всегда слышал, что дети — веселый народ. Они только и знают, что смеются и играют с утра до вечера. А этот мне кажется грустным, как старичок. Что с ним случилось?»

Грустный мальчик долго смотрел на витрину. Его глаза наполнились слезами. Время от времени слезинки скатывались вниз по щеке и пропадали на губах. Все в витрине затаили дыхание: никто еще не видел глаз, из которых текла бы вода, и это всех очень удивило.

— Тысяча хромых китов! — воскликнул Капитан. — Я занесу это событие в судовой журнал!

Наконец мальчик вытер глаза рукавом курточки, пошел к двери магазина, взялся за ручку и толкнул дверь.

Раздался глухой звонок колокольчика, который, казалось, жаловался, звал на помощь.

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ВЗВОЛНОВАН

— Синьора баронесса, кто-то вошел в магазин, — сообщила служанка.

Фея, которая причесывалась в своей комнате, быстро спустилась по лесенке, держа во рту шпильки и закалывая на ходу волосы.

— Кто бы это ни был, почему он не закрывает дверь? — пробормотала она. — Я не слышала звонка, но сразу же почувствовала сквозняк.

Она для солидности надела очки и вошла в лавку маленькими медленными шагами, как должна ходить настоящая синьора, особенно если она почти баронесса. Но, увидев перед собой бедно одетого мальчика, который комкал в руках свой голубой беретик, она поняла, что церемонии излишни.

— Ну? В чем дело? — Всем своим видом Фея как бы хотела сказать: «Говори побыстрее, у меня нет времени».

— Я... Синьора... — прошептал мальчик.

В витрине все замерли, но ничего не было слышно.

— Что он сказал? — шепнул Начальник Поезда.

— Тс-с! — приказал Начальник Станции. — Не шумите!

— Мальчик мой! — воскликнула Фея, которая чувствовала, что начинает терять терпение, как всякий раз, когда ей приходилось говорить с людьми, не подозревающими о ее благородных титулах. — Дорогой мой мальчик, времени у меня очень мало. Поторопись или же оставь меня в покое, а лучше всего напиши мне хорошее письмо.

— Но, синьора, я уже написал вам, — торопливо прошептал мальчик, боясь потерять мужество.

— Ах, вот как! Когда?

— Около месяца тому назад.

— Сейчас посмотрим. Как тебя зовут?

— Монти Франческо.

— Адрес?

— Квардиччиоло...

— Гм... Монти, Монти... Вот, Франческо Монти. Действительно, двадцать три дня тому назад ты просил у меня в подарок электрический поезд. А почему только поезд? Ты мог бы попросить у меня аэроплан или дирижабль, а еще лучше — целый воздушный флот!

— Но мне нравится поезд, синьора Фея.

— Ах, дорогой мой мальчик, тебе нравится поезд?! А ты знаешь, что через два дня после твоего письма сюда приходила твоя мать...

— Да, это я попросил ее прийти. Я ее так просил: пойди к Фее, я ей уже все написал, и она так добра, что не откажет нам.

— Я не хорошая и не плохая. Я работаю, но не могу работать бесплатно. У твоей матери не было денег, чтобы заплатить за поезд. Она хотела в обмен на поезд оставить мне старые часы. Но я видеть их не могу, эти часы! Потому что они заставляют время двигаться быстрее. Я также напомнила ей, что она еще должна заплатить мне за лошадку, которую брала в прошлом году. И за волчок, взятый два года тому назад. Ты знал об этом?

Нет, мальчик этого не знал. Мамы редко делятся с детьми своими неприятностями.

— Вот почему в этом году ты ничего не получил. Ты понял? Не кажется ли тебе, что я права?

— Да, синьора, вы правы, — пробормотал Франческо. — Я просто думал, что вы забыли мой адрес.

— Нет, напротив, я помню его очень хорошо. Видишь, вот он у меня записан. И на днях я пошлю к вам моего секретаря, чтобы взять деньги за прошлогодние игрушки.

Старая служанка, которая прислушивалась к их разговору, услышав, что ее назвали секретарем, чуть не потеряла сознания и должна была выпить стакан воды, чтобы перевести дух.

— Какая честь для меня, синьора баронесса! — сказала она своей хозяйке, когда мальчик ушел.

— Хорошо, хорошо! — грубо пробормотала Фея. — А пока повесь на дверь объявление: «Закрыто до завтра», чтобы не приходили другие надоедливые посетители!

— Может быть, опустить штору?

— Да, пожалуй, опусти. Я вижу, что сегодня не будет хорошей торговли.

Служанка побежала выполнять приказания. Франческо все еще стоял у магазина, уткнувшись носом в витрину, и ждал сам не зная чего. Штора, спускаясь, чуть не ударила его по голове. Франческо уткнул нос в пыльную штору и зрыдал.

В витрине эти рыдания произвели необыкновенный эффект. Одна за другой куклы тоже стали плакать и плакали так сильно, что Капитан не выдержал и выругался:

— Что за обезьяны! Уже научились плакать! — Он плюнул на палубу и усмехнулся: — Тысяча косых китов! Пла-

кать из-за поезда! Да я не променял бы свой парусник на все поезда всех железных дорог мира.

Великий вождь Серебряное Перо вынул изо рта трубку, что ему приходилось делать каждый раз, когда он хотел что-либо сказать, и промолвил:

— Капитан Полубородый не говорить правды. Он есть очень взволнован из-за бедный белый ребенок.

— Что — я? Объясните мне, пожалуйста, что значит «взволнован»?

— Это значит, что одна сторона лица плачет, а другая стыдится этого.

Капитан предпочел не поворачиваться, так как его безбородая половина лица в самом деле плакала.

— Замолчи ты, старый петух! — крикнул он. — Не то я спущусь вниз и ошиплю тебя, как рождественского индюка!

И долго еще продолжал изрыгать проклятия, такие цветистые, что Генерал, решив, что вот-вот начнется война, приказал зарядить пушки. Но Серебряное Перо взял в рот трубку и замолчал, а потом даже сладко задремал. К слову сказать, он всегда спал с трубкой во рту.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАТЬ

На следующий день Франческо вернулся, и его печальные глаза снова были устремлены на Голубую Стрелу. Пришел он и на второй день, и на третий. Иногда он останавливался у витрины всего на несколько минут и потом, не оборачиваясь, убегал прочь. Иногда простоявал перед витриной долгие часы. Нос его был прижат к стеклу, а русый чуб спускался на лоб. Он ласково посматривал и на другие игрушки, но было видно, что сердце его принадлежит чудесному поезду.

Начальник Станции, Начальник Поезда и Машинист очень гордились этим и с важным видом поглядывали по сторонам, но никто не обижался на них за это.

Все обитатели витрины были влюблены в своего Франческо. Приходили другие дети, которые тоже подолгу рассматривали игрушки, но обитатели витрины почти не замечали их. Если Франческо не появлялся в обычное время, Начальник

Станции нервно ходил взад и вперед по рельсам, бросая тревожные взгляды на часы. Капитан изрыгал проклятия. Сидящий Пилот высовывался из аэроплана, рискуя упасть, а Себярбяное Перо забывал курить, так что трубка его ежеминутно гасла, и он тратил целые коробки спичек, чтобы разжечь ее вновь.

И так все дни, все месяцы, весь год.

Фея ежедневно получала целые пачки писем, которые она внимательно читала, делая заметки и подсчеты. Но вот писем стало столько, что требовалось полдня только на то, чтобы открывать конверты, и в витрине поняли, что близится день подарков — Новый год.

Бедный Франческо! С каждым днем его лицо становилось все более грустным. Нужно было что-то сделать для него. Все ждали, что Начальник Станции Голубой Стрелы предложит что-нибудь, подскажет какую-нибудь идею. Но тот только снимал и надевал свой берет с пятью нашивками или смотрел на носки своих ботинок, словно видел их впервые.

ИДЕЯ КНОПКИ

Идею — кто бы мог подумать — подал тряпичный пес.

Бедный Кнопка. Никто никогда не обращал на него внимания, потому что, во-первых, трудно было понять, какой он породы, а во-вторых, он все время молчал как рыба. Кнопка был робок и боялся открыть рот. Если какая-нибудь мысль приходила ему в голову, он долго раздумывал, прежде чем сообщить ее друзьям. А впрочем, с кем он мог говорить-то? Куклы были слишком элегантными синьорами, чтобы обращать внимание на пса, принадлежащего бог знает к какой породе. Свинцовые солдаты не отказались бы поговорить с ним, но офицеры, конечно, не разрешили бы им этого. В общем, у всех была какая-нибудь причина не замечать тряпичного пса, и тот вынужден был молчать. И знаете, что из этого вышло? Он разучился лаять...

Вот и на этот раз, когда он открыл рот, чтобы объяснить им свою блестящую идею, раздался такой странный звук, средний между кошачьим мяуканьем и ослиным ревом, что вся витрина разразилась смехом.

Только Серебряное Перо не засмеялся, потому что краснокожие не смеются никогда. А когда другие кончили смеяться, он вынул трубку изо рта и сказал:

— Синьоры, слушай все, что Кнопка говорить. Пес всегда мало говорить и много думать. Кто думать много, мудрая вещь говорить.

Услышав комплимент, Кнопка покраснел от головы до кончика хвоста, откашлялся и объяснил свою идею.

— Этот мальчик... Франческо... Вы думаете, он получит в этом году от Феи какой-нибудь подарок?

— Не думаю, — ответил Начальник Станции. — Его мать больше не приходила сюда, и писем она больше не пишет — я всегда внимательно слежу за почтой.

— Ну вот, — продолжал Кнопка, — мне тоже кажется, что Франческо ничего не получит. Но я, по правде сказать, не хотел бы попасть ни к какому другому мальчику.

— Я тоже, — пробормотал Желтый Медвежонок, почесывая затылок.

— Мы тоже, — сказали три Марионетки, которые говорили все хором.

— А что вы скажете, — продолжал пес, — если мы преподнесем ему сюрприз?

— Ха-ха-ха, сюрприз! — засмеялись куклы. — Какой же?

— Замолчите, — приказал Капитан, — женщины всегда должны помалкивать.

— Прошу прощенья, — крикнул Сидящий Пилот, — не шумите так, а то наверху ничего не слышно! Пусть говорит Кнопка.

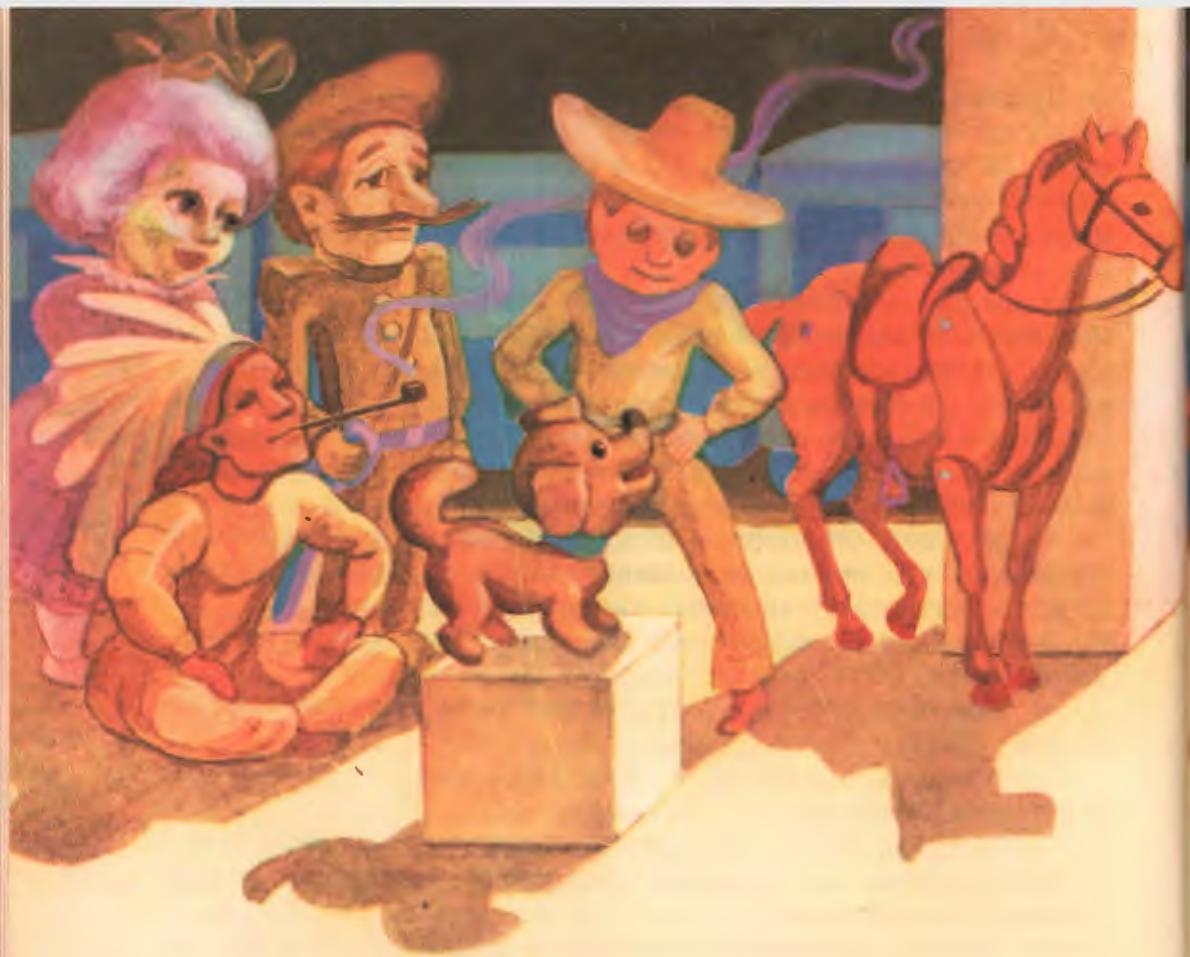
— Мы знаем его имя, — произнес Кнопка, когда восстановилась тишина. — Знаем его адрес. Почему бы нам всем не пойти к нему?

— К кому? — спросила одна из кукол.

— К Франческо.

На мгновение воцарилась тишина, потом развернулась оживленная дискуссия: каждый кричал свое, не слушая, что говорят другие.

— Но это бунт! — воскликнул Генерал. — Я никак не могу позволить подобную вещь. Предлагаю повиноваться моим приказам!

- А дальше?
- Дальше? Ничего! Нужно быть дисциплинированными!
- И отправляться туда, куда нас отнесет Фея? Тогда Франческо и в этом году ничего не получит, ведь его фамилия записана в долговой книге...
- Тысяча китов!..
- Однако, — вмешался Начальник Станции, — мы знаем адрес, но мы не знаем дороги.
- Я об этом подумал, — робко прошептал Кнопка, — я могу отыскать дорогу чутьем.
- А я умею читать земля, — промолвил Серебряное Перо. — Я тоже говорить, чтобы всем ходить к Франческо.

Теперь нужно было не болтать, а принимать решение. Все посмотрели в сторону Генерала артиллерии.

Некоторое время Генерал, почесывая подбородок, расхаживал перед своими пятью пушками, выстроенными в боевом порядке, затем произнес:

— Хорошо. Я буду прикрывать движение моими войсками. Признаться, мне тоже не очень нравится находиться под командованием старой Феи...

— Уура! — закричали артиллеристы.

Оркестр стрелков заиграл марш, способный воскресить мертвого, а Машинист включил гудок локомотива и гудел до тех пор, пока все чуть не оглохли.

Поход назначили на следующую новогоднюю ночь. В полночь Фея должна была прийти, как обычно, в магазин, чтобы наполнить игрушками свою корзину... Но витрина будет пустой.

— Представьте, какая у нее будет физиономия! — ухмыльнулся Капитан, сплюнув на палубу своего парусника.

А на следующий вечер...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ВЕЧЕР

Первым делом игрушкам предстояло решить вопрос, как выйти из магазина. Прорезать штору, как это предлагал Главный Инженер, оказалось им не под силу. А дверь магазина запиралась на три замка.

— Я и об этом подумал, — сказал Кнопка.

Все с восхищением посмотрели на маленького тряпичного щенка, который целый год думал, не сказав ни одного слова.

— Вы помните склад? Помните ворох пустых коробок в углу? Ну вот, я был там и обнаружил в стене дырку. По ту сторону стены — погреб с лесенкой, которая ведет на улицу.

— И откуда ты это все знаешь?

— У нас, собак, есть такой недостаток — совать повсюду свой нос. Иногда этот недостаток бывает полезным.

— Очень хорошо, — резко возразил Генерал, — но я не представляю, как можно спустить в склад артиллерию по всем этим лестницам. А Голубая Стрела? Вы видели когда-нибудь, чтобы поезд спускался по лестнице?

Серебряное Перо вынуло трубку изо рта. Все выжидающие замолкли.

— Белые люди всегда ссориться и забывать Сидящий Пилот.

— Что ты хочешь этим сказать, великий вождь?

— Сидящий Пилот перевозить всех на аэроплане.

Действительно, это был единственный способ спуститься в склад. Сидящему Пилоту предложение пришлось по душе:

— Десяток рейсов — и переход сделан!

Куклы уже предвкушали удовольствие путешествия на эроплане, но Серебряное Перо разочаровал их:

— У кого есть ноги, тому крылья не нужны.

Таким образом, все, у кого были ноги, спустились сами, а на самолете перевезли артиллерию, вагоны и парусник.

Но Капитан даже во время полета отказался сойти с мостика. На зависть Генералу и Начальнику Станции, которые спускались вниз по крутым ступеням, Капитан летел над их головой.

Последним спустился Мотоциклист-Акробат. Для него спуститься на мотоцикле по лестнице было все равно что выпить стакан воды.

Он был еще на полпути, когда в магазине раздался крик служанки:

— На помощь, на помощь! Синьора баронесса, воры, разбойники!

— Кто там? Что случилось? — ответил голос хозяйки.

— Из витрины украли все игрушки!

Но Главный Инженер «Конструктора» уже пробил дверь склада, и беглецы ринулись в угол, заваленный ворохом пустых коробок. Едва они скрылись, послышались шаги двух старушек, которые торопливо сбежали с лестницы и ткнулись носом в запертую дверь.

— Скорее ключи! — закричала Фея.

— Замок не открывается, синьора баронесса.

— Они заперлись изнутри! Хорошо, оттуда им не выйти. Нам придется сидеть здесь и ждать, пока они не сдаутся.

Нечего и говорить, Фея была храбрая старушка. Но на этот раз ее мужество было ни к чему. Наши беглецы следом за Кнопкой, который указывал дорогу, уже пересекли гору пустых коробок и один за другим через дыру в стене пробрались в соседний подвал.

Голубой Стреле проходить через тоннели было не впервые. Начальник Станции и Начальник Поезда заняли места рядом с Машинистом, самые маленькие куклы, которые уже стали уставать, сели по вагонам, и чудесный поезд, тихонько свистнув, вошел в тоннель.

Труднее было протащить сквозь дыру парусник, который мог передвигаться только по воде. Но об этом позабочились рабочие «Конструктора». Они в один миг построили тележку на восьми колесиках и погрузили на нее судно вместе с Капитаном.

Они успели как раз вовремя.

Фея, устав ждать, толчком плеча распахнула дверь и стала обыскивать склад.

— Что за странная история! — дрожа от страха, бормотала старушка.

— Никого нет, синьора баронесса! — звонким голосом сказала служанка, уцепившись от страха за юбку хозяйки.

— Это я и сама вижу. И нечего дрожать.

— Я не дрожу, синьора баронесса. Может быть, тут виновато землетрясение?

— Голубая Стрела исчезла, — грустно прошептала Фея. — Исчезла, не оставив никаких следов.

Покинем на время бедных старушек и последуем за нашими друзьями. Они даже не представляли себе, какие приключения ожидают их впереди. Я же все их знаю от начала до конца. Есть среди них страшные, есть и веселые, и я вам расскажу все по порядку.

ЖЕЛТЫЙ МЕДВЕЖОНОК ВЫХОДИТ НА ПЕРВОЙ ОСТАНОВКЕ

Сразу же по другую сторону стены начались приключения. Поднял тревогу Генерал. Как вы уже могли заметить, Генерал обладал пылким темпераментом и постоянно ввязывался во всякие ссоры и происшествия.

— Мои пушки,— говорил он, покручивая усы,— мои пушки заржавели. Чтобы почистить их, нужна небольшая война. Пусть небольшая, но все-таки нужно пострелять хотя бы с четверть часа.

Эта мысль, как гвоздь, засела у него в голове. Едва только беглецы очутились за стеной склада, Генерал выхватил шпагу и закричал:

— Тревога, тревога!

— В чем дело, что случилось? — спрашивали друг друга солдаты, которые еще ничего не заметили.

— На горизонте неприятель, разве вы не видите? Все к пушкам! Зарядить орудия! Приготовиться к стрельбе!

Поднялась невероятная суматоха. Артиллеристы выстраивали пушки в боевой порядок, стрелки заряжали ружья, офицеры звучными голосами выкрикивали слова команды и, подражая Генералу, покручивали усы.

— Тысяча глухонемых китов! — рявкнул Капитан с высоты своего парусника. — Прикажите немедленно перетащить несколько пушек на борт моего корабля, а то меня пустят ко дну.

Машинист Голубой Стрелы снял берет и почесал затылок:

— Не пойму, как это можно здесь пойти ко дну. По-моему, здесь только и есть воды, что в умывальном тазу, а кругом каменный пол.

Начальник Станции строго посмотрел на него.

— Если синьор Генерал говорит, что появился неприятель, значит, так оно и есть на самом деле.

— Я видел, я тоже видел! — закричал Сидящий Пилот, пролетев немножко вперед.

— Что ты видел?

— Неприятеля! Я говорю вам, что видел его своими собственными глазами!

Испуганные куклы попрятались в вагоны Голубой Стрелы. Кукла Роза жаловалась:

— Ах, синьоры, сейчас начнется война! Я только что уложила волосы, и, кто знает, что будет теперь с моей прической!

Генерал приказал протрубить тревогу.

— Замолчите все! — скомандовал он. — Из-за вашей болтовни солдаты не слышат моих приказаний.

Он хотел уже открыть огонь, как вдруг раздался голос Кнопки.

— Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!

— Это что такое? С каких пор собаки стали командовать войсками? Застрелить его немедленно! — приказал Генерал.

Но Кнопка не испугался.

— Пожалуйста, я прошу вас, дайте отбой! Уверяю вас, это на самом деле не неприятель. Это всего-навсего ребенок, спящий ребенок!

— Ребенок?! — воскликнул Генерал. — Что делает ребенок на поле боя?

— Но, синьор Генерал, мы ведь не на поле боя — в этом-то все дело. Мы находимся в подвале, разве вы не видите? Синьоры, я попрошу вас осмотреться по сторонам. Мы находимся, как я уже сказал, в подвале, из которого

можно выйти на улицу. Оказывается, этот подвал обитаем. И в глубине его, где горит огонек, стоит кровать, а в кровати спит мальчик. Неужели вы хотите разбудить его выстрелами?

Тут раздался голос Серебряного Пера, который все это время продолжал спокойно курить трубку:

— Пес прав. Я видеть ребенка и не видеть неприятеля.

— Это, конечно, какая-то уловка, — настаивал Генерал, не желая отказаться от сражения. — Неприятель прикинулся невинным и безоружным созданием.

Но кто слушал его теперь?

Даже куклы вышли из своих убежищ и устремили взгляды в полумрак подвала.

— Правда, это ребенок, — сказала одна.

— И очень худенький, — добавила вторая.

— Это невоспитанный ребенок, — изрекла третья, — он спит и держит палец во рту.

В подвале около стен стояла старая ободранная мебель, на полу лежал ободранный соломенный тюфяк, стоял таз с отбитым краем, потухший очаг и кровать, в которой спал ребенок. Очевидно, его родители ушли на работу, а может быть, они просили милостыню, и ребенок остался один. Он лег спать, но не потушил маленькую керосиновую лампу, стоявшую на тумбочке. Может быть, он боялся темноты, а может быть, ему нравилось смотреть на большие колеблющиеся тени, которые отбрасывала лампа на потолок. И, глядя на эти тени, он заснул.

Наш храбрый Генерал был наделен богатой фантазией: он принял керосиновую лампу за огни вражеского лагеря и поднял тревогу.

— Тысяча новорожденных китов! — загремел Полубородый Капитан, нервно поглаживая безбородую половину подбородка. — А я уж подумал, что на горизонте появилось пи-

ратское судно. Но, если не обманывает меня моя подзорная труба, этот ребенок не похож на пирата. У него нет ни абордажных крючьев, ни черной повязки на глазу, ни черного пиратского флага с черепом и костями. Мне кажется, что эта бригантина мирно плавает в океане снов.

Сидящий Пилот полетел на разведку к самой кровати, пролетел два-три раза прямо над мальчиком, который махнул во сне рукой, как бы отгоняя назойливую муху, и, вернувшись, доложил:

— Никакой опасности, синьор Генерал. Неприятель, прощите, я хотел сказать, ребенок, заснул.

— Тогда мы захватим его врасплох,— объявил Генерал. Но на этот раз возмутились ковбои:

— Захватить ребенка? Неужели для этого предназначены наши лассо? Мы ловим диких лошадей и быков, а не детей. На первом же кактусе мы повесим того, кто осмелится причинить вред ребенку!

С этими словами они пустили лошадей в галоп и окружили Генерала, готовые в любую минуту набросить на него лассо.

— Я говорил просто так,— проворчал Генерал.— Нельзя и пошутить немножко. Нет у вас никакой фантазии!

Колонна беглецов приблизилась к кровати. Я не стану вас уверять, что все сердца бились спокойно. Некоторые куклы еще не оправились от испуга и прятались за других, например за спину Желтого Медвежонка. Его маленький мозг из опилок соображал очень медленно. Происходящие события он воспринимал не сразу, а в порядке их очередности. Если нужно было одновременно понять две какие-нибудь вещи, у Желтого Медвежонка сразу же начиналась ужасная головная боль. Зато у него было хорошее зрение. Он первый увидел, что за неприятеля приняли маленького спящего мальчика. Медвежонка сразу охватило желание прыгнуть на кровать и поиграть с ним. Он даже не подумал о том, что спящие мальчики не играют с медвежатами, хотя бы и игрушечными.

На тумбочке рядом с лампой лежал сложенный вчетверо листок. На одной стороне его большими буквами был написан адрес.

— Ручаюсь вам, что это шифрованное послание,— сказал Генерал, который уже заподозрил в мальчике шпиона.

— Возможно,— согласился Начальник Станции.— Но, так или иначе, все равно мы не могли бы прочесть его. Оно адресовано не нам. Видите? Здесь написано: «Синьоре Фее».

— Очень интересно,— сказал Генерал.— Письмо адресовано синьоре Фее, то есть нашей хозяйке. А может быть, мальчик сообщает ей сведения о нас? Может быть, он следил за нами? Мы должны во что бы то ни стало прочесть это письмо!

— Нельзя,— упорствовал Начальник Станции.— Это нарушение почтовой тайны.

Но, как ни странно, на этот раз с Генералом согласился Серебряное Перо.

— Прочтите,— неожиданно произнес он и снова сунул в рот свою трубку.

Этого оказалось достаточно. Генерал вскарабкался на стул, развернул листок, откашлялся, как будто он собирался огласить указ о начале войны, и стал читать:

«Синьора Фея, я услышал о вас впервые в этом году; до этого я никогда ни от кого не получал подарков. В этот вечер я не тушу лампу и надеюсь увидеть вас, когда вы придетете сюда. Тогда я расскажу вам, какую игрушку мне бы хотелось получить. Я боюсь заснуть и поэтому пишу это письмо. Очень прошу вас, синьора Фея, не откажите мне: я хороший мальчик, это все говорят, и буду еще лучше, если вы сделаете меня счастливым. А не то зачем же мне быть хорошим мальчиком?

Ваш Джампаоло».

Воинственный тон, которым Генерал начал читать письмо, к концу чтения стал нежным. Нечего скрывать, старый солдат был взволнован.

Игрушки затаили дыхание, и только одна кукла вздохнула так сильно, что все обернулись и посмотрели на нее, и она очень смущилась.

— Тысяча дохлых китов! — раздался голос Полубородого Капитана.— Мне кажется, что наша старая хозяйка несправедлива. Вот ребенок, который по ее вине может стать плохим.

— Что значит стать плохим? — спросила кукла Роза.

Но никто ей не ответил, а другие куклы потянули ее за юбку, чтобы она замолчала.

— Нужно что-то сделать, — сказал Начальник Станции.
— Требуется доброволец, — подсказал Полковник.

И в это время раздался какой-то странный кашель. Когда люди так кашляют, это значит, что они хотят что-то сказать, но боятся.

— Смелее говори! — крикнул Пилот, который сверху всегда первым видел, что случилось.

— Так вот, — проговорил Желтый Медвежонок, еще раз кашлянув, чтобы скрыть свое смущение, — по правде сказать, слишком длинные путешествия мне не нравятся. Я уже устал бродить по свету и хотел бы отдохнуть. Не кажется ли вам, что я мог бы остаться здесь?

Бедный Желтый Медвежонок! Он хотел выдать себя за хитреца, хотел скрыть свое добре сердце. Кто знает, почему люди с добрым сердцем всегда стараются скрыть это от других?

— Не смотрите так на меня, — сказал он, — не то я превращусь в красного Медведя. Мне кажется, что на этой кроватке я могу чудесно подремать в ожидании рассвета, а вы будете бродить по улицам в такой холод и искать Франческо.

— Хорошо, — сказал Капитан, — оставайся здесь. Дети и медведи живут дружно, потому что хотя бы в одном они схожи: они всегда хотят играть.

Все согласились и стали прощаться. Каждому хотелось пожать лапу Желтого Медвежонка, пожелать ему счастья. Но в это время раздался громкий продолжительный гудок. Начальник Станции поднес к губам свисток, Начальник Поезда закричал:

— Скорее, синьоры, по вагонам! Поезд отправляется! По вагонам, синьоры!

Куклы, боясь отстать от поезда, подняли невообразимую суматоху.

Стрелки устроились на крышах вагонов, а парусник Капитана погрузили на платформу.

Поезд медленно тронулся.

Дверь подвала была открыта и выходила в темный узкий переулок. Желтый Медвежонок, примостившись около подушки, рядом с головкой Джампаоло, с некоторой грустью посмотрел на своих товарищей, которые медленно удалялись.

Медвежонок вздохнул так сильно, что волосы мальчика зашевелились, как от дуновения ветра.

— Тише, тише, друг мой,— сказал самому себе Медвежонок,— не разбуди его.

Мальчик не проснулся, но легкая улыбка промелькнула на его губах.

«Ему снится сон,— сказал про себя Медвежонок.— Он видит во сне, что именно сейчас Фея прошла около него, положив ему на стул подарок, а ветерок, поднятый ее длинной юбкой, взъерошил его волосы. Готов держать пари, что он видит сейчас именно это. Но кто знает, какой подарок преподнесет ему Фея во сне?»

И вот Медвежонок пустился на хитрость, которая вам никогда не пришла бы в голову: он наклонился к уху мальчика и тихо-тихо стал нашептывать:

— Фея уже пришла и оставила тебе Желтого Медвежонка. Чудесный Медвежонок, уверяю тебя! Я хорошо его знаю, ведь я столько раз видел его в зеркале. Из спины у него торчит ключик для завода пружины, и, когда она заведена, Медвежонок танцует, как танцуют медведи на ярмарках и в цирке. Сейчас я тебе покажу.

Желтый Медвежонок с большим трудом дотянулся до пружины и завел ее. В тот же момент он почувствовал, что с ним творится что-то странное. Сначала по спине Медвежонка пробежала дрожь, и ему стало, необыкновенно весело. Потом дрожь пробежала по его ногам, и они сами пустились в пляс.

Желтый Медвежонок никогда еще не танцевал так хорошо. Мальчик засмеялся во сне и от смеха проснулся. Он похлопал

ресницами, чтобы привыкнуть к свету, и, увидев Желтого Медвежонка, понял, что сон не обманул его. Танцую, Медвежонок подмигивал ему, как бы говоря: «Увидишь, мы будем друзьями».

И первый раз в жизни Джампаоло почувствовал себя счастливым.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР СООРУЖАЕТ МОСТ

Переулок шел в гору, но Голубая Стрела без труда преодолела подъем и выехала на большую площадь как раз перед магазином Феи.

Машинист высунулся из окошка и спросил:

— В какую сторону ехать теперь?

— Все время прямо! — закричал Генерал. — Лобовая атака — самая лучшая тактика, чтобы опрокинуть неприятеля!

— Какого неприятеля? — спросил Начальник Станции. — Прекратите, пожалуйста, ваши вымыслы. В поезде вы такой же пассажир, как и все остальные. Понятно? Поезд пойдет туда, куда велю я!

— Хорошо, — ответил Машинист, — но говорите быстрее, потому что мы вот-вот врежемся в тротуар.

— Направо! — раздался голос Кнопки. — Немедленно сворачивайте направо: я чую след Франческо.

— Итак, направо! — произнес Начальник Станции.

И Голубая Стрела на полном ходу свернула направо. Сидящий Пилот летел на высоте двух метров от земли, чтобы не потерять поезд из виду. Он попробовал подняться выше, но чуть не наткнулся на трамвайные провода.

Молчаливые ковбои и индейцы скакали справа и слева от поезда и были похожи на окруживших его бандитов.

— Гм-гм, — недоверчиво сказал Генерал, — ставлю свои эполеты против дырявого сольдо, что это путешествие добром не кончится. У этих всадников очень ненадежный вид. На первой же остановке я переберусь на платформу, где стоят мои пушки.

Как раз в этот момент послышались вопли Кнопки. Очевидно, он почуял какую-то опасность. Но было уже поздно.

Машинист не успел затормозить, и Голубая Стрела на полном ходу вошла в глубокую лужу. Вода поднялась почти до уровня окошечек. Куклы очень испугались и перебрались к стрелкам, на крыши вагонов.

— Мы на земле,— произнес Машинист, вытирая с лица пот.

— Вы хотите сказать, что мы в воде,— поправил Капитан.— Ничего не остается делать, как спустить в воду мой парусник и принять всех на борт.

Но парусник был слишком мал. Тогда Главный Инженер предложил соорудить мост.

— Прежде чем мост будет построен, нас поймают,— качая головой, произнес Капитан.

Впрочем, другого выхода не было. Рабочие «Конструктора» под руководством Главного Инженера принялись за постройку моста.

— Подъемным краном мы поднимем Голубую Стрелу и поставим ее на мост,— пообещал Инженер,— пассажирам даже выходить не придется.

С этими словами он бросил горделивый взгляд на кукол. Те с восхищением смотрели на него. Только кукла Нера оставалась верна своему Пилоту и не сводила с него глаз.

Пошел снег. Уровень воды в луже стал подниматься, и сложные расчеты Инженера были сведены на нет.

— Нелегкая вещь — построить мост во время наводнения,— сквозь зубы проговорил Инженер.— Но мы все же попытаемся.

Чтобы ускорить работу, Полковник предоставил в распоряжение Инженера всех своих стрелков. Мост поднимался над водой. В темной снежной ночи слышался звон железа, удары молотков, скрип тачек.

Индэйцы и ковбои переправились через лужу на лошадях и расположились лагерем на другом берегу. Далеко внизу виднелась красная точечка, которая то угасала, то ярко вспыхивала, как светлячок. Это была трубка Серебряного Пера.

Выглядывая из окошечек вагонов, пассажиры следили за этим красным огоньком, который сиял, как далекая надежда.

Три Марионетки предположили хором:

— Кажется, это звезда!

Это были сентиментальные Марionетки: они умудрялись видеть звезды даже в снежную ночь. И, пожалуй, они были счастливы, не так ли?

Но вот загремели крики «ура». Люди Главного Инженера и стрелки достигли берега — мост был готов!

Подъемный кран поднял Голубую Стрелу и поставил ее на мост, на котором, как на всех железнодорожных мостах, уже были проложены рельсы. Начальник Станции поднял зеленый семафор, давая сигнал к отправлению, и поезд с легким скрежетом двинулся вперед.

Но не успел он проехать несколько метров, как Генерал снова поднял тревогу:

— Потушить все огни! Над нами вражеский самолет!

— Тысяча сумасшедших китов! — воскликнул Полубородый Капитан. — Съесть мне мою бороду, если это не Фея!

С грозным гулом огромная тень спустилась на площадь. Беглецы уже могли различить метлу Феи и сидевших на ней двух старушек.

Фея, надо вам сказать, уже почти примирилась с потерей своих лучших игрушек. Она собрала все игрушки, оставшиеся

в шкафах и на складе, и отправилась по своему обычному маршруту, как всегда вылетев из трубы на метле.

Но она не добралась еще и до половины площади, как восклицание служанки заставило ее повернуть обратно.

— Синьора баронесса, посмотрите вниз!

— Куда? А, вижу, вижу!.. Да ведь это фары Голубой Стрелы!

— Мне кажется, что это именно так, баронесса.

Не теряя времени, Фея повернула ручку метлы на юго-запад и спикировала прямо на свет, отражавшийся в воде лужи.

На этот раз Генерал поднял тревогу не напрасно. Свет погасили. Машинист включил мотор на полную скорость и в одно мгновение переехал мост. Платформа, на которой стоял парусник Капитана, и два последних вагона едва успели ступить на твердую землю, как мост с грохотом рухнул.

Кто-то предположил, что Фея принялась бомбить мост, но оказалось, что это Генерал, никого не предупредив, заминировал мост и взорвал его.

— Я лучше проглочу его по кускам, чем оставлю неприятелю! — воскликнул он, покручивая усы.

Фея уже спустилась почти к самой воде и с огромной скоростью приближалась к Голубой Стреле.

— Быстрее налево! — закричал один из ковбоев.

Не дожидаясь, пока Начальник Станции подтвердит приказание, Машинист свернул влево, да так быстро, что поезд чуть не разорвался пополам и вошел в темный подъезд, в котором мерцал огонек трубки Серебряного Пера.

Голубую Стрелу поставили как можно ближе к стене, дверь подъезда закрыли и заперли на засов.

— Интересно, она нас увидела? — прошептал Капитан. Но Фея не заметила их.

— Странно! — бормотала она в этот момент, описывая круги над площадью. — Можно подумать, что их проглотила земля: нигде никаких следов... Голубая Стрела была лучшей игрушкой моего магазина! — со вздохом продолжала Фея. — Ничего не понимаю: может быть, они убежали от воров и ищут дорогу домой? Кто знает! Но не будем терять времени. За работу! Нам нужно разнести бесчисленное множество

подарков.— И, повернув метлу на север, она исчезла в снегопаде.

Бедная старушка! Представьте себя на ее месте: ее магазин обворовали как раз в новогоднюю ночь, а она знает, что в тысячах домов в этот день ребята подвешивают к камину чулок, чтобы утром найти в нем подарок Феи.

Да, есть отчего схватиться за голову!.. А вдобавок еще этот снег: он бьет в лицо, залепляет глаза, уши. Что за ночь, синьоры мои, что за ночь!

ПРОЩАЙ, КУКЛА РОЗА!

— Здесь темно, как в бутылке с чернилами,— сказал Начальник Станции.

— Неприятель может устроить нам здесь любую ловушку,— добавил Генерал.— Пожалуй, лучше зажечь фары.

Машинист включил фары Голубой Стрелы. Беглецы осмотрелись. Они находились в подъезде, загроможденном пустыми ящиками из-под фруктов. Это был подъезд фруктового магазина.

Куклы вышли из вагонов, собрались в уголок и подняли там невероятный шум.

— Тысяча китов-болтунов! — заворчал Полубородый Капитан.— Эти девчонки ни минуты не могут помолчать.

— Ой, здесь кто-то есть! — воскликнула кукла Роза своим милым голоском, похожим на трель кларнета.

— Мне тоже кажется, что здесь люди,— сказал Машинист.— Но кому могла прийти в голову глупая мысль сидеть в подъезде в такую холодную ночь? Что касается меня, то я отдал бы колесо моего паровоза за хорошую постель с грелкой в ногах.

— Это девочка,— заговорили куклы.

— Посмотрите, она спит.

— Как она замерзла! У нее ледяная кожа.

Самые смелые куклы протягивали свои ручки, чтобы пощупать, какая холодная у девочки кожа. Делали они это очень тихо, боясь разбудить девочку, но та не просыпалась.

— Какая она оборванная! Может быть, она поссорилась с кем-нибудь?

— А может быть, подруги побили ее, и она боится теперь вернуться домой в такой грязной и изорванной одежде?

Незаметно они стали говорить громче, но девочка ничего не слышала, оставаясь неподвижной и белой как снег. Она сжала руку под подбородком, как бы желая согреться, но и руки ее были ледяные.

— Попробуем согреть ее,— предложила кукла Роза.

Она ласково коснулась своими ручонками рук девочки и стала растирать их. Бесполезно. Руки девочки были как два куска льда. Один стрелок спустился с крыши вагона и подошел к девочке.

— Э-э-э,— протянул он, бросив взгляд на маленькую,— много я видел таких девочек...

— Вы ее знаете? — спросили куклы.

— Знаю ли я ее? Нет, именно эту не знаю, но встречал похожих на нее. Это девочка из бедной семьи, и все тут.

— Как мальчик из подвала?

— Еще беднее, еще беднее. У этой девочки нет дома. Снег застал ее на улице, и она укрылась в подъезде, чтобы не умереть от холода.

— А сейчас она спит?

— Да, спит,— ответил солдат.— Но странный у нее сон.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не думаю, чтобы она проснулась когда-нибудь.

— Не говорите глупостей! — решительно возразила кукла Роза.— Почему она не должна проснуться? А вот я останусь здесь до тех пор, пока она не проснется. Я уже устала путешествовать. Я домашняя кукла, и мне не нравится бродить ночью по улицам. Я останусь с этой девочкой и, когда она проснется, пойду вместе с ней.

Кукла Роза совершенно преобразилась. Куда только делся ее глупый и хвастливый вид, который так раздражал Полубородого Капитана! Удивительный огонь зажегся в ее глазах, и они стали еще более голубыми.

— Я останусь здесь! — решительно повторила Роза.— Конечно, это нехорошо по отношению к Франческо, но вообще-то я не думаю, чтобы его огорчило мое отсутствие. Франческо — мужчина, и он даже знать не будет, что ему делать с куклой. Вы передадите мой привет, и он простит меня.

А потом, кто знает, может быть, эта девочка пойдет в гости к Франческо, возьмет меня с собой, и мы еще увидимся.

Но почему это она говорила и говорила без конца, как будто в горле у нее было полно слов и ей приходилось выбрасывать их наружу, чтобы не задохнуться?

Потому, что она не хотела, чтобы заговорили другие. Она боялась услышать отрицательный ответ, боялась, что ей придется покинуть одинокую девочку в темном подъезде в такой холода. Но никто не возразил ей. Кнопка вышел на разведку из подъезда и, вернувшись, объявил, что дорога свободна и можно отправляться в путь.

Один за другим беглецы садились в поезд. Начальник Станции на всякий случай приказал ехать с потушенными огнями.

Голубая Стрела медленно двинулась к выходу.

— Прощай, прощай! — шепотом говорили игрушки кукле Розе.

— До свидания, — дрожащим голосом отвечала она. Нечего скрывать, ей было страшно оставаться одной. Она прижалась к спящей девочке и повторила: — Прощайте!

Три Марионетки все вместе высунулись из окошка.

— Прощай! — хором прокричали они. — Нам хочется плакать, но ты ведь знаешь, что это невозможно. Мы сделаны из дерева, и у нас нет сердца. Прощай!

А у куклы Розы было сердце. По правде сказать, она никогда раньше не чувствовала его. Но сейчас, оставшись одна в темном, незнакомом подъезде, она почувствовала в груди глубокие, учащенные удары и поняла, что это билось ее сердце. И билось оно так сильно, что кукла не могла произнести ни слова.

Сквозь удары сердца она едва расслышала стук колес удалявшегося поезда. Потом шум затих и ей показалось, что кто-то произнес: «Не видать тебе больше твоих подруг, маленькая».

Ей стало очень страшно, но усталость и волнения, перенесенные во время путешествия, дали себя знать. Кукла Роза закрыла глаза. Да и к чему было держать их открытыми. Ведь было так темно, что она не видела даже кончика своего носа. Закрыв глаза, она незаметно уснула.

Так и нашла их утром привратница: обнявшись, как сестренки, на полу сидели замерзшая девочка и кукла Роза.

Кукла не понимала, почему все эти люди собрались в подъезде, и с недоумением смотрела на них. Пришли настоящие, живые карабинеры, такие большие, что просто ужас.

Девочку отнесли в машину и увезли. Кукла Роза так и не поняла, почему девочка не проснулась: ведь до этого она никогда не видела мертвых.

Один карабинер взял ее с собой и отнес к командиру. У командира была девочка, и командир взял куклу для нее.

Но кукла Роза не переставала думать о замерзшей девочке, около которой она провела новогоднюю ночь. И каждый раз, думая о ней, она чувствовала, как леденеет ее сердце.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Опустив мордочку к самой земле, Кнопка бежал перед паровозом. Снег покрывал мостовую плотным одеялом. Все труднее и труднее было отыскивать под снегом запах порваных башмаков Франческо. Кнопка часто останавливался, не-

решительно оглядывался по сторонам, возвращался назад, менял направление.

— Может быть, Франческо останавливался здесь поиграть? — говорил пес про себя. — Поэтому следы такие запутанные.

Машинист, прищурив глаза, медленно вел поезд за Кнопкой. Пассажиры в поезде стали мерзнуть.

— Нужно ехать быстрее, — торопил Капитан. — Я боюсь, что таким ходом мы приедем только на будущий год или нас раздавит утром первый же трамвай.

Следы шли зигзагами, и Голубой Стреле приходилось подниматься на тротуары, спускаться с них, описывать кривые по площадям, по три-четыре раза пересекать одну и ту же улицу.

— Что за манера бродить по улицам! — ворчал Начальник Станции. — Учат, учат детей, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия, а они, как только выйдут на улицу, сразу же начинают бродить по окружности. Возьмите этого Франческо: на пути в десять метров он десять раз пересек улицу. Удивляюсь, как он не попал под машину.

Кнопка неустанно искал в снегу следы Франческо. Он почти не чувствовал ни холода, ни усталости и дорогой мысленно разговаривал с Франческо, как будто тот мог слышать его: «Мы все идем к тебе, Франческо! Это будет чудесный сюрприз для тебя. Вот увидишь».

Он так увлекся мысленным разговором с Франческо, что не заметил, что следы куда-то исчезли. Он рыскал по всем направлениям, но никак не мог отыскать их. След кончался здесь, посередине этой узкой, слабо освещенной улицы, а не перед подъездом или где-нибудь на тротуаре.

«Невероятно! — подумал Кнопка. — Не мог же он подняться в воздух?»

— Что там случилось? — закричал Генерал, которому повсюду чудились враги.

— Кнопка никак не отыщет следов Франческо, — хладнокровно сообщил Машинист.

Раздался общий стон. Куклы уже видели себя погребенными под снегом посередине улицы.

— Тысяча мороженых китов! — воскликнул Полубородый. — Только этого еще нам не хватало!

— Его украли! — возбужденно проговорил Генерал.

— Кого украли?

— Ребенка, черт возьми! Нашего Франческо! Его следы доходят до середины улицы и там кончаются. Что это означает?

— Ребенка подняли в воздух, швырнули в машину и увезли.

— Но кто же мог украсть его? Кому нужен ребенок?

Выручил Сидящий Пилот. Он предложил слетать на разведку, и, так как никто не мог придумать ничего лучшего, предложение Пилота было принято. Самолет набрал высоту. Некоторое время его еще видели в слабом свете уличного фонаря, но вот уже он исчез из вида, а вскоре затих и шум мотора.

— Ручаюсь, что мальчика украли, — продолжал настаивать Генерал. — Это значит, что опасность угрожает всем нам. Ко мне, солдаты! Зарядите быстрее пушки, поставьте их вдоль поезда и приготовьтесь открыть огонь!

Артиллеристы заворчали:

— Чтобы он простудился! Заряжать и разряжать всю ночь! А заряды уже промокли и не взорвутся, если даже их бросить в Везувий!

— Молчать! — прикрикнул на них Генерал.

Стрелки, неподвижно стоявшие на крышах вагонов, смотрели сверху вниз на своих братьев, которые потели, таская тяжелые пушки.

«Везет артиллеристам! — думали стрелки. — Они работают, а нас уже до колен засыпало снегом. Пройдет немного времени, и мы превратимся в снежные статуи!»

Музыканты тоже были в отчаянии: снег набился в трубы и закупорил их.

Тут произошло нечто непонятное: как только первую пушку сняли с платформы, она исчезла под снегом. Вторая провалилась, как будто под ней было озеро. Земля проглотила и третью пушку. Короче говоря, как только пушку спускали с платформы, она исчезала под снегом.

— Что такое... Это же... — от удивления и негодования Генерал потерял дар речи. Он опустился на колени и принял разрывать снег руками.

И тут все разъяснилось. Оказалось, что пушки ставили прямо на прикрытую снегом яму и они проваливались в воду, журчавшую под снегом.

Генерал так и остался стоять на коленях, как будто сраженный молнией. Он сорвал берет, стал рвать волосы на голове и, может быть, содрал бы и кожу, если бы не услышал, что артиллеристы смеются.

— Несчастные! Лучшие, единственные орудия нашей армии попали в ловушку неприятеля, а вы смеетесь! Разве вы не понимаете, что теперь мы безоружны? Все под арест! По возвращении в казарму вы все предстанете перед судом военного трибунала!

Артиллеристы сразу же приняли серьезный вид, но продолжали вздрагивать от едва сдерживаемого смеха.

«Не так уж плохо, — думали они, — по крайней мере, мы не будем больше заряжать и разряжать пушки! Пусть синьор Генерал кричит сколько ему угодно. Нам и без пушек хорошо: меньше работы».

Генерал, казалось, постарел лет на двадцать. Волосы его побелели, может быть, еще и оттого, что он снял берет и снег падал на его голову со скоростью сантиметра в секунду.

Камни прослезились бы при виде этой сцены! Но, к несчастью, камни не могли видеть этого: ведь они сами были под снегом.

— Все кончено! — рыдал Генерал. — Кончено! Мне нечего больше делать!

У него было такое ощущение, словно он ел чудесное пирожное и вдруг, неизвестно каким образом, вся сладость исчезла, и он обнаружил, что жует что-то вроде безвкусного картона. Без пушек жизнь Генерала была безвкусной, как еда без соли.

Он продолжал неподвижно стоять на коленях, не обращая внимания на все просьбы, и даже не отряхивал снег.

— Синьор Генерал, на вас падает снег, — заметили артиллеристы и хотели стряхнуть снег с его плеч.

— Оставьте меня, оставьте меня в покое!

— Ведь снег совсем засыпает вас. Он дошел уже до колен.

— Неважно.

— Синьор Генерал, снег уже вам по грудь.

— Я не чувствую холода. Сердце у меня сейчас холоднее снега.

В одно мгновение Генерал был почти целиком покрыт снегом. Некоторое время еще виднелись его усы, но вот и они исчезли. Вместо Генерала осталась снежная статуя, статуя коленопреклоненного Генерала, вцепившегося руками в края ямы, в которую провалились его пушки. Бедный Генерал, что за гибель!

По-моему, он не заслужил такой участи, хотя и желал ее. Никто не мешал ему подняться, отряхнуть снег и укрыться в вагоне. Будучи Генералом, он имел право ехать в вагоне первого класса. Однако он предпочел превратиться в снежную статую.

Но оставим Генерала с его холодной судьбой. Прощай, синьор Генерал! Мы не забудем тебя.

Я-то хорош! Теряю время на поминки по Генералу, когда пассажирам Голубой Стрелы угрожают очень серьезные неприятности. На этот раз речь идет о Кошке. Настоящей, не

игрушечной Кошке, величиной с целых два вагона Голубой Стрелы.

Пока мы все смотрели на Генерала и мысли наши были заняты его самопожертвованием, страшная хищница тихоночко подобралась по снегу, осмотрела всех своими зелеными глазищами и выбрала добчу.

Вы еще не забыли о Канарейке в клетке, которая прыгала на своей пружине и все время напевала «чик-чик»? Ну вот, добавлю только, что клетка с Канарейкой была подвешена снаружи к окошку Голубой Стрелы. Вообще-то клетка должна была висеть в вагоне, но Канарейка своим несмолкаемым пением так всем надоела, что клетку подвесили снаружи.

Кошка заметила неосторожную Канарейку и решила полакомиться ею.

«Я сломаю клетку одним ударом лапы», — подумала она.

Так и вышло.

«Еще одним ударом я заставлю Канарейку замолчать», — подумала Кошка.

Но так не вышло.

Канарейка почувствовала, как острые когти скользнули по ее крыльям, и испустила отчаянное «чик-чик». Затем что-то треснуло, щелкнуло — и распрымившаяся пружина больно ударила агрессора по носу.

Полуослепшая от боли и напуганная неожиданным ударом — кто мог ожидать

такую энергичную защиту от Канарейки? — Кошка убралась прочь. Ковбои некоторое время пытались преследовать ее, но их кони проваливались в снег и не могли бежать быстро.

Да, на этот раз Кошка вместо добычи получила удар по носу. Но и бедная Канарейка лежала в снегу вся изуродованная.

Из-под крыльев у нее торчала стальная пружинка. Раскрытым клюв замолк навсегда.

В течение нескольких минут Голубая Стрела потеряла двух своих пассажиров.

Третий — Сидящий Пилот — в этот момент летел неведомо где на своем самолете. А может быть, уже порыв ветра ударили его о печную трубу? Или он рухнул на землю под тяжестью снега, облепившего слабые крылья его самолета? Кто знает?

Канарейку с воинскими почестями похоронили под снегом. Стрелки вытряхнули из своих труб снег и сыграли похоронный марш. Сказать по правде, звук труб был какой-то простуженный: казалось, что музыка доносилась издалека, с соседней улицы. Но все же это было лучше, чем ничего.

Впрочем, история Канарейки на этом не кончается. Ее друзья из Голубой Стрелы не знают продолжения этой истории, потому что, похоронив Канарейку, они возобновили свой ночной марш. Но я на некоторое время задержался здесь и видел, как ночной сторож слез со своего велосипеда, колесо которого наткнулось на клетку Канарейки.

Ночной сторож подобрал ее, подвесил к велосипеду и тут же, прямо посреди улицы, попробовал вправить пружину. Чего только не сделают две искусные руки! Через несколько минут прозвучало «чик-чик» Канарейки, немного приглушенное, но от этого еще более веселое и беспечное.

«Она понравится моему сыну, — подумал ночной сторож. — Я скажу ему, что Канарейку мне дала Фея. Скажу, что встретил ее ночью на улице и она передала ему привет и пожелания веселой, счастливой жизни».

Так подумал ночной сторож. Может быть, он думал еще о чем-нибудь, но у меня нет времени сообщить вам об этом, потому что я должен продолжать рассказ о приключениях Голубой Стрелы. А ночной сторож поехал дальше и на пово-

ротах, вместо того чтобы звонить в велосипедный звонок, толкал клетку, и тогда раздавалось веселое «чик-чик» Канарейки. Мне кажется, что он неплохо придумал.

ПОЛЕТ СИДЯЩЕГО ПИЛОТА

Все мы в сборе? Нет, не хватает Сидящего Пилота, который отправился на своем аэроплане на поиски следов Франческо.

Это был опасный полет: ведь погода была совсем нелетная.

Стараясь держаться середины улицы, чтобы не запутаться в электрических проводах или не натолкнуться на какое-нибудь здание, Сидящий Пилот с завистью думал о Фее:

«Интересно, каким образом эта старая синьора летает на своей метле, если я на самолете новейшей конструкции и то ежеминутно рисую рухнуть на землю?.. Хотел бы я знать,— продолжал про себя доблестный авиатор,— в какую сторону мне сейчас направиться? Ничего не видно ни вверху, ни внизу, ни слева, ни справа, да я не верю, чтобы Франческо оставил какие-нибудь следы в облаках. По-моему, нужно спуститься ниже».

Он пошел на снижение, но ему моментально снова пришлось набрать высоту, чтобы не приземлиться на голову ночного сторожа, который быстро ехал по улице на своем велосипеде. Возможно, это был тот самый сторож, который нашел Канарейку.

Спустя некоторое время Пилоту показалось, что ночь стала чуть посветлее.

«Может быть, я вылетел на площадь? — проговорил он про себя. — Попробую спуститься еще раз».

Он снова пошел на снижение, но вдруг перед ним выросла огромная мрачная тень, из глубины которой прозвучал громкий голос:

— Эй, синьор Пилот, приземляйтесь, пожалуйста, сюда!

Сидящий Пилот моментально принял решение: «Сделаю вид, что не рассышал. Я никого не знаю в этих краях и не хотел бы нарваться на какую-нибудь неприятную встречу».

Но только он это подумал, как чья-то гигантская рука осторожно взяла аэроплан и потащила его к себе.

— Я пропал,— громко воскликнул Сидящий Пилот.

— Почему пропал? Я никогда не был ни бандитом, ни разбойником,— ответил хозяин руки.— А теперь я всего-навсего мирный бронзовый Памятник, стоящий в центре площади, и у меня даже в мыслях нет сделать вам что-нибудь плохое.

Сидящий Пилот облегченно вздохнул и осмелился наконец посмотреть, откуда исходил голос. Он увидел огромное добродушное лицо, на котором между усами и бородой скользнула приветливая улыбка.

— Кто вы такой?

— Я же сказал вам. Я Памятник. Раньше я был патриотом и с высоты моего коня призывал воинов к освобождению родины.

— А сейчас вы тоже на лошади?

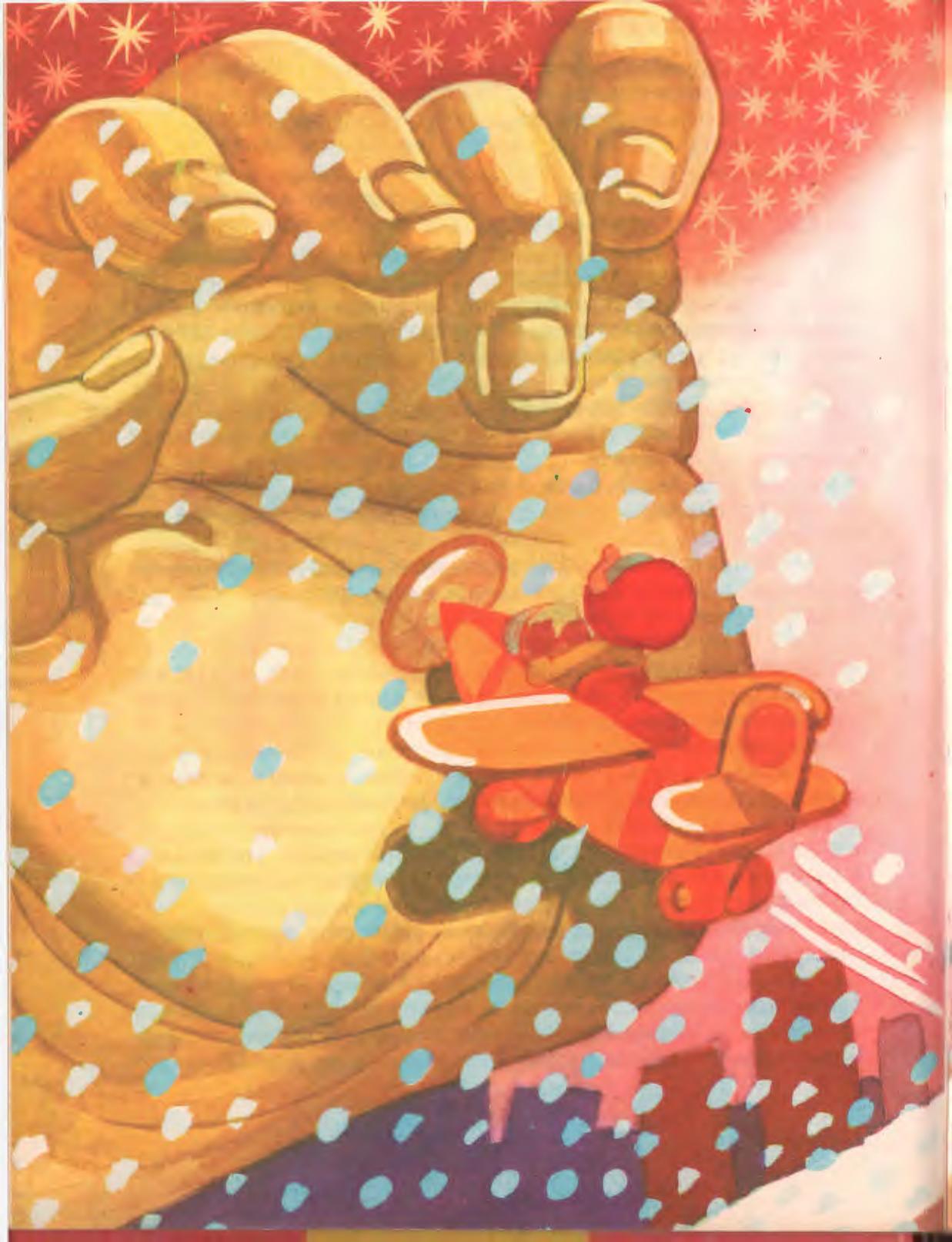
— Да. Лошадь довольно большая, как же вы ее не заметили?

— Я летел высоко. Сейчас, с вашего разрешения, я отправлюсь дальше. Я сделаю над вами круг, чтобы лучше осмотреть вас и вашу лошадь.

— К чему спешить? — улыбнулся Памятник. — Подождите еще минутку, давайте немного поболтаем. Мне так редко случается говорить с кем-нибудь, что я чувствую, как у меня онемел язык и губы двигаются с трудом. Я уже давно услышал жужжение вашего самолета и очень удивился. «Неужели, — думаю, — летает муха в такое время года?» Что за история! Клянусь, что такие маленькие аэропланы я видел только в руках детей!

Сидящий Пилот рассказал, что его аэроплан — тоже детская игрушка, и в нескольких словах сообщил Памятнику о своих делах и о Голубой Стреле.

— Очень интересно,— ответил Памятник, внимательно выслушав рассказ.— Я тоже люблю детей. В хорошую погоду они всегда прибегают поиграть около моего коня. А сейчас выпал снег, и они оставили меня одного. Но это вполне естественно, и я не обижаюсь. Правда, один из них частенько навещает меня и сейчас, хотя я не могу поручиться, что он

приходит именно ко мне. У этого мальчугана каштановые волосы и чуб спускается ему на самые глаза. Он приходит, садится на ступеньки и долго думает о чем-то. Потом уходит. Мне кажется, что он чем-то очень расстроен.

— Если бы его звали Франческо,— вздохнул Сидящий Пилот,— он мог бы оказаться нашим другом. Что вы об этом думаете?

— К сожалению, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь произносил его имя. Вообще-то у людей не принято, чтобы они сами себя называли по имени: они ждут, пока их позовут другие. Но этот мальчик мне кажется одиноким, и в этих краях никто его не знает.

— Если бы его звали Франческо...— снова вздохнул Сидящий Пилот.

Неожиданно его осенила блестящая идея:

— Только Кнопка может решить этот вопрос. Он обнюхает ступеньки и скажет нам, Франческо это или нет.

— Хорошо сказано — хорошо сделано. И я буду иметь удовольствие познакомиться со всей вашей компанией.

— Но... — пробормотал Сидящий Пилот, становясь грустным,— как он мог попасть сюда? Ведь следы теряются там, посреди улицы?

Памятник усмехнулся в усы.

— Вижу, что вы не совсем хорошо знаете ребят,— вежливо заметил он.— В противном случае вы бы знали, что они любят путешествовать на подножке трамвая. Они не должны этого делать, потому что это запрещено. Но иногда они нарушают это правило. Как раз я вспомнил: вчера на под-

ножке трамвая мимо меня проезжал мальчик с каштановыми волосами, и полицейский заставил его слезть.

— Тогда нечего сомневаться, это наверняка был Франческо! — весело воскликнул Сидящий Пилот.

Через четверть часа вся компания уже находилась у подножия Памятника.

Кнопка нервно бегал по ступенькам, обнюхивая их так, как будто хотел втянуть эти массивные мраморные ступени в свои ноздри. Он нюхал долго, чтобы не ошибиться. В действительности он сразу же почувствовал запах башмаков Франческо.

«Наконец-то мы тебя отыскали!» — ликовал он про себя.

— Ну! — нетерпеливо воскликнул Полубородый Капитан, у которого лопнуло терпение.

— Это Франческо, — изрек Кнопка, — мы отыскали его!

— Урра, тысяча треугольных китов!

Кто знает, что подразумевал Капитан, говоря о треугольных китах, которых не было и никогда не будет на свете. В порыве энтузиазма он не соображал, что говорил.

Памятник тоже был доволен. Где-то сверху среди ночи и снега загремел его смех. Затем смех передался ногам лошади — и ноги задрожали.

Полковник стрелков решил отметить это событие небольшим концертом своего оркестра. И тут случилась необыкновенная вещь. Когда трубы стрелков заиграли один из их дьявольских маршей, ноги лошади отделились от пьедестала и принялись танцевать. Старый патриот почувствовал, как при звуке фанфар в его груди забилось сердце.

— Урра! — радостно закричал он. — Вон, иностранец! ¹ Ура! Иностранец, убирайся прочь!

Фанфары стрелков вернули его к жизни. Старый патриот пришпорил коня, съехал с мраморного пьедестала и рысью сделал круг по площади. Копыта глухо цокали по снегу в такт музыке.

Это была такая волнующая сцена, что пассажиры Голубой Стрелы забыли о холода и перенесенных невзгодах.

¹ Слова из знаменитого «Гимна Гарибальди»

Но Кнопка ни минуты не переставал думать о цели их путешествия.

— За мной! — воскликнул он своим смешным голосом и помчался впереди Голубой Стрелы по следу Франческо.

Голубая Стрела с трудом поспевала за ним. А Памятник мчался на лошади без всякого труда. Как, и Памятник?.. Да, Памятник тоже ехал рысью за Кнопкой.

БРОНЗОВЫЙ ПАМЯТНИК

— Тысяча китов-велосипедистов! — растерянно пробормотал Полубородый Капитан. — Никогда мне не приходилось видеть, чтобы Памятник скакал по улице, как на бегах!

— Да, это не часто увидишь, — засмеялся Памятник. — Я не могу ездить по улицам, когда хочу. Но иногда я не прочь прогуляться.

— Конечно, ведь быть Памятником не очень-то весело.

— Ну нет, я бы не сказал. Некоторое удовлетворение мы тоже получаем. В городе мы важные персоны. Прежде всего вокруг нас должна быть площадь, несколько деревьев и хотя бы пара скамеек. На скамейках нищие могут подышать свежим воздухом летом или погреться на солнышке зимой. А, кроме того, нас обычно ставят на высокие пьедесталы, окруженные ступеньками. На этих ступеньках играют дети. Мы, памятники, тоже приносим пользу и поэтому не жалуемся на свою судьбу. Однако иногда неплохо размять ноги хорошей прогулкой. Мне такое счастье выпадает раза два в год, когда случается что-нибудь необыкновенное. В эту ночь, например, марш оркестра стрелков... Если бы я не знал совершенно точно, что сделан из бронзы, я готов был бы держать пари, что кровь в моих жилах потекла вдвое быстрее.

— А что произошло, когда вы в последний раз погуливались в свое удовольствие? — спросил Полубородый.

Собеседникам было довольно трудно понимать друг друга. Чтобы Памятник лучше слышал, Полубородый забрался на самую высокую мачту своего парусни-

ка и ежеминутно рисковал упасть и разбиться о палубу.

Памятник немножко замешкался с ответом: возможно, он не мог сразу вспомнить. Кто знает, как работает память у бронзовых памятников...

— Это,— заговорил он наконец,— было месяцев шесть тому назад. Помню, было воскресенье. На площади собралось много людей.

— И все видели, как вы гуляете?

— Нет, прогулка состоялась позже. Дайте же мне рассказать! Собралось много народу, и все они кричали. Сначала я не мог понять, чего они хотят, но потом слова стали доноситься отчетливее. И когда я разобрал, что они кричали, клянусь, сердце забилось у меня в груди. «Вон из Италии! — кричали они. — Прочь, иностранец!» Черт возьми, ведь это когда-то был мой победный клич! Мне казалось, что я вот-вот закричу вместе с ними: «Прочь, иностранец! Прочь, иностранец!» Вот как было дело.

— На этом все кончилось?

— Нет, самое главное впереди. Пока люди кричали, приехали карабинеры. Я, конечно, не испугался их, но люди на площади стали разбегаться в разные стороны. Только один остался. Он взбежал по ступенькам пьедестала, вскарабкался на моего скакуна и принялся кричать: «Вон, иностранец!» «Молодец,— думал я про себя.— Видно, это настоящий патриот. Его непременно наградят медалью...»

Памятник замолчал.

— Ну, и дали ему? — спросил Полубородый.

— Что?

— Медаль.

— Какая там медаль, его посадили в тюрьму! Я не верил своим бронзовым глазам. На него надели кандалы и увели. Мое негодование было так велико, что, сам не заметив как, я спустился с пьедестала и галопом помчался по улице. Прежде чем я понял, что со мной происходит, я уже очутился перед тюрьмой.

— И вы увидели вашего друга?

— Да, я разглядел его в окошке на третьем этаже. Окошко

было такое маленькое, что виднелись только его глаза и нос. Но я сразу узнал его взгляд и голос, когда он окликнул меня... Послушайте, мне пришла в голову неплохая мысль. Что, если он еще там?

— Но прошло уже шесть месяцев, его уже, наверное, освободили.

— Пойдемте посмотрим: тут всего два шага. Тюрьма находится в конце этой аллеи. Пойдемте, это будет неплохой сюрприз нашему пленнику... Потом вы отправитесь дальше, а я вернусь на пьедестал.

И Машинист полным ходом повел Голубую Стрелу в сторону тюрьмы, которая виднелась невдалеке, серая и огромная, с сотнями черных узких дыр вместо окон.

— Никого не видно,— сказал Памятник, внимательно осмотрев все этажи.

— Давайте я посмотрю,— сказал Сидящий Пилот.

И вот он уже летит на высоте крыши и внимательно осматривает окошко за окошком. В камерах было полно заключенных, но Сидящий Пилот никого из них не знал. К счастью, на помощь пришла лошадь Памятника: она звонко заржала.

— Молодец,— воскликнул Памятник,— ты тоже вспомнила о нашем друге!

На этот раз из окошка третьего этажа сразу же высунулось исхудалое лицо.

— Привет! — закричал Памятник, узнав заключенного.

— Привет! А я-то думал, что ты являлся мне во сне.

— А вот и не во сне! Так тебя все еще не освободили?

— А-а-а, здесь такая же история, как в книге о Пиноккио¹: воры выходят из тюрьмы, а патриоты остаются. Мне жаль только, что в эту новогоднюю ночь я нахожусь далеко от моей семьи. Мой мальчик ждет, конечно, подарка Феи, но какой подарок я смогу ему послать? Здесь нет игрушек.

¹ Речь идет о книге писателя Коллоди «Приключения Пиноккио», послужившей прототипом для книги А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

— Нет? А мы что такое? — воскликнул тогда Сидящий Пилот.

Заключенный прищурился и увидел маленький аэроплан, порхавший перед его глазами, потом он посмотрел вниз и увидел Голубую Стрелу и ковбоев, гарцевавших на снегу на своих лошадях, которые с высоты казались маленькими мышатами.

Заключенный вздохнул:

— Ах, если бы здесь был мой сынок!

— А кто из нас, по-вашему, ему бы понравился? — спросил Кнопка, которого осенила новая идея.

«В конце концов, — подумал он, — не обязательно всем идти к Франческо. Многие дети остаются без подарков, и нам не мешало бы разделиться, чтобы понемногу порадовать всех».

— Не знаю, — смутившись, ответил заключенный, — когда я был дома, он очень любил запускать бумажного змея.

— Тогда ему, без сомнения, понравится змей, который летает без ниток! — воскликнул Сидящий Пилот.

— Что вы этим хотите сказать?

— Хочу сказать, что, если вы дадите ваш адрес, я полечу туда и приземлюсь на подушку вашего сына, как на самый лучший аэродром.

На этот раз Сидящий Пилот побил рекорд доброты.

Тут совершенно неожиданно Памятник разразился смехом.

— Прекрасно, — воскликнул он сквозь смех, — меня повысили! Меня повысили в должности! Я был простым памятником, а стал Феей, которая разносит подарки!

— Ну, как, — напомнил Сидящий Пилот, — вы дадите мне ваш адрес?

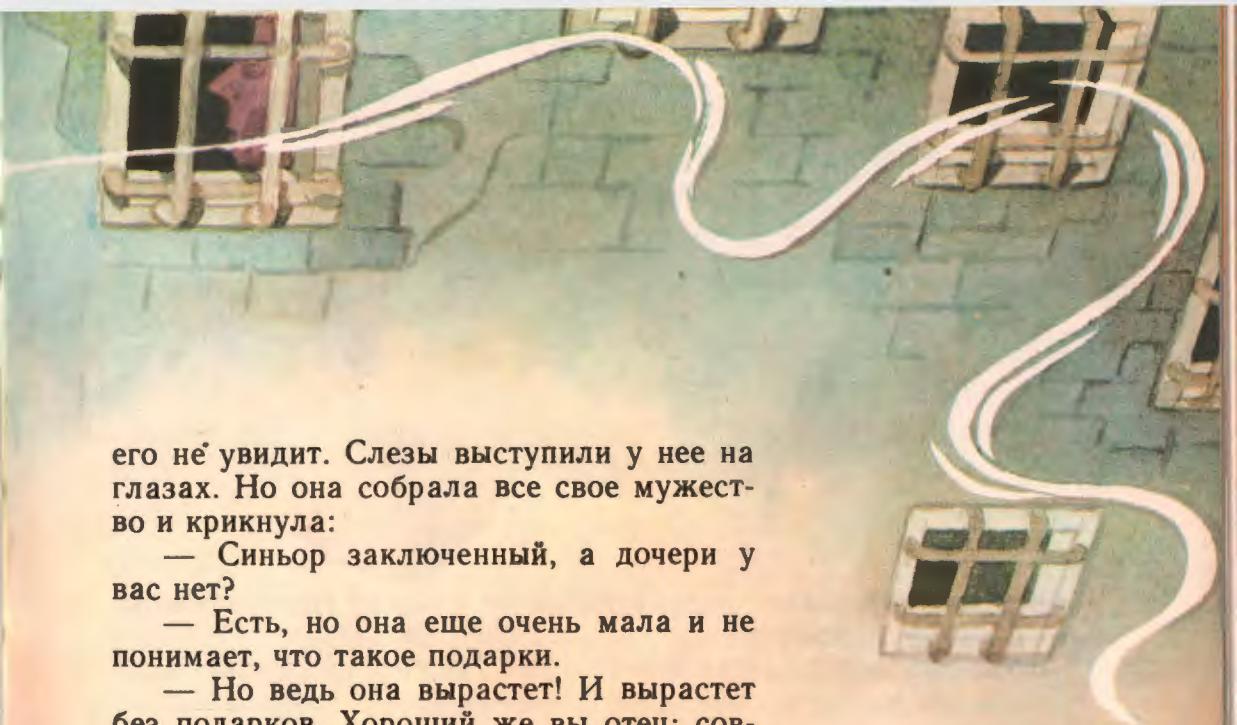

— Я... ну конечно, конечно! — заторопился заключенный. — Летите по этой аллее, потом сверните направо и долетите до самого холма; сделайте круг над холмом и увидите дом с тремя трубами. Самая низкая труба — от моего камина. Вы не ошибетесь!

Сидящий Пилот повторил адрес, чтобы лучше запомнить его, попрощался со всеми и приготовился к полету.

Во время этого разговора кукле Нере, по правде сказать, было очень грустно. Вы помните ее? Это она не сводила глаз с Сидящего Пилота, а он даже не замечал этого. А сейчас Сидящий Пилот собирается улетать, и она никогда больше

его не увидит. Слезы выступили у нее на глазах. Но она собрала все свое мужество и крикнула:

— Синьор заключенный, а дочери у вас нет?

— Есть, но она еще очень мала и не понимает, что такое подарки.

— Но ведь она вырастет! И вырастет без подарков. Хороший же вы отец: совсем не беспокоитесь о вашей дочери!

Серебряное Перо вынул трубку изо рта и в первый раз за все время рассмеялся.

Это было настолько странно, что все обернулись: никто еще никогда не видел, чтобы он смеялся. Ведь известно, что краснокожие никогда не смеются.

— Кукла Нера обманывать. Она хочет лететь с Сидящий Пилот.

Кукла Нера была чернокожей, но она так покраснела, что чуть не превратилась в краснокожую.

Сидящий Пилот рассмеялся, сделал

круг над площадью, подхватил на лету куклу Неру, посадил ее в кабину и крикнул:

— Вот кукла для вашей девочки! Можете не сомневаться: когда она вырастет, кукла ей понравится.

И самолет с рокотом умчался вдаль.

Так мы расстались с этим симпатичным героем. Расстаемся мы и с заключенным, потому что пришел надзиратель и заставил его отойти от окна. Расстаемся и со старым Памятником, который, проводив наших друзей, вернулся на свою площадь.

Сколько расставаний! Наверно, к концу путешествия, когда мы приедем к двери Франческо, нас останется очень мало.

Но тсс — мы же еще не приехали. Кнопка отыскал след. Голубая Стрела мчится вперед. А кто это зловеще улыбается за ветками деревьев? Кто следует по пятам за нашими друзьями?

ПОДВИГ СЕРЕБРЯНОГО ПЕРА

- Синьора баронесса, это они!
- Тише, Тереза, тише, а то они услышат и убегут!
- Бог мой, только этого еще не хватало после всех лишений, которые мы перенесли, отыскивая их!
- Замолчи, говорят тебе, а то я снижу тебе заработную плату!

Старая служанка замолчала, потому что, когда Фея обещала увеличить заработную плату, это можно было не принимать всерьез, но, когда она угрожала ее снизить, можно было держать пари, что она сдержит свое обещание. Из всех арифметических действий сложение нравилось ей тогда, когда она подсчитывала свои доходы, а вычитание — когда ей приходилось платить другим. Она считала, что сложение и умножение были действиями синьоров, а вычитание и деление — удел бедняков.

Всю ночь Фея и ее служанка мчались как сумасшедшие, рискуя сломать метлу, на которой летели. Когда они уже выбились из сил и собирались повернуть назад, острые глазки Феи заметили сквозь снегопад Голубую Стрелу, которая с потушеными фарами мчалась вдоль трамвайной линии в сторону городской окраины.

— Вот они, — сказала Фея.

Наши друзья еще ничего не заметили: они так радовались, что наконец отыскали следы своего Франческо.

— Следы совсем свежие,— ликовал Кнопка,— без сомнения, мы уже близки к цели.

Внезапно Серебряное Перо вынул трубку изо рта, как будто хотел что-то сказать. Однако не сказал ничего, но его уши стали двигаться во всех направлениях, как у волка; все краснокожие тоже стали прислушиваться.

Один из ковбоев, который был хорошо знаком с краснокожими, помчался предупредить Начальника Станции.

— Краснокожие что-то услышали.

— Ну и что же? На то у них и уши, чтобы слышать.

— Серебряное Перо чем-то озабочен. Может быть, он почуял какую-нибудь опасность?

— Он что, тоже нюхает? Ну и поезд: вместо того чтобы двигаться по рельсам, двигается по запаху! Кнопка нюхает уже несколько часов подряд, а теперь за это же принялся этот старый дурак. Оставьте меня в покое. Голубая Стрела больше не остановится ни на секунду.

Должен вам признаться, что иногда на нашего Начальника Станции находит необъяснимое упрямство. Но ему все же пришлось остановить поезд, потому что Серебряное Перо и все его люди выпрыгнули на ходу из вагона, рискуя сломать себе шею, и расположились вокруг Голубой Стрелы, держа наготове свои боевые топоры.

— Что все это значит, в конце концов? — яростно воскликнул Начальник Станции.— Не кажется ли вам, что вы выбрали неподходящее время для шуток?

Серебряное Перо невозмутимо посмотрел на него.

— Мы слышать шум. Кто-то ходит по деревьям.

— Вы слышали шум? — воскликнул Начальник Станции.

И вдруг на дереве хрустнул сучок. Это старая служанка, боясь упасть, уцепилась за ветку, которая не выдержала ее тяжести и треснула.

— Шш! — прошипела Фея.— Тихо! Не шевелись! Останься на месте, нас услышали!

— Не могу оставаться на месте, я вот-вот упаду.

— Я говорю тебе: останься на месте.

— Скажите это ветке, синьора баронесса. Она трещит, я слышу. Ради бога, синьора хозяйка, помогите!

Услышав, что служанка назвала ее «сеньора хозяйка» вместо «сеньора баронесса», Фея ужасно рассердила. Служанка подумала, что Фея хочет поколотить ее, и отпрянула назад. Но от слишком быстрого движения она потеряла равновесие и с криком рухнула вниз. Правда, она упала на снег и не ушиблась, но в тот же миг краснокожие окружили ее и своими топорами, как кольями, пригвоздили к земле ее юбку.

— Вернись назад! — закричала испуганная Фея. — Лезь скорее на дерево!

— Помогите, сеньора хозяйка, помогите! Я попала в плен к индейцам! Они вырвут мне волосы!

Но Фея боялась ввязываться в сражение. Долгие годы игрушки повиновались ей беспрекословно. А сейчас хозяйка не была уверена в своей власти над ними. Они сами захотели убежать, теперь она это поняла. И, если судить по тому, как они обошлись с бедной служанкой, вряд ли захотят вернуться.

— Хорошо! — крикнула она. — Я полечу одна! Но не приходи потом жаловаться, если я снизу тебе заработную плату. Я не могу позволить себе роскошь платить тебе деньги за то, что ты в рабочее время спокойно 'развалилась по-среди улицы.

— Какое тут спокойствие, сеньора хозяйка! Разве вы не видите, что они пригвоздили мою юбку к земле своими топорами?

Но Фея не стала ее слушать. Бормоча проклятия, она улетела.

Серебряное Перо стоял в двух сантиметрах от носа служанки и с любопытством наблюдал за ней.

— Синьор индеец, — стала спрашивать бедная старушка, — вы вырвете мне волосы, не так ли? Ведь такой у вас обычай?

— Мы не вырывать ни один волос, — строго произнес Серебряное Перо. — Мы есть храбрый индеец, никого не убиваем, а только играть с детьми.

— Ах, спасибо, синьор индеец! А что вы будете делать со мной? Если вы отпустите меня, то я обещаю вам...

— Что вы обещаете?

— Вот видите, я сделала список всех детей, которые не получат подарков от Феи. Что ж вы думаете, мне ведь тоже их жаль... Я не могу видеть их грустные лица, когда они приходят к моей хозяйке. Я записала их имена, видите? Вот он, список... Может быть, вы захотите отправиться к кому-нибудь из них?

Если бы ей позволили продолжать, она болтала бы еще до сих пор, а ведь все это случилось десять лет, шесть месяцев и пять дней тому назад.

Но Серебряное Перо молниеносно принимал решения.

Он выхватил список, который протягивала ему служанка, приказал освободить ее, вскочил в вагон вместе со своими людьми и снова взял в рот трубку.

— Что же теперь делать? — спросил Начальник Станции.

— Нас ждет Франческо, — робко промолвил Кнопка. — Мы, наверно, находимся в десяти шагах от его дома.

— Сначала ходить в дом к Франческо, и кто хочет — останься с ним. Потом ходить к другим мальчишкам, — сказал Серебряное Перо.

— Тысяча бродячих китов! Если вы думаете, что я хочу путешествовать всю мою жизнь, как Летучий Голландец, то вы жестоко ошибаетесь. Как только мы приедем к Франческо, я поставлю мой корабль в таз, подниму паруса, выберу якорь и попрощаюсь с вами тремя гудками сирены.

Последние слова Полубородого потонули в грохоте колес. Голубая Стрела снова тронулась в путь. Никто даже не взглянул в сторону бедной старой служанки, которая отряхивала снег с юбки и печально вытирала глаза.

— Я не обижаюсь, — шептала старуха. — Они ничего мне плохого не сделали. Но неужели они думают, что моя хозяйка на самом деле такая скучая, какой она кажется? Нет, нет, я всем скажу, даже если вы не захотите выслушать меня: хозяйка, конечно, скуповата, но она ведь бедная. Она ничего не может дарить даром, потому что ей самой приходится покупать эти игрушки. Если бы она была так богата, как сказочная Фея, она всем раздавала бы подарки бесплатно. Но ведь она не Фея из сказки, а самая обыкновенная женщина. Поэтому она и дает игрушки только тем, кто платит.

И старушка, прихрамывая, направилась к магазину Феи, чтобы дождаться там своей хозяйки, которая в полночь обычно возвращалась домой, чтобы подкрепиться чашечкой кофе.

«Я волью ей в кофе три ложечки рома,— подумала

старая служанка,— она будет довольна и не станет особенно ругать меня».

Тем временем Кнопка бежал все быстрее. Следы привели его в очень узенькую улочку, в которой было столько снегу, что пришлось пустить в ход снегоочиститель. Перед одной дверью следы кончились. Кнопка остановился так внезапно, что Машинист едва успел затормозить, чтобы не задавить щенка.

— Мы приехали? — спрашивали пассажиры.

— Да, приехали, — подтвердил Кнопка, сердце которого стучало, как молоток: тук, тук, тук...

— Тогда войдемте, — предложил Начальник Станции, с любопытством глядя на дверь.

Это была такая же дверь, как и все остальные, только все двери были закрыты, а эта открыта.

— Что за люди? — воскликнул Начальник Станции. — Спят в январе с открытой дверью, да еще в такую метель! Может быть, они не чувствуют холода?

СЕРДЦА ТРЕХ МАРИОНЕТОК

Пассажиры Голубой Стрелы огорченно посмотрели друг на друга.

— Бедный мальчик! — вздохнул Машинист. — Что же с ним случилось?

— Сколько мы проехали, и все без толку! — добавил Начальник Станции.

— Тысячи бродячих китов! — послышалось ворчание Полубородого Капитана. — Мы думали, что прибыли в порт, а на самом деле снова находимся в открытом море.

Куклы выглянули из окошек и вышли из поезда, но тут же вскочили обратно в вагоны, чтобы не промочить ноги в снегу.

Лошади ковбоев топтались на месте.

— Нам ничего не остается, как вернуться в лавку Феи, — грустно прошептал Начальник Станции.

— Никогда! — решительно воскликнул Полубородый. — Скорее я буду плавать в луже или сделаюсь пиратом!

— Что же вы предлагаете?

— Я уже сказал: что касается меня, то к хозяйке я не вернусь:

Серебряное Перо вспомнил о списке, который он взял у служанки Феи. Он вытащил список из кармана и принялся изучать его.

— Здесь есть много Франческо, — сказал он.

Перед пассажирами Голубой Стрелы сверкнул луч надежды.

— А наш здесь есть?

— Нет. Здесь много других Франческо и много Пьера, Анн, Марии, Джузеппе.

— Все эти дети не получат подарков от Феи, — прошептал Полубородый. — Кто знает! Может быть... Правильно я говорю?

— Да, — неохотно согласился Начальник Станции, — я понял, что вы хотите сказать. Если мы не найдем нашего Франческо, то можем осчастливить других детей. Что скажет на это Серебряное Перо?

Старый вождь еще никак не мог понять, что в мире есть

много мальчиков по имени Франческо и большинство из них остались без подарков. Может быть, он думал, что в мире существует только один Франческо или, по крайней мере, два: богатый и бедный. А тут в одном списке бедняков оказалось так много Франческо, что только, чтобы перечислить их всех, нужно кончить хотя бы третий класс начальной школы.

— Как много Франческо! — продолжал повторять он. Казалось, лишь сейчас он обнаружил, что мир такой большой. А ведь они всю ночь кружили по городу, видели тысячи домов с тысячами окон.

— Мы ходить искать все Франческо, — сказал наконец Серебряное Перо.

— Все по вагонам! — закричал Начальник Станции.

Но в этой команде уже не было необходимости: все пассажиры и без того сидели в вагонах, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

Три Марионетки мерзли за троих и так сильно стучали зубами, что в их купе никто не мог уснуть.

— Нельзя ли потише? — ворчали пассажиры. — Разве вы не видите, что мы устали и нуждаемся в отдыхе? Сердца у вас нет!

— Да, у нас нет сердца, — грустно ответили Марионетки.

— Ах, оставьте ваши шутки!

— Это не шутки, у нас действительно нет сердца. Мы сделаны из дерева и из папье-маше. Если бы у нас было сердце, нам не было бы так холодно.

Из коробки карандашей наружу выскочил Красный.

— Я позабочусь об этом, — сказал он.

И тремя штрихами он нарисовал сердца на платьях трех Марионеток. Получилось три чудесных красных сердца. Они были немножко кривые с одной стороны и такие большие, что занимали всю грудь.

— Готово, — удовлетворенно объявил Красный Карандаш.

— Спасибо, — поблагодарили три Марионетки.

— Лучше вам теперь?

— О, гораздо лучше! Теперь мы чувствуем тепло на груди, под сердцем.

А через несколько минут они почувствовали тепло в ушах,

в руках и в ногах — словом, в самых отдаленных от сердца местах, где холод особенно мучает бедных людей.

— Теперь мы совсем согрелись, — сказали три Marionетки. — Как хорошо иметь сердце!

И, довольно поглядывая на грудь, где три больших красных сердца сверкали, как медали за отвагу, они спокойно заснули.

Тем временем Голубая Стрела мед-

ленно двигалась вперед. Дорогу паровозу указывал... «Кнопка» — скажете вы. Нет, друзья, вы ошиблись. Кнопка не поехал. Кнопка остался на пороге дома Франческо, своего Франческо.

— Но ведь их так много! — сказали ему.

— Я знаю, но я хочу отыскать нашего.

Верный маленький песик печально смотрел на удалявшуюся Голубую Стрелу.

Перед паровозом ехал Мотоциклист, который держал на руле, как на пюпитре, список с адресами детей.

— Счастливого пути! — чуть слышно крикнул Кнопка.

Но никто его уже не слышал.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ФРАНЧЕСКО

Бедный Кнопка! Конечно, он не мог знать, где Франческо. Разве только я сказал бы ему это на ухо. Я единственный человек, который это знает, потому что я выдумал эту историю. Я могу отправить Франческо куда захочу. Могу заставить его спать или бодрствовать, могу посадить его на верхушку самой высокой башни или заставить ехать в автомобиле.

Так где же Франческо?

Лучше сказать вам об этом, и прежде всего я должен признаться, что обманул вас. Это неправда, что я выдумал Франческо. Франческо существует на самом деле; сейчас он уже вырос и, может быть, даже не помнит о своих приключениях в ту новогоднюю ночь. Но я помню, что Франческо было десять лет, он учился в четвертом классе, а после уроков продавал газеты.

Свой маленький заработка Франческо должен был приносить домой. Его отец болел, а мать работала прислугой у богатых синьоров.

За несколько дней до Нового года отец умер. Франческо и его матери пришлось переехать, потому что их комната стоила слишком дорого. Они погрузили свои скучные пожитки

на тележку и отправились на окраину города, туда, где стояли деревянные бараки с окнами без стекол, заклеенными старыми плакатами.

А знаете, почему Кнопка не мог найти следов Франческо? Потому что мальчику пришлось выбросить свои старые башмаки и надеть башмаки отца. Они тоже были старые, но пока еще не совсем развалились. Ноги Франческо так свободно болтались в них, что туда могли поместиться вдобавок ноги обоих братьев.

Впрочем, даже если бы Кнопка каким-нибудь чудом отыскал в этот вечер новый дом Франческо, этот старый, полуразвалившийся деревянный барак, наши друзья и там не застали бы мальчика. Дело в том, что Франческо нашел себе новую работу. Он поступил в маленький кинотеатр, где в перерывах между сеансами продавал зрителям конфеты. Кинотеатр закрывался довольно поздно, после полуночи, но Франческо оставался там еще на целый час, чтобы подмести пол, заваленный окурками и конфетными обертками. После этого он пешком возвращался через весь город домой.

Понимаете теперь, почему Франческо приходил утром в школу рассеянный и сонный?

— Франческо, — строго говорил иногда учитель, — ты сегодня не умывался, вот почему тебя клонит ко сну. Ступай немедленно приведи себя в порядок.

Франческо вставал и выходил из класса, не глядя на товарищей, которые посмеивались за его спиной.

Он скорее умер бы, чем рассказал им о своих несчастьях. Он был горд! И никто даже не подозревал, что этот худенький и бледный мальчуган содержит на свой заработок всю семью. Ведь сейчас, когда умер отец, мама не могла оставить двух младших братьев на целый день одних и зарабатывала гораздо меньше.

Теперь вы знаете, кто такой Франческо. Но вы еще не знаете, что случилось с ним в новогоднюю ночь.

Окончив работу, Франческо возвращался домой. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука зажала ему рот, а другая обхватила шею. В тот же миг его втащили в подъезд.

Чей-то голос произнес:

— Он маленький, сможет пролезть.

— Сейчас увидим, — шепнул второй голос.

Голоса звучали как-то приглушенно. Когда глаза Франческо немного привыкли к темноте, он увидел, что на незнакомцах были надеты черные маски, закрывавшие нижнюю часть лица. Франческо сразу понял, что это бандиты. Как раз сегодня он видел таких же на экране кино.

Но что от него хотят эти типы?

Один из них все еще зажимал ему рот. Франческо не пытался даже укусить его. Все равно ему одному не справиться с двумя мужчинами.

Один из воров показал Франческо узенькое окошко.

— Видишь?

Франческо кивнул.

— Мы никак не можем открыть дверь магазина. Полезешь в это окошко и отопрешь нам изнутри. Понял? И смотри, не устрой с нами какую-нибудь хитрую штукку, а не то поплатишься за это!

— Лезь, нечего терять время! — прервал второй вор.

Франческо попытался вырваться, но сильный удар кулака посоветовал ему успокоиться. Ничего не оставалось делать, как повиноваться. Один из воров подхватил его и поднял на высоту окошка.

— Оно слишком узкое,— попытался возражать Франческо,— я не пролезу.

— Сначала просунь голову. А где пройдет голова, там пролезет и туловище. Быстрее!

Приказание сопровождалось новым ударом, на этот раз по ногам.

Франческо просунул голову в окошко. Внутри было темно. Они сказали, что это магазин. Интересно, какой магазин?

Франческо скользнул вдоль стены и добрался до пола.

Несколько секунд он стоял неподвижно, пока свистящий шепот одного из воров не сдвинул его с места.

— Что ты там делаешь? Шевелись! Дверь направо. Там должен быть засов. Если он не открывается, подойти к шторе и приоткрой ее. Шевелись, ты, улитка!

Франческо шагнул вперед и провел рукой по стене. Вот дверь. Он почувствовал пальцами холодный металл засова, нашел рукоятку и уже хотел было открыть дверь, как вдруг его осенила мысль.

«Здесь я в безопасности,— подумал он,— здесь они не поймают меня. Не буду я открывать дверь. Ворам поневоле придется уйти, чтобы на них не наткнулся ночной патруль». Из окошка до него донесся приглушенный голос одного из воров, призывающий его поторопиться. Но Франческо не шевельнулся. Он даже улыбался.

«Хоть лопните от злости! — говорил он про себя. — Вы не сможете проникнуть сюда. Вы же сами сказали, что не пролезете в окошко».

Но тут другая мысль пришла ему в голову: «Воры-то уйдут, а как я выйду отсюда? Если я захочу вылезти, меня поймают. Подумают, что я вор. Кто поверит, что воры насильно протолкнули меня в окошко?»

Выход подсказали ему сами воры. Внезапно он услышал, что они осторожно постучали в дверь.

— Открой,— прошептал прерывающийся от злости голос,— открой немедленно, а то хуже будет.

«Стучите, стучите, вас услышат и поймают», — подумал Франческо.

И сразу же его осенила новая мысль: нужно поднять шум, разбудить кого-нибудь, поднять тревогу. Тогда все поймут, что он не был заодно с ворами.

Он пересек комнату, натыкаясь в темноте на мебель. Почувствовал пальцами скользкую поверхность витрины, отыскал ручку и открыл окно. Через опущенную штору в комнату ворвался свежий ночной воздух. Франческо закричал и изо всех сил заколотил кулаком по железному листу шторы:

— На помощь! На помощь! Воры! Воры!

Кто-то торопливо побежал по улице. Франческо удвоил силу ударов и продолжал кричать во весь голос.

Раздался свисток, ему ответил другой. Ночные патрули спешили к месту происшествия.

Франческо продолжал стучать по шторе до тех пор, пока не услышал шаги и грозные голоса:

— Эй, там! Стой, стрелять буду! Ни шагу, или умрете!

— К счастью, их забрали, — прошептал Франческо, опускаясь на землю.

Через некоторое время кто-то постучал по шторе.

— Есть кто внутри? Открывайте и выходите наружу, все равно никуда не денетесь.

Франческо поднял штору на несколько сантиметров и сразу же чья-то сильная рука подняла ее до самого верха.

На пороге появился полицейский с пистолетом в руке. Посреди улицы другие полицейские надевали наручники на воров.

— Да это же ребенок! — воскликнул полицейский, схватив Франческо за плечо.

— Я тут ни при чем! — пробормотал Франческо прерывающимся от волнения голосом. — Это они!..

— Ни при чем? А как же ты очутился здесь в такое время? Может быть, ты хотел захватить здесь себе подарочек к Новому году?

Франческо оглядел магазин, освещенный карманным фонарем полицейского, и кровь остановилась у него в жилах. Он узнал магазин игрушек, магазин Голубой Стрелы! Но воры, конечно, лезли сюда не за игрушками, их больше интересовал несгораемый шкаф, который стоял в соседней комнате.

— Я ничего не понимаю...

— Ах, не понимаешь! Может быть, ты пришел сюда во сне? Пойдем живее с нами, нечего ломаться! Объяснишь все в полиции.

Прибыла полицейская машина. Франческо посадили вместе с ворами, которые не замедлили отомстить мальчику: несколько раз они больно стукнули его в грудь.

— Ты тоже не отвертишься! — прошипел один из бандитов. — Мы скажем в полиции, что ты был вместе с нами. Даже скажем, что это ты указал нам дорогу.

— Эй, вы, потише, — крикнул полицейский, — а то я прикажу зашить вам рот!

— Синьор, — взмолился Франческо, — я не виноват! Я совсем не знаю этих людей, клянусь вам!..

— Ладно, ладно. Помолчи. Подумать только, даже в новогоднюю ночь не дают нам покоя!

— Для нас нет праздников, — ухмыльнулся один из воров. — У нас все дни рабочие.

— Ты, видно, хотел сказать «ночи», — возразил полицейский. — А сейчас помолчи и оставь свои шутки при себе.

Через полчаса печальный Франческо сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Он хотел рассказать свою историю, объяснить, как было дело, но никто даже не слушал его. Полицейские были убеж-

дены, что Франческо — вор. Один из них даже стал читать ему нравоучения:

— Постыдился бы заниматься этим в твои годы! Спал бы спокойно и видел бы во сне Фею, а ты грабишь магазины в компании с самыми закоренелыми преступниками города. Если бы мой сын сделал то же самое, я оторвал бы ему уши и надавал бы таких пощечин, что он забыл бы и думать о таких вещах.

Франческо молча глотал слезы: они были горькие и соленые.

— Плачешь теперь, как крокодил!..

Другой полицейский был повежливее. Он даже предложил мальчику остатки своего кофе.

Вконец измученный, Франческо прислонил голову к стене и заснул.

МОТОЦИКЛИСТ УКАЗЫВАЕТ ДОРОГУ

Пока Франческо спит на скамейке в коридоре полицейского участка, склонив голову на грязную каменную стену, у нас есть достаточно времени, чтобы посмотреть, что же случилось с Голубой Стрелой.

Будем надеяться, что ее пассажиры, следуя по указанным в списке адресам, без особых происшествий прибудут к месту назначения. До рассвета было не так уж далеко. Игрушки боялись опоздать и приехать, когда дети выплачут все свои слезы, не найдя утром подарков Феи.

Мотоциклист нескованно гордился своей новой ролью проводника.

Сидя верхом на седле, крепко держа руками руль, он мчался на полной скорости, бесстрашно преодолевая снежные сугробы, пересекая лужи и попадающиеся на пути дороги. Хитрец оставил открытой выхлопную трубу, и время от времени паровоз Голубой Стрелы окутывался дымом от мотоцикла, что вызывало у Машиниста приступ невероятной злости.

Когда нужно было остановиться, Мотоциклист поднимал руку, и поезд тормозил.

— Мы находимся перед домом Франчески Цепполони. Кто сходит?

Куклы устроили небольшое совещание:

— Пойду я.

— Нет, я...

— Пойдем вместе, так будет веселее.
Кто знает, может быть, эта Франческа —
плохая девочка!

Они всегда оставались вдвоем, чтобы
не было так страшно. Осматривали дом
(иногда это был бедный одноэтажный до-
мишко), перед которым останавливалась
Голубая Стрела, просили Мотоциклиста
повторить адрес, прощались с товарища-
ми и исчезали в подъезде.

Высадив пассажиров, Мотоциклист
нажимал на стартер и отправлялся дальше.

— На следующей остановке живет Паоло ди Паоло, пятилетний мальчик. Предлагаю подарить ему одну из Марионеток.

— Одну Марионетку? — воскликнули хором три Марионетки, которые любовались из окошка панорамой занесенного снегом города. — Это невозможно! Вы, наверно, хотели сказать «трех Марионеток»? Ведь мы не можем разделиться. Тем более что теперь у нас есть сердце, вернее, три сердца. Для нас расставание было бы втрое тяжелее обычного.

Кончилось тем, что они все втроем слезли с поезда и, подпрыгивая, направились к указанной двери, не обращая внимания на окрики Начальника Станции, которому не хоте-

лось терять сразу трех пассажиров. Шли они, конечно, пешком и одновременно поворачивали головы налево, потом направо, потом опять налево. И если поворачивалась одна Марионетка, то две другие делали то же самое.

— Мальчик будет очень доволен, — говорили они. — С тремя Марионетками он сможет играть в театр. А что бы он делал с одной?

— Хорошо, хорошо, тысяча бесхвостых китов, идите — и счастливого пути!

— Спасибо, синьор Капитан!

Поднимаясь по лестнице, они размышляли: «Мы так будем любить нашего мальчика! Пусть его зовут Паоло, а не Франческо. Мы будем втрое сильнее любить его, потому что у нас три сердца».

И они горделиво посматривали на грудь, чтобы убедиться, что их сердца на месте, красные, как вишни, и горячие, как три маленькие печки.

«Если он замерз, мы согреем его», — думали они о Паоло. Что за странные мысли! Игрушка, которая греет... А впрочем, ведь согревают не одни только печки. На свете есть много вещей, которые согревают: добрые слова, например, и даже три Марионетки, подвешенные к ниточке.

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЛАВАНИЕ

На следующей остановке сошел Полубородый Капитан.

Вот как это произошло. Мотоциклист поднял руку, и колонна остановилась.

— Дом Марино¹ Росси, — объявил он, не заглушая мотора.

— Марино? Есть мальчик, которого зовут Марино? — послышался возглас. — Тысяча китов-моряков! Это как раз по мне.

Вы, конечно, узнали голос Полубородого.

— Если его зовут Марино, то ему должно нравиться море. А если ему нравится море, то он нуждается в корабле. А если

¹ Марино — по-итальянски значит «моряк», «матрос».

ему нужен корабль, то к его услугам самый быстрый и прочный парусник в мире. Друзья, помогите мне снять корабль!

Чтобы пройти в дом Марино, нужно было подняться на три ступеньки. Главный Инженер «Конструктора» выстроил наклонный желоб, в желоб поставили корабль, и все вместе втащили корабль на порог.

— Спасибо, остальное я сделаю сам, — заявил Полубородый. — А вы идите по своим домам. Мне не терпится посмотреть, что меня ожидает. Ну, двигайтесь дальше, чего же вы ждете? Тысяча копченых китов, что вы заснули, что ли?

Игрушки высыпали из поезда и грустно глядели на Капитана. Полубородый был дорог всем. Правда, он так ругался все время, но ведь это не со зла: в сущности он был добрый человек.

— Мы есть все взволнованы, — произнес Серебряное Перо, вынув из рта трубку.

— Взволнованы? Взволнованы? Что такое? Мне неизвестно это слово! И у меня под рукой нет словаря, чтобы посмотреть, что оно означает. А даже если бы у меня был словарь, я совсем не хочу смотреть в него.

Но в действительности он тоже был взволнован, этот старый морской волк, полубородый командир славного парусника.

— Мы встретимся, — сказал он. — Земля вертится, разве вы не учили географию? Только горы остаются на своих местах, а здесь я не вижу гор.

Но никто не двинулся с места до тех пор, пока он не вошел в дом, таща за собой на цепях свой парусник.

Глаза Полубородого привыкли к бурям и тайфунам, и он без труда освоился в комнате, куда попал. Он сразу же заметил то, что ему требовалось: чудесный таз с водой, как раз подходящий для его парусника.

— Таз приготовили, наверно, для умывания? — спросил себя Полубородый Капитан. Оставаясь один, он любил беседовать сам с собой. И сам же себе ответил: — Конечно. Хочу посмотреть, что за лицо будет утром у нашего Марино, когда он прибежит сюда умываться. Могу спорить, что он еще будет совсем сонный. Глаза у него будут слипаться, и сначала он ничего не заметит. Сунет руки в таз и наткнется на паруса моего трехмачтовика или же зацепится рукой за верхний мостик. Уж тогда-то он откроет глаза. В этот момент я отдам ему честь и скажу: «Я Капитан Полубородый, мой флот ждет ваших приказаний».

Бормоча таким образом, Капитан с помощью скамеек, щепок, якорных цепей поставил свой трехмачтовик в таз, и тот мирно закачался в нем.

— Наконец-то мы на воде! — удовлетворенно воскликнул Полубородый. — Ночь ясная, снег падать перестал, время муссонов еще не наступило, на горизонте нет ни акул, ни пиратов, в ожидании рассвета можно будет немножко вздремнуть.

Так он и сделал.

А при его пробуждении все произошло так, как он мечтал.

ЧУДЕСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОБКИ КАРАНДАШЕЙ

Так, дверь за дверью, таяла наша колонна. Целые вагоны Голубой Стрелы уже остались без пассажиров. Оставшиеся бродили по вагонам, к большому неудовольствию Начальника Поезда, который хотел заставить их уважать железнодорожные правила.

— Пассажиры не должны переходить из вагона в вагон.

гон,— говорил он.— Не высывайтесь из вагонов: это опасно! У кого билет третьего класса, тот не имеет права даже появляться в первом, иначе я оштрафую его.

Но все его усилия ни к чему не приводили. Пассажиры были беспокойные и напоминали детей, возвращавшихся из лагерей домой.

На каждой остановке кто-нибудь сходил, прощался с остальными, и поезд отправлялся дальше.

Я не могу рассказать вам историю всех пассажиров Голубой Стрелы, потому что сам всего не знаю. Знаю, например, что части «Конструктора», которые уцелели после крушения моста через лужу (вы помните?), собрались под командованием Главного Инженера и в одно мгновение построили ветряную мельницу на подушке у мальчика, к которому они попали. Мальчик проснулся, стал крутить рукоятку, и крылья мельницы завертелись в воздухе, ожидая, когда какой-нибудь Дон-Кихот набросится на них.

Мотоциклиstu надоел его мотоцикл, и он решил остановиться: он выбрал дом маленького механика и передал список с адресами Машинисту Голубой Стрелы, который отныне мог вести поезд в свое удовольствие, а не тащиться еле-еле за собачьим хвостом или же в облаке синего дыма из выхлопной трубы мотоцикла.

Индейцы и ковбои с трудом поспевали за Голубой Стрелой. Паровоз не устает никогда, но кони время от времени должны отдыхать. Лошади индейцев еще могли скакать по снегу, но лошади ковбоев сдали.

И вот караван прибыл к дому, где окна вместо стекол были затянуты обрывками газет и журналов, на картинках которых красовались ковбои и индейцы.

Наши герои почувствовали себя дома. Они расседлали лошадей и расположились лагерем на соломенном тюфяке, лежащем на полу, где, обнявшись, спали два мальчика, немножко чумазые, но с симпатичными и даже во сне веселыми лицами.

Они не зажгли походных огней, чтобы не поджечь тюфяк, но натянули свои палатки, привязали лошадей и преспокойно расположились спать. Только Серебряное Перо не заснул. Великие индейские вожди никогда не спят. Днем и ночью

они курят свои трубки и думают. А о чем думают — неизвестно, потому что говорят они мало, из десяти мыслей расскажут кое-что об одной, а остальные девять остаются в секрете. Поэтому они становятся такими мудрыми. Есть индейская пословица, которая гласит: «Тот, кто молчит, знает в два раза больше, чем болтун».

В поезде остались только Начальник Станции, Начальник Поезда, Машинист и Карандаши, которые вылезли из коробки, и каждый занял себе отдельное купе. Таким образом, они не мешали друг другу, потому что, как вы знаете, у Карандашей очень длинные ноги и они любят простор.

В списке адресов теперь было только два имени: Франко и Роберто.

У дома Франко слезли Карандаши, на долю которых, надо вам признаться, выпали самые комические приключения. Франко не спал: он растянулся в своей кроватке и, положив руки под голову, смотрел, как Карандаши один за другим пролезали в замочную скважину и с легким стуком падали на пол.

— Привет! — весело сказал Франко.

— Привет! — моментально ответили Карандаши.

А Желтый, который любил смеяться по любому поводу, сразу же добавил:

— Почему ты не спишь? Это неправильно! В новогоднюю ночь дети должны спать.

— Я это знаю, но...

— Правда, мы добрались до тебя сами, а не на метле Феи, но это не оправдание. Ты ничего не должен знать об этом.

— Но я...

Голубой прервал Желтого, который хотел было продолжать свою проповедь, и заметил:

— Но, в конце концов, что за беда, что он не спит? Это даже лучше: мы можем сразу же подружиться.

— Я тоже такого мнения,— пропищал Красный, который был самый веселый из всех.

— Что касается меня, то я согласен с Желтым,— сказал Зеленый,— тем более что он мой двоюродный брат.

Ах да, я же вам еще не рассказал историю этого родства. Это довольно сложная история. Зеленый был двоюродным братом Желтого и Голубого, Оранжевый — двоюродным братом Желтого и Красного, Лиловый — Красного и Голубого, и, кроме того, между ними было еще множество родственных связей, сложных, как и все родства на этой земле.

— Ну, хватит! — примирительно воскликнул Франко. — Вижу, что вы начинаете ссориться. А я-то думал, что цвета всегда живут в мире между собой.

— Ты ошибаешься, — изрек Желтый. — Разве ты никогда не слышал о контрастах в цветах? Однако ты еще не объяснил нам, почему ты не спишь.

— Просто потому, что сон никак не приходит.

— Это признак того, что ты был плохим мальчиком. Не могут спать только те дети, у которых совесть не чиста.

— Совесть у меня чиста, но пуст желудок, потому что мне нечего было есть на ужин.

— Видите! — торжествующе воскликнул Голубой. — Я сразу же сказал, что он хороший мальчик.

— Наоборот, — возразил Зеленый, — раз его оставили без ужина, значит, он плохой мальчик.

— Нет, — объявил Франко, — это значит, что у нас в буфете пусто. Мама поскорее уложила меня спать, надеясь, что сон прогонит голод, а получилось наоборот: голод прогнал сон. Но я не жалуюсь: мне так интересно было видеть, как вы пролезали в замочную скважину. Вы знаете, я до сих пор еще ни разу не получал подарка от Феи. А вы для меня самый лучший подарок, который я только мог получить. Представьте себе, я хочу стать художником.

Франко говорил так ласково, что Карандаши, подпрыгивая, приблизились к нему, довольные, что они пришли по душе мальчику. Для типов вроде Желтого и Зеленого достаточно одного доброго слова, и они сразу же прекращают ссориться и становятся очень хорошими.

— Если хочешь стать художником, — сказал Коричневый, самый спокойный из всех цветов, — я советую тебе рисовать сцены из деревенской жизни. Можешь для этого использовать меня.

— А для меня все равно из какой жизни, — произнес Голубой, — на любой картине всегда найдется место для кусочка неба.

— Ребята! — воскликнул Красный, которому всегда хотелось предложить что-нибудь новое. — Зачем терять время на болтовню? У меня появилась идея.

— Слушаем!

— Раз уж Франко не спит, давайте развлекать его. Нарисуем для него что-нибудь?

— Чудесно! Что за хорошая мысль! — обрадовался Франко. — Посмотрите на столе: там должно лежать несколько листов чистой бумаги. Конечно, это не чудесные белые листы из альбома — в эту бумагу лавочник заворачивал кофе, но я собираю ее для рисования.

— Начну я, — торжественно произнес Черный.

Он положил листок бумаги на ночной столик, стоявший рядом с кроватью Франко, и запрыгал по листу. На бумаге появился ствол и ветви дерева.

Франко захлопал в ладоши, но Желтый наморщил нос (я не знаю точно, где у карандаша находится нос, но подтверждаю тот факт, что Желтый наморщил нос).

— Этот рисунок не по сезону, — сказал он, — всем известно, что зимой на ветвях нет листьев. В лучшем случае сохраняется несколько желтых листьев...

— А ты забыл про сосны и ели, которые никогда не теряют листву?

— У меня есть еще одна замечательная идея, — объявил Голубой.

Он взял листок, начертил на нем причудливую линию, и через несколько минут чудесная Голубая Корова, вежливо мыча и позвякивая висевшим на шее голубым колокольчиком, поднялась с листа и застучала копытцами по столику.

— Замечательно! — воскликнул Франко. — Если бы я тоже мог рисовать живые вещи. Мои рисунки остаются на бумаге и никогда не сходят с нее.

— Мууу! — жалобно замычала Голубая Корова.

— Может быть, у нее накопилось много молока? — сказал Франко. — Когда коровы жалуются, их обязательно нужно доить. Но я не умею.

На помощь пришел Коричневый, который был деревенским цветом и умел доить коров. Молоко Голубой Коровы было чудесного голубого цвета.

— Такого молока я никогда не видел,— засмеялся Франко.

— Это Голубой виноват,— ответил Желтый.— Он все хотел сделать сам. Все ведь знают, что молоко бывает желтое.

— Желтое! Что ты там рассказываешь?

— Ах, довольно спорить,— сказал Красный,— теперь моя очередь.

И он со скоростью балерины запрыгал по листу бумаги, распространяя вокруг невероятное веселье. Еще ничего не было готово, но можно было поручиться, что рисунок получится очень смешной.

— Готово!— прыснув со смеху, объявил Красный.

Знаете, что он нарисовал? Человечка, который каким-то чудом не рассыпался, хотя и был весь сделан из отдельных кусков. Руки не соединялись с плечами, ноги с туловищем, нос с лицом, а голова с шеей.

— Да здравствует Человечек из кусочков!— закричал Франко.

Человечек попытался подняться с листа и сразу же потерял одну ногу.

Он нагнулся и с большим трудом поставил ее на место, но тут же у него отскочила рука.

— Я потерял руку! Где моя рука?

Он опустился на колени в поисках, а голова тем временем скатилась с его плеч, как мячик. Голова катилась по полу, но не переставала кричать и жаловаться.

— На помощь! На помощь! Я не виноват, зачем вы хотите отрубить мне голову?

У Франко от смеха на глазах выступили слезы.

— Не бойся!— ободрял он, стараясь, сложить кусочки вместе.— Ну, вот, теперь все в порядке, покажи, как ты умешь ходить.

Это легко было сказать, но нелегко выполнить. Человечек из кусочков не успел сделать и двух шагов, как потерял

половину левой ноги и правую руку. Бедняжка зашатался и рухнул на землю.

Каждый из карандашей что-то рисовал. Фигурки, как только их кончали рисовать, поднимались с бумаги и с любопытством оглядывались по сторонам. Голубой нарисовал лодочку с моряком. Моряк принял молоко Голубой Коровы за море и принялся плавать в нем.

Внезапно послышался чей-то голосок:

— Эй! Эй вы!

— Кто это? — спросил Желтый, который знал все обязанности, включая обязанности часового.

— Э-э-э, не поднимай такой шум, дружище! Я бедная голодная Мышь и думаю, что кому-то из вас придется пожертвовать собой, чтобы я могла поужинать. Мне всегда нравились карандаши, простые или цветные — все равно.

Карандаши поспешили стоять около Франко, который поднял руку, чтобы защитить их.

— Синьора Мышь, если вы думаете утолить голод за счет моих друзей, то предупреждаю вас, вы ошиблись адресом.

— В этом доме невозможно жить, — проворчала

Мышь, оскалив зубы.— Нет ни корки сыра, ни яйца, ни бутылки масла, чтобы я могла окунуть хвост и облизать его, ни мешка с мукой или зерном, чтобы я могла прогрызть его. За последнюю неделю я потеряла половину веса.

— Мне очень жаль,— ответил Франко,— но я тоже лег спать без ужина, и это не в первый раз. Ничем не могу помочь тебе: мои Карандаши не для твоих зубов.

— Прикажи им, пусть они хоть нарисуют для меня что-нибудь съедобное! — взмолилась Мышь.— Я видела, какие они чудесные мастера.

— Против этого я ничего не имею.

— Об этом позабочусь я,— предложил Желтый.

И в одно мгновение он нарисовал ломтик сыра с дырочками и слезою, который вызвал бы аппетит даже у индийского факира.

— Большое спасибо! — воскликнула Мышь, облизывая усы.

Никто даже не успел заметить, как сыр исчез в ее пасти.

— Чудо что за аппетит, — сказал Красный. — Но подожди, сейчас я тебя накормлю.

Он взял чистый лист и нарисовал на нем круг.

— Это, наверно, голландский сыр, — сказала Мышь. — Однажды я наелась его вволю. У него была такая же красная корочка.

— Подожди, я еще не закончил.

Красный нарисовал рядом с первым кругом кружок поменьше и некоторое время выводил какие-то странные палочки и закорючки.

— Странно, — заметила Мышь, — никогда не видела голландского сыра с такими большими дырками. Над этим сыром, наверно, потрудилась целая мышиная семья. А теперь отойдите, пожалуйста, в сторону.

— И-и, какая спешка, — усмехнулся Красный, — да я еще только начал. Я хочу приготовить такое блюдо, что ты запомнишь его на всю жизнь.

И, продолжая рисовать, приделал к своей странной фигуре какое-то подобие хвоста, которое Мышь приняла за сосиску.

— Сосиска? Это неплохая идея. Даже не помню, когда я ела ее в последний раз. А может быть, и совсем не ела, а просто представляю ее себе по рассказам моего отца, который жил в лавке одного колбасника. Но теперь отойдите, пожалуйста, в сторону и позвольте мне отведать этот чудесный сыр, а то как бы мне не захлебнуться слюной.

— Одну минуточку, — сказал Красный и коснулся листа бумаги.

Мышь беспокойно смотрела на ожившую фигуру, которая лениво поднималась с бумаги.

— Но ведь это... Что за шутки?.. Ай, на помощь! Мама!

И Мышь бросилась прочь с такой быстротой, что потеряла хвост. Красный весело рассмеялся. Что же он нарисовал? Огромного Кота, друзья мои. Красного Кота, который облизал усы и сразу же принялся точить когти. К счастью для

Мышь, Кот был немного ленив и слишком долго раскачивался, иначе несдобривать бы ей.

Кот нежно замурлыкал и стал тереться о руку Франко, чтобы тот приласкал его.

Для Франко это была незабываемая ночь. Карандаши по очереди показывали ему свое искусство. Например, они нарисовали столько флагов, что разукрасили комнату, как в день национального праздника.

Они нарисовали трехцветный флаг, красный флаг, немного спорили, потому что каждый хотел, чтобы его флаг был самый лучший, потом помирились, и все вместе нарисовали шестицветный флаг.

— Ну вот, на флаге есть цвет каждого из нас: никому не обидно. Теперь-то уж мы не будем ссориться.

Затем Черного осенила блестящая идея, так не соответствующая его отнюдь не блестящему виду. Но так уж случилось, и я должен рассказать вам об этом.

Черный нарисовал телефон, маленький, как игрушечный, но совсем настоящий: с трубкой, с диском для номеров, с проводами и со звонком, который сразу же зазвонил.

— Отвечай скорее, — сказал Черный.

— Но я не знаю, как это делать, я никогда в жизни не разговаривал по телефону, — ответил Франко.

— Смелее, ты должен сказать «алло» и слушать.

Франко взял трубку, приложил ее к уху и сказал:

— Алло!

— Алло! — ответил бас, выходящий, казалось, из глубокого подземелья. — Кто говорит?

— Я, Франко. А вы кто?

— Я телефонный Маг. Могу сделать так, что ты будешь говорить с кем угодно.

— Так поздно? В это время люди спят, и, если я разбужу их, чтобы только поболтать, кто знает, какие проклятия посыплются на мою голову.

— Не все спят, Франко. Вот ты, например, не спишь...

— Но я не сплю, потому что не поужинал.

— Думаешь, ты один такой? Вот поговори-ка...

— Алло! — произнес дрожащий голос.

— Кто говорит? Я, Франко.

— Доброй ночи, Франко. А я старушка, живу на последнем этаже.

— А почему ты не спишь, бабушка?

— Мальчик мой, старики спят мало. Кроме того, сказать по правде, пошла я сегодня посмотреть, нет ли у меня в шкафу чего-нибудь съедобного... Ты же знаешь, у стариков мало денег...

— Нашли вы что-нибудь?

— Что ты! Там лежала когда-то корочка сыра, но ее, очевидно, съел кот. Мне ничего не оставалось делать, как сно-ва лечь в постель.

— А если вы не заснете?

— Что же делать!.. У меня есть о чем подумать. Я вспоминаю о моих сыновьях, которые бродят по миру в поисках работы. Может быть, кто-нибудь разбогатеет или же зарабатывает столько, что сможет прислать мне много денег... Не так ли?

— От всей души желаю вам этого, бабушка.

— Спасибо, Франко! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, бабушка!

Франко положил трубку, но сейчас же раздался звонок.

— Алло! Ну как, поговорил?

Это звонил телефонный Маг.

— Да. Мне так жаль эту бедную старушку!

— Поговори сейчас еще с одним человеком.

— Алло! Кто говорит?

— Франко.

— А, Франко! Я не знаю тебя, но это неважно. Я все равно не сплю.

— У вас какая-нибудь неприятность?

— Нет, никаких неприятностей. Я студент, и мне некогда горорчаться, мне нужно учить уроки.

— Значит, вы не спите, потому что занимаетесь?

— Сказать тебе по правде, я не занимался. Открытая книга лежит передо мной на подушке, но я даже не различаю слов, они прыгают у меня перед глазами, как балерины. Это все ужин виноват.

— Вы неважно поели.

— Я совсем не ел. Пять минут тому назад я встал и пошел в столовую к моей хозяйке. Ты лучше не говори мне, что красть плохо, я это сам знаю. Но мне так хотелось хоть что-нибудь пожевать: кусок хлеба, яблоко — что угодно. Свет в кухне я не зажигал, чтобы не разбудить хозяйку, тем более что я на память знаю, где мебель стоит. На цыпочках я подошел к буфету, открыл дверцу, осторожно, чтобы ничего не опрокинуть, протянул руку... Палец попал во что-то мягкое. Что это такое? На ощупь мне показалось, что это мармелад. Я сунул палец в рот. Знаешь, что это было? Томат, томат из помидоров. Я съел полбанки томата и сейчас умираю от жажды.

— Я не люблю томат из помидоров, — сказал Франко.

— Дорогой дружище, я сам его не люблю! Меня просто тошнит от томата! Но ведь больше ничего не было. А теперь до свидания. Звони мне завтра ночью, если не будешь спать. Мы поболтаем немножко.

Франко еще некоторое время говорил по телефону. Сколько людей не могло спать! Больные, которым даже ночью боль не давала отдохнуть. Мальчики вроде него, которые легли спать без ужина. Старики, которых одолевали грустные мысли, а всем известно, что грустные мысли прогоняют сон. Были еще люди, которые работали по ночам: рабочие у доменных печей и на электростанциях, ночные сторожа, пекари, пекущие хлеб ночью, чтобы он был свежим к утру.

«А ведь ночью город кажется вымершим», — думал Франко.

Карандаши прицепились к телефонному проводу, чтобы послушать разговоры, но вскоре утомились и заснули.

Франко осторожно, боясь разбудить, собрал их в коробку, закрыл ее и положил под подушку, чтобы коробку не отыскала Мышь, если она отважится выйти из своей норы.

Нарисованные Карандашами фигурки одна за другой вернулись на свои листы, и в комнате стало тихо. Франко выключил свет и некоторое время лежал с открытыми глазами. Он ничего не видел, но ему казалось, что комната полна народу. Здесь были все те, с кем он разговаривал по телефону, и они пришли, думал Франко, чтобы составить ему компанию.

Наконец он заснул и спал спокойно до самого утра.

Его мама встала пораньше, чтобы приготовить на кухне ячменный кофе (настоящий кофе стоит так дорого!). Она прошла через комнату Франко и увидела на столике листы бумаги с чудесными рисунками. Мама нежно посмотрела на сына и улыбнулась.

«Мой мальчик станет художником,— подумала она про себя.— Пойду на любые жертвы, лишь бы он у меня учился. Грех погибнуть такому таланту!»

Она ласково провела рукой по взлохмаченным волосам сына, который шевельнулся во сне, и прошла на кухню.

Мне жаль, что я не могу рассказать вам историю Франко. Будет ли он художником, или ему придется делать работу, которая ему не нравится, лишь бы только зарабатывать себе на жизнь?

Кто знает!.. Не все делают то, что хотят. Я знал одного дворника, который хотел стать музыкантом.

— Мне так хотелось бы научиться играть на скрипке,— рассказывал он мне.— А на самом деле вот какой инструмент приходится держать в руках...

И он показал мне свою метлу.

Пожелаем счастья и успехов Франко и проследим за приключениями Голубой Стрелы.

БУДКА № 27

Голубая Стрела мчалась сквозь тьму по последнему адресу. Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции собрались на паровозе. Все вагоны поезда были пусты.

Снег наконец перестал. Холодный ветер разогнал облака, и на огромном небе, как в черном зеркале, засверкали звезды.

Но блеск их становился все более тусклым: близился рассвет. Первые трамваи уже вышли из парка и медленно двигались по покрытым снегом рельсам. Машинисту приходилось внимательно смотреть по сторонам, чтобы какое-нибудь из огромных чудовищ не раздавило поезд.

— Самая безопасная дорога,— сказал Начальник Поезда,— это тротуар.

— Но это будет нарушением правил,— возразил Начальник Станции.— Никогда ни один уважающий себя паровоз не поднимется на тротуар.

— Мы можем ехать между двумя рельсами,— сказал Машинист.— Я высчитал, что трамвай пройдет над нами и не заденет нас.

Трамвай проходил над Голубой Стрелой, даже не касаясь ее. Трем железнодорожникам вагоны казались огромными грохочущими тоннелями, которые двигались. Сначала экипаж Голубой Стрелы немножко волновался, но затем все привыкли и успокоились.

Дом Роберто, последнего мальчика, который остался без подарков, находился за городом, в поле. Так, по крайней мере, было написано в списке. А сейчас посмотрим, правду ли говорит список.

* * *

Дом Роберто— это не дом, а железнодорожная будка, будка № 27.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции не поверили своим глазам. Список привел их прямехонько к настоящей железнодорожной дороге.

В окошке маленькой будки горел свет. Обходчик не спал. Он выходил к каждому проходящему поезду, сигналил ему, покачивая своим фонарем, потом отряхивал от снега ноги и скрывался в будке. Перед будкой, вправо и влево, как две стальные змеи, вытянулись бесконечные рельсы.

Что это были за рельсы! Железнодорожники Голубой Стрелы даже во сне таких не видали. А поезда? Земля начинала дрожать, когда их еще не было видно. Потом, как ураган, нарастал, приближался страшный грохот, приходилось затыкать уши, чтобы не оглохнуть. Три наших маленьких железнодорожника боялись за свои головы, которые, казалось, готовы были лопнуть от шума.

И вот появлялся поезд, огромный, как город на колесах. Вагоны были величиной с дом, с сотнями освещенных окошек. Когда поезд проходил, три наших героя долго не могли прийти в себя. Хотя они плотно закрывали уши, грохот наполнял

их головы и не хотел выходить оттуда. Им приходилось трясти головой и совать палец в уши, как делают пловцы, когда хотят, чтобы из ушей вытекла вода. И тогда они снова могли слышать.

— Что вы скажете?! — воскликнул Начальник Поезда, глаза которого сверкали от страха и восторга. — Вот это поезд!

— Да! — крикнул Машинист. — Никогда в жизни не видел такой красоты!

— Ребята, нам повезло! — кричал в свою очередь Начальник Станции. — Роберто, наверно, сын стрелочника. Мы будем жить здесь и ежедневно видеть сотни поездов!

— Ну что ж, войдем? — спросил Машинист, приготовившись запустить мотор.

— Давайте немного подождем, — предложил Начальник Станции. — Может быть, пройдет еще один поезд.

Недалеко от будки возвышался плетень. Они укрыли за ним Голубую Стрелу, а сами присели на ветку какого-то кустарника в ожидании проходящего поезда.

Не прошло и нескольких минут, как волной пронесся глухой шум, загрохотал сильнее грома и вдруг так же внезапно смолк.

— Это не поезд! — воскликнул Начальник Станции.

Дверь будки отворилась, на пороге появился обходчик. Он поднял фонарь на уровень лица и огляделся. Похоже было, что он чем-то встревожен.

— Роберто! — позвал он. — Роберто!

В окошке показалось заспанное лицо мальчугана.

— Одевайся скорее, наверно, что-то случилось. Это, может быть, обвал или оползень.

— Иду! — поспешил ответил мальчик.

Окно затворилось с сухим стуком. Через мгновение появился Роберто. Он одевался на ходу. В его руке раскачивался такой же фонарь, как у отца.

— Возьми один из флагжков, — приказал отец, — и пойди осмотри рельсы слева, а я погляжу с другой стороны. Если заметишь что-нибудь на рельсах, беги скорее ко мне. Осталось десять минут до прихода скорого.

Отец побежал направо. Роберто схватил красный флагжок,

стоявший у двери, и побежал в противоположную сторону. Ноги его по колено проваливались в снег, но он не замечал этого.

— Скорее, скорее! — шептал мальчик. — Через десять минут пройдет скользкий. Вдруг произойдет крушение?

Через сотню метров он наткнулся на огромную кучу снега и камней, рухнувших с холма на рельсы. Если поезд насткнется на обвал, непременно произойдет крушение. Роберто почувствовал, как у него задрожали ноги. Ведь ему было всего одиннадцать лет. Ему показалось, что

он слышит вдали шум приближающегося поезда. Он представил себе, как стальное чудовище наткнется на эти камни и вагоны полетят кувырком; ему казалось, что он уже слышит стоны раненых из-под дымящихся обломков вагонов.

Роберто вздрогнул, повернулся и побежал к будке, бессвязно выкрикивая какие-то слова. Вдруг он поскользнулся и упал в снег, быстро вскочил, снова упал и сильно ударился коленом об рельс. Он попытался подняться, но не смог.

Тогда мальчик изо всех сил принял звать отца. Но отец не слышал его: с той стороны с нарастающим грохотом приближался скорый.

Силы покинули Роберто. Поезд мчался уже в двухстах метрах от него. Он поднялся из последних сил и, стиснув зубы от нестерпимой боли, отчаянно замахал красным флагом, который не выронил при падении.

— Стой! Стой! — кричал он.

Грохот поезда заглушал его голос. Паровоз мчался вперед на полной скорости, его сверкающие фары надвигались все ближе и ближе. Вот он уже в ста метрах от Роберто, в пятидесяти...

Внезапно заскрипели тормоза, поезд резко замедлил ход и остановился в двух шагах от Роберто.

Машинист соскочил с паровоза и бросился навстречу мальчику.

— В чем дело? Что случилось?

— Обвал, — прошептал Роберто, — там обвал... — И потерял сознание. Ему казалось, что он погрузился в мягкий снег, который был почему-то мокрым и горячим. Больше он ничего не слышал.

Через некоторое время мальчик очнулся в своей кроватке.

— Обвал, — прошептал он, — обвал...

— Тише, тише, — ласково прошептал незнакомый голос. — Опасности нет.

Роберто с трудом открыл глаза.

Комната была полна народу. Какой-то синьор в золотых очках склонился над ним и щупал пульс. Это был доктор, ехавший в скором поезде, его позвали на помощь мальчику.

— Папа, — едва слышно прошептал Роберто.

— Я здесь, мой мальчик.

Собравшиеся в комнате люди, за-
таив дыхание, следили за мальчиком.
Когда он очнулся, все облегченно
вздохнули и разом заговорили.

— Какой молодец, — говорили
они, — ты спас жизнь сотням людей.

— Если бы не ты, состав полетел
бы под откос. Ты храбрый мальчуган, —
глядя Роберто по голове, произ-
нес какой-то железнодорожник.

Это был Начальник Поезда. Ро-
берто улыбнулся ему, но сразу же
поморщился: он почувствовал рез-
кую боль в коленке.

— Тебе больно? — спросил док-
тор. — Ничего, все быстро заживет. А
если бы ты потерял сознание минутой
раньше, произошло бы крушение. Ты
крепкий храбрый мальчуган.

Роберто больше не чувствовал бо-
ли, так ему было приятно это слышать.

Через два часа путь расчистили, и поезд отправился дальше.

Роберто и его отец остались одни.

И только тогда они заметили, что в комнате находится еще кто-то. Кто-то или что-то? Это была Голубая Стрела, которая в царившей суматохе незаметно пробралась в комнату. Экипаж Голубой Стрелы с волнением следил за всем случившимся. Они заняли свои места, серьезные и молчаливые, как и подобает настоящим железнодорожникам, но сердца их были полны нежности и любви к мальчику, спасшему поезд.

— Посмотри! — воскликнул отец. — Что это?

— Это электрический поезд, папа! Электрический поезд! Какой он чудесный! Я не говорил тебе, но мне так хотелось иметь его. Посмотри, какой он красивый. А на платформах нагружены рельсы... Могу спорить, что, если проложить их, они опояшут всю комнату!

— Но это не я купил его, — смущенно сказал отец, — я вижу этот поезд впервые в жизни...

Роберто недоверчиво посмотрел на него.

— Ладно, папа, не разыгрывай меня... Ты хотел подарить мне его утром на Новый год, но я встал раньше и увидел его. Правда? Так ведь?

— Нет, нет, маленький, уверяю тебя, что ты ошибаешься. Знаешь, что мне пришло в голову: наверно, кто-нибудь из пассажиров скорого поезда вез его в подарок своим детям и решил его оставить тебе, потому что ты уже сделал самый лучший подарок его ребятам: спас жизнь их папы. Конечно, это так и было. Видишь, какой прекрасный поезд? Я никогда не смог бы купить тебе такой...

Роберто улыбнулся.

— Пусть будет так, — сказал он. — Предположим, что этот поезд оставил мне какой-то синьор, ехавший на скором.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции Голубой Стрелы слышали весь этот разговор и знали, что в действительности было совсем не так. Но они скорее дали бы отрезать себе язык, чем открыли бы свою тайну. У каждого есть своя гордость, не так ли? А впрочем, разве кто-нибудь слышал, чтобы Машинист, Начальник Поезда и Начальник

Станции игрушечного поезда могли разговаривать? Одно дело — в сказках, и совсем другое — в настоящей жизни. Голубая Стрела еще несколько страниц назад находилась в сказке. Сейчас же она вошла в настоящий дом, где настоящий мальчик совершил настоящий подвиг. Три маленьких игрушечных железнодорожника теперь знают, что недаром проделали они такой путь и приехали к Роберто, в маленькую будку около самой линии железной дороги. Ручаюсь, что, если бы им пришлось повторить весь этот путь и пережить снова все их опасные приключения, они не колебались бы ни минуты.

Роберто нежно погладил замечательную игрушку, и ему показалось, что она дрожит у него под рукой, но потом он подумал: «Какой я глупый! Это дрожит моя рука».

ФРАНЧЕСКО ЕДЕТ В КОЛЯСКЕ

Где же мы оставили других героев нашей истории?

Кнопка, бедный, верный щенок, все еще лежал на пороге пустого дома, откуда исчез Франческо. Было холодно, хотя снег уже перестал падать. Хвост у Кнопки замерз и стал как сосулька, но он не уходил со своего поста.

А Франческо? Франческо все еще сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Неважная подушка — кирпичная стена! Но Франческо все-таки уснул, да так крепко, что ничего не видел во сне.

Бедная старушка Фея все еще разносila подарки. Руки у нее замерзли, но она не могла, конечно, оставить свою работу. Старая служанка была с ней: в полночь Фея на минутку вернулась домой выпить чашечку кофе и нашла там верную Терезу.

Кто знает, может быть, мы еще встретимся с ними, прежде чем кончится наша история. А сейчас давайте отыщем ночного сторожа. Того самого сторожа, который подобрал и починил Канарейку.

Клетка с Канарейкой висела на руле его велосипеда, и, когда ему нужно было поворачивать, вместо резкого звонка раздавалась нежная трель Канарейки. Но вот сторож остановился и прислонил велосипед к стене магазинчика Феи, а сам

стал ходить взад-вперед, топая ногами, чтобы согреться. Нам ничего не остается делать, как влезть в его голову и посмотреть, что он думает.

«Надеюсь, что синьора скоро придет,— думал ночной сторож,— а то у меня отмерзнут ноги».

Итак, ночной сторож ожидал Фею. Может быть, он хотел вернуть ей Қанарайку? Нет, нет, дело касалось не Қанарайки, а Франческо.

Видите ли, ночной сторож был знаком с Франческо. Много раз он встречал его, когда мальчик возвращался со своей работы из кинотеатра, и немного провожал его домой.

— Почему ты не едешь на трамвае? — спрашивал ночной сторож.

— Потому, что это очень дорого,— отвечал Франческо.

— Да-а, — соглашался сторож, почесывая затылок.

— Мне нужно приносить домой все деньги, которые я зарабатываю. Их и так очень мало...

— Да-а, — бормотал ночной сторож. — Невесело работать в твои годы, не так ли?

— Я не жалуюсь,— отвечал Франческо,— я даже доволен этим. Ведь я уже работаю, как большой. Правда, у меня нет времени поиграть, да и игрушек у меня нет и никогда не было...

— Конечно,— говорил ночной сторож,— конечно.

Мальчик болтал, мужчина слушал. Он любил этого мальчика, который уже работал, как взрослый, и один ночью ходил пешком через весь город, зажав в кулачке свой жалкий заработок.

Ночной сторож видел, как арестовали воров, и, к своему удивлению, увидел среди них Франческо, на которого тоже надели наручники и, как преступника, отвезли в полицию.

«Я не верю этому,— сразу же подумал ночной сторож,— этот мальчик не может быть вором. Я знаю его, как своего сына».

Он побежал в полицию, но его выгнали оттуда.

— Думай о своей работе,— сказали ему полицейские,— а о ворах позаботимся мы. Иди-ка лучше сторожить, не то, пока ты болтаешь тут, воры успеют ограбить все магазины города. Этот мальчик твой родственник?

— Нет, он мне не родственник, но...

— Тогда не мешай. Мы сами разберемся. Знаем мы этих воришек!

Огорченный ночной сторож вернулся к своей работе. Внезапно ему пришла в голову мысль, что в этом деле может помочь хозяйка магазина.

«Синьора, — скажет он ей, — в полиции меня не хотят слушать. В самую новогоднюю ночь бедного мальчика бросили в тюрьму как вора. Почему бы вам не пойти вместе со мной в полицию и не освободить его? Достаточно будет, если вы скажете, что ничего не украдено, что знаете этого мальчика. Сделайте что-нибудь для него. Может быть, с вами полиция согласится».

Погруженный в свои мысли, сторож не заметил Феи и ее служанки, которые верхом на метле свернули в ворота и через окошко проникли в магазин. На мгновение из-под шторы показался свет, и сторож понял, что внутри кто-то есть.

Он подошел поближе и постучал.

— Кто там? — спросил голос служанки. — Что вы хотите в такое время?

— Я ночной сторож, мне нужно поговорить с вами по неотложному делу.

— Сейчас мы ложимся спать. Приходите попозже.

— Но я вам говорю, что дело срочное.

— Когда хочется спать, самое срочное дело — это лечь в кровать.

Послышался другой голос — голос Феи, который что-то спрашивал.

— Ничего, синьора баронесса, это всего-навсего сторож.

«Наверное, это хозяйка», — подумал сторож и позвал:

— Синьора баронесса! Синьора баронесса!

Услышав слово «баронесса», Фея смягчилась.

— Одну минутку! Сейчас я прикажу поднять штору. Входите, пожалуйста. Чем я могу быть вам полезна?

В двух словах сторож рассказал ей о случившемся. Фея без труда вспомнила Франческо.

— Я помню этого мальчика, — сказала она. — Он бедняк и, к сожалению, не числится в списках моих клиентов. Я никогда не могла ничего подарить ему. И мне было очень жаль

мальчика, уверяю вас. Мне хотелось бы, чтобы все дети были довольны. Я очень устала, но я пойду с вами в полицию. Вы довольны?

Через десять минут Фея и ночной сторож предстали перед дежурным полицейским.

— Мы хотим поговорить с начальником, — сказала Фея.

— В такое время? Да вы еще не проснулись, что ли? Начальник придет в девять часов.

— Позовите его сейчас же!

— Позвать его? Да вы с ума сошли!

Фея разошлась:

— Я сошла с ума? Думай, что говоришь! К твоему сведению, я почти баронесса. И если ты немедленно не вызовешь начальника, будешь раскаиваться в этом всю свою жизнь!

Словом, она совсем запугала дежурного. Бедняга вызвал начальника, бросая грозные взгляды на сторожа, который исподтишка потирал руки от удовольствия.

Приехал заспанный начальник. Фея и его отругала.

Что за темперамент, друзья мои! Эта сердитая старушка умела держать людей в руках!

— Хорош начальник! Почему вы позволяете держать целую ночь под арестом бедного мальчика?

— Но я никого не держу. Он остался здесь в ожидании допроса.

— А, так?! Ну что ж, допрашивайте его. И быстрее, у меня дома уже вскипел кофе.

Полицейский разбудил Франческо. Мальчик едва стоял на ногах от усталости. Холодок пробежал по его спине, когда он узнал Фею.

Конечно, она пришла обвинять его! Ведь она столько раз видела его у своего магазина. Может быть, Фея думает, что это он подготовил налет на ее магазин.

— Синьора, я ничего не взял, — прошептал мальчик, — это я поднял тревогу и позвал полицейских.

— Именно так и было, — энергично сказала Фея, — а теперь, когда все выяснилось, пойдем.

— Минутку, — всполошился начальник, — откуда вы знаете, что дело было именно так? Этот мальчик мог солгать! Мы захватили его в компании двух опасных воров.

— Солгать? Неужели я стала так стара, что не могу понять, когда мальчик врет, а когда говорит правду? Этот мальчик спас мой магазин, а вы посадили его в тюрьму, вместо того чтобы наградить. Где же справедливость? Но я сама позабочусь о том, чтобы отблагодарить его. Пойдем!

Начальник развел руками. С этой грозной старушкой ничего нельзя было сделать. Она взяла Франческо за руку, бросила сердитый взгляд на полицейских и направилась к двери. Часовые отдали ей честь, как генералу, и уверяю вас, что в этот момент походка Феи была более величественна, чем походка самых великих генералов истории.

Ночной сторож от радости не рассчитал разбега и, вместо того чтобы прыгнуть в седло велосипеда, перемахнул через него и свалился в снег.

— Не ушиблись? — спросила Фея.

— Чепуха, я чертовски рад за мальчика! — ответил сторож.

Он дружески попрощался с Франческо, поцеловал руку Феи и удалился.

— Симпатичный парень, — заметила Фея, смотря на руку, которую он поцеловал. — Знает, как вести себя с настоящей синьорой.

Другой рукой она держала вспотевшую от волнения руку Франческо.

Фея была не такая уж плохая: это она освободила его, а сейчас держала за руку и вела по темному городу, как старая храбрая бабушка.

Служанка не поверила своим глазам, когда увидела их обоих. Она сразу же приготовила третью чашку кофе и вынула из шкафа стеклянную вазу со старыми засохшими пирожными. Пирожные были крепкие, как цемент, но зубы Франческо были еще крепче; он жевал до тех пор, пока ваза не опустела.

— Смотри я, как ты перемалываешь эти пирожные, и завидую. Мне бы такие крепкие зубы, — проговорила Фея.

Франческо, улыбаясь, смотрел на нее. Потом он встал:

— Мне нужно вернуться домой, а то мама уже, наверно, беспокоится.

Фея почесала за ухом.

— Я хотела подарить тебе что-нибудь, — сказала она. — Но в эту ночь я опустошила весь магазин, в нем остались одни мыши. Я знаю, тебе нравится этот чудесный электрический поезд Голубая Стрела, но я не знаю, куда он делься.

— Неважно, — улыбаясь, ответил Франческо. — Тем более, что у меня даже нет времени играть. Вы же знаете, мне приходится работать. В полдень я продаю газеты, а вечером продаю карамели в кинотеатре.

— Послушай, — сказала вдруг Фея, которую осенила какая-то идея. — Я уже давно собираюсь взять себе в магазин приказчика. Он должен содержать в порядке игрушки, следить за почтой, подсчитывать выручку. По правде сказать, я стала хуже видеть и уже не могу работать так, как раньше. Хочешь быть моим приказчиком?

Франческо затаил дыхание от радости.

— Быть приказчиком Феи! — воскликнул он.

— Приказчиком магазина, конечно. Не думай, что я пошлю тебя разносить на метле подарки клиентам.

Франческо осмотрелся вокруг. Каким красивым казался ему сейчас магазин, пусть даже с пустой витриной и со шкафами, заваленными бумагой!

— На этой работе не обморозишь руки, — весело проговорил он, показывая распухшие от мороза пальцы. — А газеты я лучше буду читать, чем продавать.

— Значит, договорились, — сказала Фея. — Завтра приступиши к работе.

Франческо поблагодарил и попрощался с ней. Он вежливо раскланялся и со служанкой, которая немножко ревновала его к хозяйке. Но она не могла долго злиться на мальчика, который так доверчиво смотрел на нее, и улыбнулась ему на прощание.

— Подожди-ка, — сказала Фея. — Я вызову тебе коляску. Теперь ты у меня на службе, и я не хочу, чтобы ты простудился.

Коляску! До этого дня Франческо несколько раз ездил на коляске, прицепившись сзади, где обычно шалуны прячутся от кучера и его кнута. Теперь же он забрался на кожаное сиденье, кучер покрыл ему ноги чудесным желтым ковриком, влез на козлы и щелкнул кнутом.

Лошадь тронулась мелкой рысцой.

«Как жаль, что никого нет на улице, — думал Франческо, глядя на небо, которое только еще начинало чуть-чуть светлеть. — Никто не увидит меня в коляске. Но когда я приеду домой, то, прежде чем слезть, позвону маму. Она и братья подбегут к окну, и в это время я сойду с коляски. Вот вытащат они глаза!»

Его веки становились все тяжелее и тяжелее. Потом они сомкнулись, и он крепко заснул, убаюканный мягким покачиванием коляски, плавно катившейся по снегу.

КНОПКА ХОЧЕТ УМЕРЕТЬ

Дневной свет вывел Кнопку из оцепенения. «Пока я еще двигаюсь, — подумал он, — незачем умирать от холода на пороге необитаемого дома. Я слышал о собаках, которые умирают на могиле своего хозяина, но у меня еще нет хозяина, а этот дом не могила. Разомну-ка я немногого ноги».

Он попробовал завилять хвостом, но это ему удалось с трудом, так как хвост совсем замерз. Затем он сунул нос в снег (от этого, он слыхал, согревается кончик носа). Потом Кнопка сняхнул снег со спины и отправился в путь. Куда? Неважно. Не всегда собаки знают, куда они идут. А это ведь настоящие собаки, так что же вы хотите от игрушечного щенка?

Кнопка бродил по городу, увертываясь от бесчисленных трамваев и проваливаясь в лужи.

Один раз в витрине он увидел свое отражение.

«Странно, — подумал он, — по-моему, я стал больше. Очень странно: за целый год в витрине Феи я не вырос ни на сантиметр».

Он прошел мимо бронзового Памятника патриота на лошади и окликнул его. Памятник не шевельнулся и не ответил.

Выпало много снегу, и борода патриота стала совсем белой, а лошадь покрылась холодным белым покрывалом. Кнопка несколько минут смотрел на него. Затем вздохнул и побежал прочь, потому что большой ком снега сорвался с гривы лошади и устроил щенку хороший душ, в котором он совсем не нуждался.

Внезапно раздался звонок. Кнопка обернулся и увидел ехавшего на велосипеде приказчика с большой корзиной за плечами. Щенок скрылся в подъезде и подождал, пока тот проедет. Он не очень доверял людям. В конце концов это был дикий пес, почти волк.

Правда, волк не лесной, а витринный.

Кнопку тяготило одиночество. Он так хотел бы поболтать с кем-нибудь. Разве можно жить без друзей, товарищей? Он попробовал поговорить сам с собой. Пристроился около лужи и стал разговаривать со своим отражением.

— Куда ты идешь, бедный, маленький, заблудившийся и замерзший щенок? — спросил он.

— Куда ты идешь, бедный, маленький, заблудившийся и замерзший щенок? — ответила ему лужа.

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай?

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай? — ответило отражение.

— Дурак! — разозлился Кнопка.

— Дурак! — ответило ему отражение.

Видите, как плохо быть одиноким? Вас сразу обзывают разными нехорошими словами.

Сейчас Кнопка отдал бы половину хвоста, лишь бы найти товарищей. Он попробовал побежать за приказчиком, проехавшим на велосипеде, но тот уже уехал слишком далеко, и Кнопка, высунув язык от быстрого бега, вскоре отстал и потерял его из виду. Но вот из боковой улицы выехал другой велосипедист. Кнопка радостно бросился ему навстречу. От неожиданности велосипедист потерял равновесие и свалился в канаву, заваленную снегом.

— Паршивый щенок! — закричал он, слепил снежок и бросил им в щенка.

Снежок попал Кнопке прямо в глаз, и бедняжка с воем побежал прочь. Какой успех! Чуть было не подружился с велосипедистом!

Он присел у какого-то дерева и стал лечить глаз, из которого непрерывно текли слезы. Глаз невыносимо болел. Кнопка согласился бы вырвать глаз, только бы не чувствовать этой боли.

Рассвело. Небо уже не казалось таким низким и черным, оно стало серым и поднялось высоко над крышами.

«Будь сейчас луна, я смог бы повысить и полаять бы на нее, как делают другие собаки, — подумал Кнопка. И тут же возразил себе: — Другие собаки, но не ты, не умеющий лаять».

Над этим вопросом Кнопка размышлял долго. Почему он не умеет лаять? Может быть, он еще маленький? Может быть, он мало упражнялся?

И вот он стал учиться лаять. Раздались жалкие и пронзительные вопли, от которых прослезились бы камни. Но у камней нет ушей, а у горожан есть. Одно, два, три окна распахнулись над головой Кнопки.

Несколько тазов холодной воды окатило Кнопку с ног до головы. С жалобным воплем он убежал прочь.

«Хороший результат! — думал Кнопка вне себя от отчаяния и смущения. — Еще один такой душ, и я перейду в другой мир, так и не научившись лаять».

Бедняга совсем отчаялся: «Лучше бы я пошел с моими товарищами. Теперь они сидят в теплой комнате. Скоро про-

снутся дети и так обрадуются им! А чего я достиг своей преданностью Франческо? Щенок не должен позволять себе роскошь думать. Что мне теперь делать? Куда идти? Мне ничего не остается, как умереть».

Решив умереть, он растянулся на трамвайной линии. Первые трамваи уже счищали снег со стальных рельсов, и они отливали голубым светом в бледных лучах восходящего солнца. Но вот рельсы слегка задрожали.

Приближался трамвай. Пора. Прощай, Кнопка, тебе не повезло в жизни. Так встретить смерть так же смело, как встретил смерть Генерал. Бродячие собаки на твоем примере поймут, что нельзя оставаться в мире одиноким.

Трамвай быстро приблизился, но в нескольких шагах от Кнопки резко затормозил. Вожатый спрыгнул на землю.

— Смотрите, щенок! Щенок, который хочет умереть!.. Видели вы когда-нибудь такую картину?

Кнопка вскочил и, поджав хвост от смущения, побежал прочь. Даже умереть ему не давали спокойно.

— Эй ты! — звал его вожатый. — Верный, Верный, иди сюда!

Он назвал много имен, но Кнопка не ответил ни на одно, хотя прекрасно понимал, что у вожатого не было плохих намерений. Вернее, именно поэтому он и не отзывался. Он так отчаялся, что не желал больше ничьей дружбы. Ему хотелось только одного — умереть.

— Верный, Тузик, Ральф, Щенок, Послушный, иди сюда!

Кнопка даже не повернулся. Вожатый сел в трамвай, включил мотор и поехал дальше, сигналя и внимательно смотря на рельсы.

Кнопка спрятался за уличной тумбой. Трамваи с грохотом проходили в десяти шагах от него, но он не осмеливался выйти из своего укрытия. А как они весело сигналят, эти трамваи! Как сверкает солнце на трамвайных окошках! Какие симпатичные, добрые лица у вожатых! Видно было, что эти люди, не задумываясь, снимут с себя куртку, чтобы укрыть замерзшего щенка, а по утрам будут кормить его белым хлебом, намоченным в молоке.

Кнопка вздохнул.

Неподалеку послышался стук копыт. Старая лошадь медленно тащила по снегу коляску.

«Брошусь под коляску,—решил Кнопка.—Если лошадь не раздавит меня копытами, я все равно попаду под колеса».

Когда коляска была в двух шагах, он закрыл глаза и бросился под копыта. Но лошадь заметила его. Лошади хорошо видят, даже из-под шор. Копыта лишь пригладили взлохмаченную шерсть Кнопки, не причинив ему никакого вреда. Коляска чуть-чуть отклонилась в сторону—Кнопка остался цел и невредим. Тогда он всеми четырьмя лапами уцепился за коляску и повис сзади, где обычно цепляются шалуны, чтобы не получить кнута от кучера и проехать бесплатно.

По правде сказать, он устроился совсем неплохо: колеса поднимали легкую снежную пыль, которая свежей струей обдавала Кнопку. Под ним и по обеим сторонам коляски бежала белая гладкая дорога. Справа и слева отступали дома.

«Как хорошо ехать в коляске!»—подумал Кнопка.

Вы помните, то же самое подумал и Франческо.

«Буду ездить вместе с коляской взад-вперед, а потом видно будет,—решил Кнопка.—По-моему, кучер не заметил меня».

Через некоторое время Кнопке надоело ехать на запятах. Он решил сравнить, где лучше: в коляске или на запятах.

«Пожалуй, наверху, гораздо лучше,—подумал он.—Там, должно быть, красные сиденья, как в купе первого класса Голубой Стрелы. Ручаюсь, что на сиденье можно вытянуться».

Пустив в ход зубы, лапы и хвост, Кнопка забрался в коляску. Внутри было тепло. Щенок почувствовал под ногами нежный, мягкий бархат.

«Немножко темновато,—подумал он,—но даже лучше, чем в Голубой Стреле. Боюсь, что намочу подушку своими мокрыми лапами. Хотя не все ли мне равно? Я еду в коляске впервые в жизни и хочу как следует насладиться поездкой. Сейчас я растянусь на сиденье и посплю немножко».

Он вытянулся... но неожиданно стукнулся головой обо что-то, вернее, об кого-то.

«Кто же сидит в коляске?»—испуганно подумал Кнопка.

Он открыл свои маленькие серые глазки, и вдруг сердце бешено забилось у него в груди.

Прислонившись к спинке сиденья, подложив под голову руку, в коляске спокойно спал какой-то мальчик.

КНОПКА УЧИТСЯ ЛАЯТЬ

— Франческо, — затаив дыхание, пробормотал Кнопка.

Франческо пошевелился во сне и улыбнулся. Наверно, хороший сон видела сейчас эта каштановая головка с большим чубом, спускавшимся, как обычно, на лоб.

Кнопка лизнул ему руку. Впервые в жизни он лизнул руку своему другу, и это показалось ему самой приятной вещью в мире.

«А я бросался под трамвай, — думал он, — Я чуть было не погиб под коляской Франческо. Какая ужасная была бы смерть!»

От счастья он закрыл глаза, но сразу же снова открыл их, боясь хоть на минуту потерять из виду спящего мальчика. Хвост Кнопки тихо постукивал по бархату сиденья, Кнопка бросил рассеянный взгляд на хвост и удивился, как тогда, когда увидел в луже свое отражение.

«Странно, этот хвост не похож на тот, который был раньше. Не пришли же мне новый!»

Это замечание Кнопки относилось к тому периоду его жизни, о котором я вам не успел рассказать. Когда он еще жил в магазине Феи, мыши однажды отгрызли ему хвост. Но Фея, осматривая как-то магазин, заметила это и пришила ему новый.

«Этот мой хвост не похож на те, которые можно пришивать и отрезать, — думал Кнопка. — Это не тряпичный хвост».

Он попробовал ухватить хвост передними лапами, но это ему не удалось. Увлекшись, он несколько раз кувыркнулся на сиденье и в конце концов свалился прямо на Франческо, который поморщился во сне.

«Как хорошо! Не хватало еще, чтобы я сделал мальчику больно! Пропащий я совсем пес! — упрекнул сам себя Кнопка,

потом стал оправдываться: — В конце концов рано или поздно он все равно должен проснуться».

Франческо спал теперь не так крепко. Он поворачивался, двигал руками, открывал рот, как бы желая что-то сказать. Может быть, он подымался на поверхность из сна, глубокого, как море.

— Проснись, — попросил Кнопка, — проснись, Франческо. Я уже давно здесь, а ты ни разу не взглянул на меня. Проснись, уже пора!

Франческо открыл глаза и сразу же зажмурился: утренний свет хлынул ему в глаза серебряной струей.

Он никак не мог вспомнить, что с ним случилось, и с удивлением спросил:

— Где я?

Но стук лошадиных копыт, ставший внезапно более громким (коляска проходила как раз по той части города, где снег уже счистили), напомнил ему все события этой удивительной ночи. Он открыл глаза и увидел пса, который вилял хвостом, смотрел на него и, казалось, по первому знаку готов был броситься к нему в объятия.

— Песик! — весело воскликнул Франческо. — Откуда ты взялся?

Он сел поближе, но еще не осмеливался протянуть руку и погладить щенка.

— Может быть, мне его подарила Фея? Может быть, это мой новогодний подарок?

Но потом засмеялся. Фея дарила игрушки, а не настоящих псов с ласковыми, преданными глазами, с настоящим хвостом, который плясал в воздухе, как маленький флагшток под порывом ветра. Вы, наверное, уже сами догадались, что Кнопка не был больше игрушкой. Он стал настоящим псом.

Франческо ласково погладил его по спине, сначала робко, одной рукой, потом смелее, обеими руками. Кнопка только и ждал этого приглашения: проворный, как ящерица, он вскочил на колени к мальчику и весело залаял.

Да, вы правильно меня поняли: именно залаял. Впервые в жизни Кнопка услышал, как из его горла вылетают сильные, энергичные звуки, так не похожие на его обычный визг. Эти звуки казались ему песней и отдавались в голове, как колокол.

«Я лаю», — только и успел подумать он и сразу же перестал думать. Зато теперь он наслаждался этим новым, неиспытанным чувством. Он лаял так громко, что Франческо рассмеялся:

— Похоже, что ты лаешь впервые в жизни. Но голос у тебя неплохой.

Кнопка перестал быть игрушкой из папье-маше и тряпок; он чувствовал, как в его груди бьется настоящее, живое сердце. Когда его гладили, он не оставался теперь холодным и безразличным, как игрушка, а весь был теплый, живой и дрожал, как птица.

Это произошло потому, что он нашел себе настоящего друга и не был больше одинок.

Услышав этот лай, удивленный кучер обернулся. Он увидел мальчика и пса, которые весело боролись на старых, потертых подушках сиденья: псы и ребята не видят особой разницы между лужайкой и сиденьем коляски. Как только они найдут немного свободного места, так сразу же начинают вертеться юлой.

— Откуда же к нам прыгнул этот пес? — смеясь, спросил кучер.

— Не знаю. Когда я проснулся, он уже сидел здесь и лизал мне руку.

Кучер кашлянул и принялся рассказывать какую-то длинную историю.

— Однажды подобрал я одного пса. Дело было так: ехал я со станции; в коляске лежал багаж и сидели пассажиры. Лошадь в тот день совсем не хотела двигаться. Шел дождь, а у лошадей ведь тоже есть свои капризы. Правду говорит пословица...

Но Франческо и Кнопка так и не узнали, ни что говорит пословица, ни чем кончилась история кучера. Стариk говорил, говорил, а два друга — я чуть не сказал два мальчика — уже обнаружили, что вдвоем можно играть, смеяться, развлекаться. И пасмурный день в занесенном снегом городе вдруг показался им светлым и радостным, как солнечный день на берегу моря.

ЧТО ТАКОЕ ДРУГ

На следующий день Франческо пошел на работу в магазин Феи. Кнопка, конечно, последовал за ним. Они не могли расстаться ни на минуту. Франческо брал его на ночь к себе в кровать, и ранним утром Кнопка будил его нетерпеливым

лаем, который означал: «Вставай, не трать столько времени на сон. У нас еще тысяча дел. Нам нужно поваляться в снегу, сбегать наперегонки до стены фабрики, проверить, кто дальше прыгнет. Вставай, вставай скорее!»

Всю дорогу они продолжали играть.

Фея, по правде сказать, сморщила нос при виде пса.

— Пес? Ты хочешь держать его в магазине?

— Если вы разрешите, синьора.
— Гм... Нет ли у него случайно блох?
— Нет, синьора. Это чистый пес.
— Мне кажется, что я где-то его уже видела. Тереза, взгляни-ка на этого пса! Ты помнишь, где мы его видели?

— Нет, синьора баронесса. Впрочем... Подождите-ка... Знаете, на кого он похож? На щенка, который сидел у нас в витрине на прошлой неделе. Посмотрите, у него хвост светлее, чем остальная шерсть.

— Ты права, он очень похож на нашего щенка. Правда, тот был поменьше.

— Да, синьора баронесса, наш был немного поменьше.

Кнопка залаял, чтобы они вспомнили его. Но Фея сказала смеясь:

— А кроме того, наш не лаял.

— Да, синьора баронесса, он не лаял.

Франческо разрешили держать пса, но только с условием, что тот не будет сорить и ломать игрушки.

За один день Кнопка научился предупреждать лаем о приходе покупателя. Научился смирно сидеть на задних лапах, держа во рту кружку, куда покупатели бросали чаевые для Франческо. Научился развлекать маленьких ребятишек, пока их мамы беседовали о том о сем с синьорой Феей.

В свободное время, когда покупателей не было, Франческо и Кнопка играли вместе новыми игрушками, которые Фея привезла к следующему Новому году. Это был все новый народ, незнакомый Кнопке: реактивные самолеты, ружья, стреляющие сжатым воздухом, огромные океанские пароходы с сотнями пассажиров.

«Бедняжка Полубородый, — думал Кнопка, — каким жалким казался бы его парусник рядом с этими гигантами!»

Со всем этим народом Кнопка не разговаривал. Все они были молчаливые и неподвижные и не желали вступать в разговор.

Может быть, между собой они и беседовали, как это раньше делал Кнопка со своими друзьями. Но теперь Кнопка

не был одним из них: он принадлежал к миру настоящих людей с настоящими, а не нарисованными, как у трех Марионеток, сердцами.

Франческо тоже почти не играл с игрушками. Он предпочитал целыми часами бороться и кувыркаться с Кнопкой.

— Все игрушки мира не стоят одного друга,— говорил Франческо на ухо Кнопке.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

— Мы всегда будем друзьями! Не расстанемся никогда!

— Никогда! Никогда! — лаял Кнопка.

Фея выглядывала из двери магазина и, глядя поверх очков, спрашивала:

— Что он так лает, этот демон?

— Он доволен, синьора. Он рад, что живет в этом мире.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ

СКАЗКА

ЛИШЬ ТОЛЬКО ДЖЕЛЬСОМИНО РАСКРОЕТ РОТ,
МЯЧ ВЛЕТАЕТ В СЕТКУ ВОРОТ

Э

то история про Джельсомино, рассказанная им самим. Пока я дослушал ее до конца, я чуть было не оглох, хотя и набил себе в уши полкило ваты. Дело в том, что у Джельсомино такой громкий голос, что даже когда он говорит вполголоса, его слышат пассажиры реактивных самолетов, летящих на высоте десяти тысяч метров над уровнем моря.

Сегодня Джельсомино — знаменитый тенор. Он известен повсюду — от Северного полюса до Южного. Став артистом, он придумал себе новое звучное и, пожалуй, даже несколько пышное имя, которое я не буду здесь называть, потому что оно наверняка сотни раз попадалось вам в газетах. В детстве мальчика звали Джельсомино — Жасмин, и под этим именем он останется в нашей повести.

Так вот, жил да был обыкновенный мальчик, быть может, даже поменьше ростом, чем другие мальчишки, но голос у него был на редкость оглушительный, что выяснилось, едва он успел издать свой первый крик.

Когда Джельсомино родился — а произошло это глубокой ночью, — все односельчане вскочили с постелей, решив, что слышат фабричный гудок, зовущий их на работу. На самом же деле это плакал Джельсомино, пробуя свой голос, как это делают все только что появившиеся на свет малыши. К счастью, скоро он научился спать с вечера до утра, как это делают все порядочные люди, кроме журналистов и ночных сторожей.

Теперь он начинал свой плач ровно в семь утра — как раз в то время, когда людям нужно просыпаться, чтобы идти на работу. Фабричные гудки оказались не нужны и скоро заряжали от бездействия.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошел в школу. Во время переклички учитель дошел до буквы «Д» и вызвал его:

— Джельсомино!

— Здесь! — радостно ответил новый ученик.

И тут же раздался грохот — посыпались осколки, классная грифельная доска разлетелась на тысячи мелких кусков.

— Кто из вас запустил камнем в доску? — строго спросил учитель, протягивая руку за линейкой.

Все молчали.

— Ну что же, начнем перекличку сначала, — сказал учитель. — Это ты запустил камень? — спрашивал он по порядку каждого ученика.

— Не я, не я, — отвечали испуганные мальчики.

Когда учитель дошел до Джельсомино, тот тоже встал и вполне искренне ответил:

— Это не я, синьор у...

Но не успел он произнести слово «учитель», как в ту же минуту оконные стекла с громким звоном посыпались на пол.

На этот раз учитель внимательно следил за классом и видел, что ни один из его сорока учеников не стрелял из рогатки. «Наверное, окно разбил кто-нибудь с улицы, — подумал учитель, — один из тех шалунов, которые, вместо того

чтобы ходить в школу, разоряют птичий гнездо. Поймаю-
ка его да и отведу за ухо в полицию».

В то утро на этом все и кончилось. На следующий
день учитель снова взялся за перекличку и опять дошел
до имени Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой, гордясь тем, что стал
школьником.

Трах-тарах! — сразу же откликнулось окно. Стек-
ла, вставленные всего полчаса назад, посыпались на мо-
стовую.

— Странное дело, — сказал учитель, — несчастья слу-
чаются всякий раз, когда я дохожу до твоего имени. А, все понятно! У тебя, мой мальчик, слишком громкий го-
лос, от твоего голоса воздух сотрясается, как во время
циклона. С сегодняшнего дня ты должен говорить толь-
ко вполголоса, а иначе школа и все наше селение превра-
тятся в развалины. Договорились?

Покраснев от стыда и смущения, Джельсомино по-
пробовал возразить:

— Синьор учитель, ведь это же не я!

Трах-тарах! — ответила ему новая доска, только
что принесенная школьным сторожем из магазина.

— Вот тебе доказательство,— сказал учитель.

Однако, заметив, что у бедняги Джельсомино катились по щекам крупные слезы, встал из-за стола, подошел к мальчику и ласково погладил его по голове.

— Слушай меня внимательно, сынок. Твой голос может принести тебе либо много бед, либо великую славу. Пока же лучше, чтобы ты по возможности меньше пользовался им. К тому же всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото.

С этого дня для Джельсомино начались адские муки. В школе, чтобы не наделать новых бед, он сидел, заткнув рот носовым платком. И все же его голос звучал до того громко, что товарищам по классу приходилось затыкать себе уши. Учитель старался спрашивать его как можно реже. Правда, нужно сказать, что Джельсомино считался примерным учеником, и учитель был уверен, что он всегда сможет дать правильный ответ.

Дома после первого же случая (он за столом стал рассказывать о приключившемся в школе, и от двенадцати стаканов остались одни осколки) ему было строго-настрого запрещено раскрывать рот.

Чтобы отвести душу, ему приходилось уходить подальше от селения: в лес, на берег озера или в поле. Когда он бывал уверен, что остался один и на почтительном расстоянии от окон своих односельчан, он ложился ничком на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно закипала — кроты, гусеницы, муравьи и другие подземные обитатели вылезали на поверхность и убегали за много километров, думая, что начинается землетрясение.

Только один раз Джельсомино забыл про свою обычную осторожность. Дело было в воскресенье на стадионе во время решающей футбольной встречи.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но мало-помалу игра захватила и его. И вот под одобрительные возгласы болельщиков команда его села перешла в атаку. (Я точно не знаю, что значит «перейти в атаку», так как ничего не понимаю в футболе, но такое выражение употребил в своем рассказе Джельсомино, и я уверен, что вы его поймете — ведь вы же читаете спортивные газеты!)

— Давай! Давай! — кричали болельщики.

— Давай! — закричал во весь голос Джельсомино.

Как раз в этот момент правый крайний передавал мяч центру нападения, но мяч на полпути изменил направление и, движимый какой-то неведомой силой, влетел в ворота противника, проскочив между ног вратаря.

— Гол! — закричали зрители.

— Вот это удар! — воскликнул кто-то. — Видели, как он срезал мяч? А точность-то какая! Все рассчитано до миллиметра. У него золотые ноги.

Но Джельсомино, придя в себя, сразу же понял, что он наделал.

«Сомнений быть не может, — думал он, — этот гол забил я своим голосом. Придется мне молчать, а то иначе во что же превратится спорт? Нет, пожалуй, чтобы уравнять счет, придется забить гол и в другие ворота».

Во втором тайме ему представился удобный случай. Команда противника бросилась в атаку.

Джельсомино закричал, и мяч влетел в ворота его односельчан. Легко понять, что сердце его при этом обливалось кровью. Даже спустя много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино заметил:

— Я скорее бы дал отрубить себе палец, чем забить этот гол, но ничего не поделаешь, волей-неволей пришлось забить.

Да, другой на его месте подыгрывал бы своей любимой команде, но только не Джельсомино — он был честный, искренний и чистый, как прозрачная родниковая вода. Вот таким он и рос, и стал юношой. Был он, по правде говоря, не очень высоким, скорее даже небольшого роста и скорее худым, чем толстым — в общем, имя Жасмин ему вполне подходило. Будь у него имя потяжелее, глядишь, чего доброго, он нажил бы себе горб, нося его.

Джельсомино уже давно оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом, да так и занимался бы этим всю жизнь и мне не пришлось бы рассказывать вам о нем, не случись с ним пренеприятная история, о которой вы вскоре узнаете.

ДЖЕЛЬСОМИНО НЕ ПОВЕЗЛО — ПРОТИВ НЕГО ПОДНЯЛОСЬ ВСЕ СЕЛО

Однажды утром Джельсомино вышел в свой сад и увидел, что груши уже созрели. Груши ведь всегда так поступают: не говоря нам ничего, они зреют себе и зреют, и в одно прекрасное утро вы видите, что они уже спели и пришла пора их снимать.

«Жаль, — подумал Джельсомино, — что я не захватил с собой лестницы. Пойду-ка домой, возьму ее да заодно принесу шест, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в этот момент ему пришла в голову другая мысль — вернее, просто небольшой каприз: «А что, если мне попробовать пустить в ход свой голос?» И, решив так, он встал под деревом и не то в шутку, не то всерьез закричал:

— А ну-ка, груши, падайте!

Бах-бах-бах! — ответили ему груши, падая дождем на землю.

Джельсомино подошел к другому дереву и проделал то же самое. Каждый раз, когда он кричал «Падайте!», груши отрывались от веток, словно только и ждали этого приказа, и густо усыпали землю. Джельсомино очень обрадовался этому.

«Ведь так я сберегу немало сил, — подумал он. — Жаль только, что я раньше не додумался пользоваться голосом вместо лестницы и шеста».

В то время когда Джельсомино обходил свой сад, собирая таким образом груши, его увидел крестьянин, который мотыжил землю на соседнем участке. Он протер глаза, ушипнул себя за нос и, когда убедился, что все это не сон, побежал за женой.

— Пойди-ка погляди, — сказал он ей, весь дрожа. — Я уверен, что Джельсомино злой колдун.

Жена посмотрела, упала на колени и воскликнула:

— Да он добрый святой волшебник!

— А я тебе говорю, что колдун!

— А я тебе говорю, что святой волшебник!

До этого дня муж с женой жили довольно мирно, но тут он взялся за мотыгу, она за лопату, и каждый из них уже

готов был с оружием в руках отстаивать свое мнение, когда крестьянин предложил:

— Пойдем позовем соседей. Пусть они тоже поглядят на Джельсомино, послушаем, что они скажут.

Идея позвать соседей и иметь предлог лишний раз почесать язычком понравилась жене; она бросила свою лопату и исчезла.

Еще до наступления вечера вся окружавшая знала о случившемся. Жители разделились на две партии: одни утверждали, что Джельсомино — добный волшебник, другие доказывали, что он злой колдун. Споры все больше разгорались, все росли, как растут волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули настоящие ссоры, и было даже несколько пострадавших. К счастью, легко. Один крестьянин, например, обжегся трубкой, так как в разгаре спора сунул ее в рот не тем концом. Полицейские совсем растерялись и не знали, что им делать. Они ходили от одной группы к другой и призывали всех к спокойствию.

Самые неистовые спорщики направились к саду Джельсомино — одни для того, чтобы взять себе что-нибудь на память о волшебстве, другие с намерением уничтожить сад, где жил злой колдун.

Увидев, что огромная толпа устремилась куда-то, Джельсомино решил, что вспыхнул пожар. Он схватил ведро и хо-

тел уже было броситься на помощь, но увидел, что вся толпа остановилась у его дверей, и услышал такой разговор:

— Вот он! — кричали одни. — Он добрый волшебник!

— Какой там волшебник? Он злой колдун. Поглядите, у него в руках ведро. Наверняка заколдованное.

— Ради бога, отойдем подальше: если он плеснет на нас этой штукой, то мы пропали.

— Какой такой штукой?

— Да что вы, ослепли? В ведре адская смола. Если она попадет на человека, насквозь прожжет и ни один врач никогда уже не вылечит.

— Он волшебник, волшебник!

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам спспевать — и они спспевали, приказывал падать — и они падали.

— Да вы рехнулись, что ли? — спросил Джельсомино. — Ведь всему виной мой голос. Просто воздух от него начинает сотрясаться, как при сильном урагане.

— Да, да, мы знаем! — закричала одна женщина. — Ты делаешь чудеса своим голосом!

— Какие там чудеса! Это колдовские чары! — надрывались другие.

Джельсомино бросил со злости ведро на землю, ушел в дом и закрыл дверь на засов.

«Кончилась моя спокойная жизнь, — думал он. — Теперь мне нельзя будет шагу ступить, чтобы за мной следом не бежали любопытные. По вечерам, перед сном, повсюду только и разговоров будет что обо мне. Я буду пугалом для маленьких детей, злым колдуном. Лучше мне убраться отсюда. В конце концов, что мне здесь делать? Родители мои умерли, лучшие друзья погибли на войне. Пойду-ка я бродить по свету да попробую найти счастье с помощью своего голоса. Есть же люди, которым платят за то, что они поют. Правда, это немного странно. Ведь по-настоящему не стоило бы платить людям за занятие, которое им самим доставляет удовольствие. Но все же за пение платят. Может, и мне удастся стать певцом». Приняв такое решение, он сложил свои немудреные пожитки в вещевой мешок и вышел на улицу.

Ожидавшие его люди расступились, перешептываясь. Не

глядя ни на кого, Джельсомино молча пошел по дороге. Отойдя довольно далеко, он обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на свой дом.

Толпа все еще не расходилась, и люди указывали на него пальцами, словно он был привидением.

«А не сыграть ли с ними шутку, которой они заслуживают?» — подумал Джельсомино, и, набрав полную грудь воздуха, он крикнул во весь голос:

— До свидания!

Результат этого прощального приветствия сказался немедленно. Мужчины почувствовали, как неожиданный порыв ветра сорвал с них шапки. Старые дамы, у которых вдруг открылись лысины, похожие на очищенное яйцо, бросились вдогонку за своими париками.

— Прощайтё, прощайте! — повторил Джельсомино, от души смеясь над этой первой в своей жизни шалостью.

Шапки и парики сбились в одну стайку, словно перелетные птицы, вспорхнули к облакам, движимые необычайной силой голоса Джельсомино, и через несколько минут скрылись из виду. Вскоре стало известно, что они умчались за несколько километров, а некоторые из них даже улетели за границу.

Через несколько дней и Джельсомино пересек границу и попал в самую необычную страну на свете.

ДЖЕЛЬСОМИНО ЗНАКОМИТСЯ СЛУЧАЙНО С КОШКОЙ НЕСКОЛЬКО НЕОБЫЧАЙНОЙ

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была серебряная монета. Она блестела на земле около тротуара у всех на виду. «Странно, что никто ее не подобрал, — подумал Джельсомино. — Ну, уж от меня-то она наверняка не уйдет. У меня было немного денег, но они еще вчера вечером кончились. Сегодня у меня во рту и маковой росинки не было. Но сначала я узнаю, не потерял ли ее кто-нибудь из прохожих».

Он подошел к кучке людей, которые, шушукаясь между собой, наблюдали за ним, и показал им монету.

— Синьоры, не обронил ли кто-нибудь из вас эту монету? — шепотом спросил он, чтобы не напугать их своим голосом.

— Убирайся прочь, — ответили ему, — да пореже показывай эту монету, если не хочешь нажить себе беды!

— Извините меня, пожалуйста, — пробормотал, растерявшись, Джельсомино и направился к магазину, вывеска которого заманчиво гласила: «Продовольственные и другие товары».

На витрине вместо ветчины и банок с вареньем красовались груды тетрадей, коробки с красками и стояли пузырьки с чернилами.

«Это, наверное, и есть другие товары», — подумал Джельсомино и в надежде купить чего-нибудь съестного вошел в магазин.

— Добрый вечер,— любезно приветствовал его хозяин магазина.

«По правде говоря,— удивился про себя Джельсомино,— я еще не слышал, чтобы пробило даже полдень. Впрочем, не стоит обращать на это внимание». И, как обычно, шепотом, который тем не менее слишком громко звучал для нормального уха, он спросил:

— Можно у вас купить хлеба?

— Пожалуйста, дорогой синьор. Сколько вам, пузырек или два? Красного или черного?

— Только не черного,— ответил Джельсомино.— А что, вы действительно продаете хлеб в пузырьках?

Владелец магазина расхохотался.

— А как же нам его продавать? Разве в вашей стране хлеб режут на куски? Нет, вы только посмотрите, какой хороший у нас хлеб! — И, говоря это, он показал на полку, где

пузырьки с чернилами самых различных цветов стояли в ряд ровнее, чем солдаты в строю.

Кстати, во всем магазине не было и намека на что-нибудь съестное: ни корки сыра, ни яблочной кожуры.

«Не сошел ли он с ума? — подумал Джельсомино. — Пожалуй, лучше ему не перечить».

— Действительно, хлеб чудесный, — согласился Джельсомино и показал на пузырек с красными чернилами, желая услышать, что же ему ответит владелец магазина.

— Неужели? — сказал тот, весь просияв от такой похвалы. — Да, это самый зеленый хлеб, который когда-либо был в продаже.

— Зеленый?

— Ну конечно! Извините, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино был уверен, что перед ним пузырек красных чернил. Он уже собирался найти какой-нибудь предлог, чтобы убраться подобру-поздорову и отправиться на поиски более разумного владельца магазина, как вдруг его осенила мысль.

— Послушайте, — сказал Джельсомино, — я, пожалуй, зайду за хлебом попозже. А пока не скажете ли мне, где у вас продаются чернила высшего качества?

— Конечно, — ответил владелец магазина со своей постоянной любезной улыбкой на лице. — Посмотрите, вот напротив самый известный в городе магазин канцелярских принадлежностей.

На витрине магазина напротив были аппетитно разложены хлебы различных сортов, торты и пирожные, и макароны, и горы сыра, висели колбасы и сосиски.

«Я так и думал, — решил Джельсомино, — этот торговец рехнулся и называет хлеб чернилами, а чернила — хлебом. В другом магазине, пожалуй, дело будет вернее».

Он вошел в магазин напротив и попросил полкило хлеба.

— Хлеба? — услужливо переспросил продавец. — Видите ли, вы ошиблись. Хлеб продаётся напротив. Мы торгуем только канцелярскими принадлежностями! — И он с гордостью широким жестом руки обвел все обилие вкусных вещей.

«Теперь я понял, — решил про себя Джельсомино, — в этой

стране нужно говорить шиворот-навыворот. Если ты назовешь хлеб хлебом, то тебя не поймут».

— Дайте мне полкило чернил, — сказал он продавцу.

Тот отвесил ему полкило хлеба и, завернув по всем правилам в бумагу, подал.

— Мне хотелось бы также немного вот этого, — добавил Джельсомино и показал на круг сырь, не рискуя его как-нибудь назвать.

— Чемного ластика? — спросил продавец. — Сию минуту, синьор. — Он отрезал добрый кусок сыра, взвесил и завернул в бумагу.

Джельсомино облегченно вздохнул и бросил на прилавок только что найденную им серебряную монету. Продавец нагнулся, разглядывая ее несколько минут, подбросил раза два над прилавком, чтобы послушать, как она звенит, потом принялся рассматривать ее через увеличительное стекло и даже попробовал на зуб. Наконец он недовольно вернул ее Джельсомино и холодно заметил:

— К сожалению, молодой человек, ваша монета настоящая.

— Тем лучше, — доверчиво улыбнулся Джельсомино.

— Как бы не так! Повторяю вам, что эта монета настоящая и я не могу ее принять. Идите своей дорогой. И вообще будьте довольны, молодой человек, что у меня сейчас нет желания выйти на улицу и позвать полицейского. Разве вы не знаете, что ждет тех, кто пускает в оборот настоящие деньги? Тюрьма!

— Но я...

— А вы не повышайте голос, я не глухой. Ступайте, ступайте и возвращайтесь с фальшивой монетой, тогда товар и получите. Глядите, я даже не разворачиваю пакеты. Они будут лежать для вас здесь в сторонке, ладно? Спокойной ночи.

Джельсомино засунул в рот кулак, чтобы не закричать. И пока он шел от прилавка к двери, между ним и его голосом произошел такой разговор:

Голос: Хочешь, я воскликну: «А-а!», и у него разлетится вдребезги вся витрина?

Джельсомино: Прошу тебя, не делай этого. Ведь я

только что попал в эту страну, у меня и так идет здесь все вкривь и вкось.

Голос: Но мне нужно вырваться наружу, иначе мне конец. Ты же мой хозяин, придумай, как лучше поступить.

Джельсомино: Потерпи, вот выйдем сейчас из магазина этого ненормального. Я не хочу разорять его. В этой стране творится что-то странное.

Голос: Тогда поторапливайся, я больше не могу. Поспеши. Еще минута — и я закричу... Еще минута — и все пропало!

Джельсомино пустился бегом, свернув в безлюдную улочку чуть пошире переулка, быстро оглянулся. Вокруг не было ни души. Тогда он вынул кулак изо рта и, чтобы освободиться от злости, переполнявшей его, испустил короткое: «А-а!» Послышался звон разбившегося уличного фонаря, а стоявший на одном из балконов цветочный горшок закачался и рухнул на мостовую.

Джельсомино вздохнул:

— Когда у меня будут деньги, я вышлю их по почте городскому управлению за разбитый уличный фонарь, а на балкон поставлю новый горшок с цветами. Как будто ничего больше не разбилось?

— Нет, ничего,— ответил ему тоненький голос, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино поискал, кто бы это мог говорить, и увидел кошку или во всяком случае существо, которое издали можно было принять за кошку. Прежде всего, кошка эта была красная. Какого-то особенно густого красного или даже бордового оттенка. У нее было всего три лапы. И наконец, что самое удивительное, это была нарисованная кошка, вроде тех фигурок, которые ребятишки рисуют на стенах.

— Как! Говорящая кошка? — удивился Джельсомино.

— Да, я несколько необычная кошка и признаю это. Я, например, умею читать и писать. Но, кроме всего прочего, я дочь школьного мела.

— Чья ты дочь?

— Одна девочка нарисовала меня на этой стене кусочком цветного мела, который она стянула в школе. Но поскольку в этот момент показался полицейский, она вспыхах убежала, успев нарисовать мне всего только три лапы. Вот и вышла я

хромая. И поэтому я решила назвать себя Кошкой-хромоножкой. К тому же я покашливаю немного. Ведь самые холодные зимние месяцы мне пришлось провести на довольно сырой стене.

Джельсомино взглянул на стену. На ней остался лишь отпечаток от Кошки-хромоножки, как будто рисунок отделился от штукатурки.

— Но как же ты сумела выпрыгнуть? — спросил Джельсомино.

— А за это я должна поблагодарить твой голос, — ответила Кошка-хромоножка. — Если бы ты крикнул посильнее, то, вероятно, продырявил бы стену и вышла бы неприятность. А так мне просто повезло. Ох как здорово ходить по земле, пусть даже на трех лапах! У тебя, кстати, только две ноги, и тебе как будто хватает, правда?

— Еще бы, — согласился Джельсомино, — для меня этого даже слишком много. Будь у меня только одна нога, я бы не ушел из дома.

— Ты не очень-то весел, — заметила Хромоножка. — Что с тобой стряслось?

Джельсомино собрался было начать рассказ о своих злоключениях, как вдруг на уложке показался настоящий

кот, на четырех лапах. Но он, вероятно, был углублен в свои мысли и даже не обернулся, чтобы взглянуть на наших друзей.

— Мяу! — крикнула ему Кошка-хромоножка.

На кошачьем языке слово «мяу» означает «привет».

Кот остановился. Он казался удивленным, скорее даже оскорбленным.

— Меня зовут Кошка-хромоножка, а тебя как? — поинтересовалась нарисованная кошка.

Настоящий кот, казалось, колебался, отвечать или нет. Потом неохотно пробормотал:

— Меня зовут Барбосом.

— Что он говорит? — спросил Джельсомино, который действительно ничего не понимал.

— Говорит, что его зовут Барбосом.

— Да разве это не собачья кличка?

— Именно так!

— Никак не возьму в толк, — сказал Джельсомино. —

Сперва продавец захотел мне всучить чернила вместо хлеба. Теперь этот кот с собачьей кличкой...

— Дорогой мой, — пояснила Кошка-хромоножка, — кот думает, что он собака. Хочешь послушать? — И, обратившись к коту, она его сердечно поприветствовала: — Мяу!

— Гав-гав! — разозлившись, ответил кот. — Постыдись, ты же кошка, а мяукаешь!

— Да, я кошка, — ответила Кошка-хромоножка, — хотя у меня всего только три лапы, нарисованные красным мелом.

— Ты позор нашего рода. Ты обманщица, убираяся прочь. Я не желаю больше терять ни минуты на разговоры с тобой. Да, кстати, и дождь собирается. Пойду-ка я домой за зонтиком. — И кот пустился прочь, то и дело оглядываясь и лая.

— Что он сказал? — спросил Джельсомино.

— Он сказал, что пойдет дождь.

Джельсомино взглянул на небо. Над крышами домов сияло солнце, и даже в морской бинокль невозможно было бы разглядеть ни одной тучи.

— Будем надеяться, — сказал мальчик, — что все ненастные дни в этом краю будут походить на сегодняшний день.

Мне кажется, что я попал в страну, где все шиворот-навыворот.

— Дорогой Джельсомино, ты просто очутился в Стране лжецов. Здесь все по закону обязаны врать. И горе тем, кто говорит правду. Их так штрафуют, что шкуру сдирают вместе с хвостом.

И тут Кошка-хромоножка, сумевшая многое узнать со своего наблюдательного пункта на стене, подробно описала мальчику Джельсомино Страну лжецов.

ЗДЕСЬ МЫ ПРИВОДИМ С КОШКИНЫХ СЛОВ ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ О СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ

— Да будет тебе известно... — начала Кошка-хромоножка. Но я сокращу ее рассказ, чтобы не заставлять вас терять много времени.

Итак, задолго до того как Джельсомино попал в чужеземную страну, туда по морю приплыл хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомон. Это был довольно высокий и толстый человек, уже немолодой, и на старости лет ему захотелось найти себе занятие спокойнее.

— Молодость уже прошла, — говорил он. — Мне опостылело бороздить моря. Не лучше ли теперь захватить какой-нибудь островок и бросить старое ремесло. Конечно, я не забуду пиратов из своей шайки. Кого-то произведу в мажордомы, кого-то назначу на другие почетные должности, и они не будут в обиде на своего атамана.

Задумав такое дело, он начал подыскивать для себя островок. Но все островки были слишком малы и не отвечали его вкусам. Если же они приходились по вкусу самому Джакомону, то не нравились его шайке. Одному нужна была река, чтобы ловить форель, а реки не было, другому — кинотеатр, третьему — банк, чтобы вложить туда свои пиратские сбережения.

— А почему бы нам не захватить что-нибудь получше, чем островок? — каждый раз говорил кто-нибудь из пиратов.

Одним словом, кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, где было полным-полно и бан-

ков, и кинотеатров, и много рек, чтобы ловить форель, а в воскресные дни кататься на лодке. И ничего удивительного в этом нет. Довольно часто случается, что банда пиратов захватывает ту или иную страну в какой-нибудь части света. Завладев страной, Джакомон решил называть себя королем Джакомоном Первым, а своих людей он произвел в адмиралы, камергеры, сделал их придворными и начальниками пожарных команд. Разумеется, Джакомон издал закон, который обязывал всех называть его «ваше величество» под угрозой, что ослушникам будет отрезан язык. Но для полной уверенности, что никому никогда не взбредет в голову сказать о нем правду, он приказал своим министрам произвести реформу словаря.

— Нужно изменить значение всех слов,— пояснил он.— Например, слово «пират» будет означать — честный, порядочный человек. Таким образом, когда люди будут говорить, что я пират, на новом языке это будет означать, что я порядочный человек.

— Клянемся всеми китами, которых видели, когда ходили на абордаж,— это прекрасная идея! — закричали восхищенные министры.— Ее стоит записать золотыми буквами.

— Всем ясно? — продолжал Джакомон.— А теперь за дело! Изменить все названия вещей, животных и людей! Для начала вместо «доброе утро» нужно говорить «спокойной ночи». Так, мои верноподданные будут начинать свой день со лжи. Конечно, когда придет время идти спать, надо будет говорить «доброе утро».

— Великолепно! — воскликнул один из министров.— А чтобы сказать кому-нибудь: «Как вы прелестно выглядите», нужно будет говорить: «Ваша физиономия кирпича просит».

После реформы словаря был издан закон, который делал ложь обязательной для всех. И тут началась полная неразбериха.

На первых порах люди очень часто ошибались. Например, хлеб шли покупать в булочную, забывая, что там теперь продавались карандаши и тетради, а хлеб следовало покупать в магазине письменных принадлежностей. Или же шли погулять в городской парк, смотрели на цветы и вздыхали:

— Какие чудесные розы!

Немедленно из-за куста высакивал стражник короля Джакомона, держа наготове наручники.

— Ну и молодец, право, молодец! А вам известно, что вы нарушили закон? Как вам в голову взбрело называть розой морковь?

— Прошу прощения,— бормотал провинившийся и второпях принимался расхваливать другие цветы парка.— Каяя изумительная крапива! — говорил он, показывая на анютины глазки.

— Нет уж, вы мне это бросьте! Преступление вы уже совершили. Посидите немного в тюрьме да потренируйтесь говорить неправду.

Но то, что произошло в школах, просто невозможно описать. Джакомон приказал изменить все числа таблицы умножения. Чтобы произвести сложение, необходимо было вычитать, а при делении — умножать. Сами учителя не могли больше проверять задания.

Для лодырей началось настоящее раздолье: чем больше они делали ошибок, тем увереннее были, что получат отличную оценку.

А сочинения?

Можете себе представить, какие сочинения получались, когда их писали шиворот-навыворот. Вот, к примеру, сочинение на тему «Прекрасный день», за которое один школьник был награжден медалью из фальшивого золота:

«Вчера шел дождь. Ах, какое наслаждение гулять под проливным холодным дождем! Наконец-то люди смогли оставить дома зонтики и плащи и ходить без пиджаков, в одних рубашках. Я не люблю, когда светит солнце: приходится сидеть дома, чтобы не намокнуть, и смотреть всю ночь напролет, как солнечные лучи грустно скользят по черепицам дверей».

Для того чтобы как следует оценить это сочинение, вы должны учитывать, что «черепицы дверей» на этом языке означало «стекла окон».

Но хватит об этом. Теперь вы уже знаете, о чем идет речь. В Стране лжецов даже животные были вынуждены говорить неправду. Собаки мяукали, кошки лаяли, лошади

мычали, а лев, сидевший в клетке в зоопарке, должен был попискивать, потому что рычать обязали мышей.

Лишь рыбы в воде да птицы в воздухе могли наплывать на все законы короля Джакомона. Ведь рыбы всегда молчат, и поэтому никто их не может заставить лгать. Ну, а птиц не могла арестовать королевская стража. Птицы продолжали, как и прежде, каждый на свой лад распевать песни. Люди смотрели на них с завистью и вздыхали:

— Счастливчики, никто не может их оштрафовать...

Слушая рассказ Кошки-хромоножки, Джельсомино становился все грустнее и грустнее.

«Как же я буду жить в этой стране? — думал он. — Если я своим слишком громким голосом скажу правду, то меня услышат все полицейские короля Джакомона. Да и голос у меня такой непослушный, что с ним, пожалуй, не совладать».

— Ну вот, теперь тебе все известно, — закончила свой

рассказ Хромоножка:— А знаешь, что я еще тебе скажу? Я проголодалась.

— Я тоже. Да я почти забыл об этом.

— Голод — это единственное, о чем нельзя забыть. Время ему не страшно. Наоборот, чем больше проходит времени, тем сильнее ты чувствуешь голод. Ну ничего, сейчас мы что-нибудь поищем. Только сначала мне хотелось бы оставить о себе память на этой стене, пленницей которой я пробыла столько времени.

И своей лапкой, нарисованной красным мелом, она нацарапала на стене на своем прежнем месте:

МЯУ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Найти чего-нибудь поесть было не так-то просто. Пока они бродили по городу, Джельсомино, не отрываясь, смотрел на мостовую в надежде найти фальшивую монету. А Кошка-хромоножка все глядела по сторонам, будто разыскивая среди толпы кого-нибудь из знакомых.

— Вот она,— произнесла вдруг Кошка и указала на старую синьюю, которая торопливо шла по тротуару с кульком в руках.

— Кто это?

— Это тетушка Кукуруза, покровительница кошек. Каждый вечер она приносила кулек с объедками для бродячих кошек, которые собираются около парка королевского дворца.

Тетушка Кукуруза была прямой как палка, сухой, строгого вида старухой, ростом почти в два метра. Посмотрев на нее, можно было подумать, что она из тех старух, которые гоняют кошек метлой. Но, по словам Кошки-хромоножки, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за ней, Джельсомино и его новый друг вышли на маленькую площадь, в глубине которой возвышалась ограда парка с зубцами, покрытыми острыми бутылочными осколками. Десяток исхудавших, ободранных кошек встретили тетушку беспорядочным лаем.

— Остолопы! — сказала Кошка-хромоножка.— Смотри, как я сейчас их проведу.

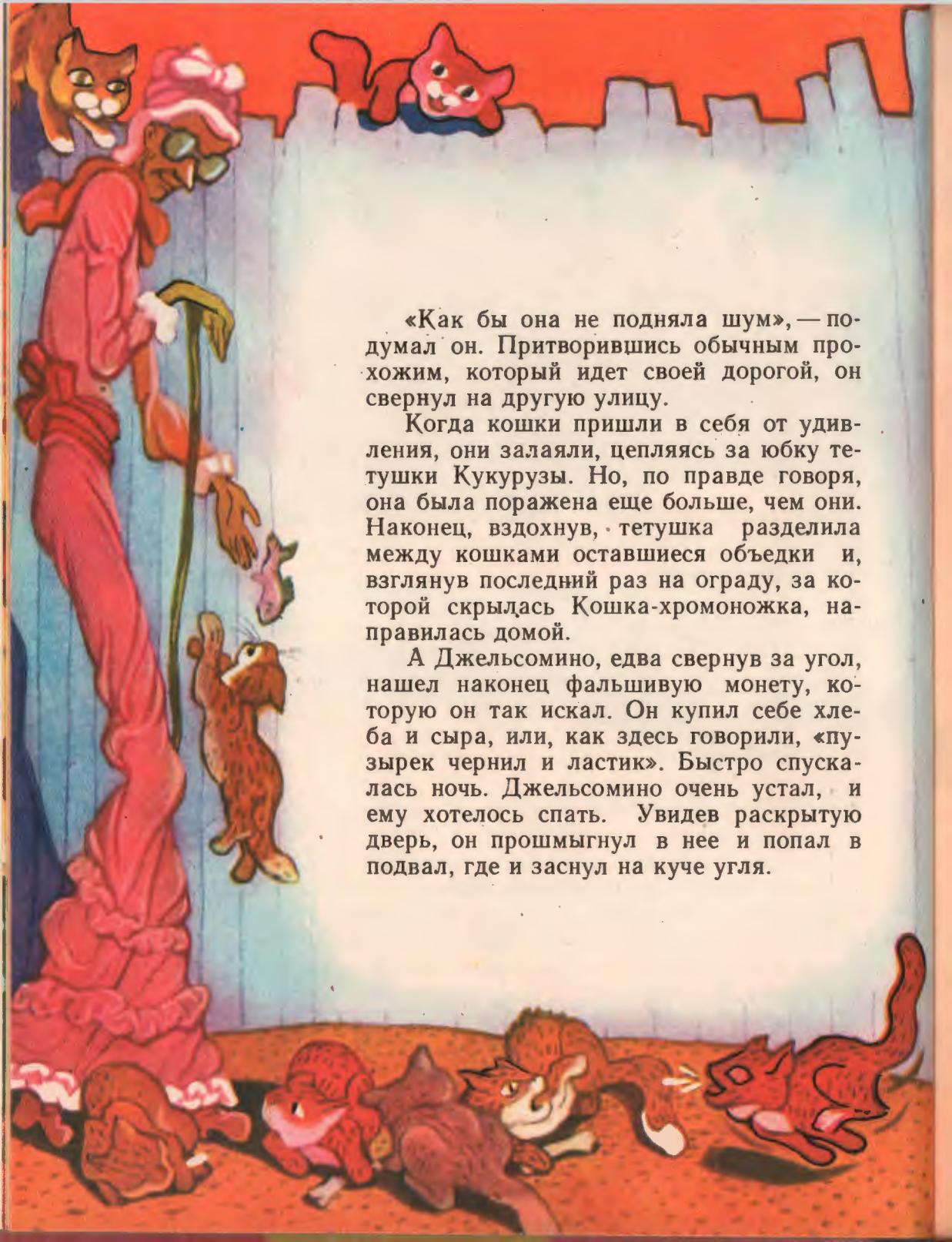
В тот момент, когда тетушка Кукуруза, развернув свой кулек, выкладывала его содержимое на тротуар, Кошка-

хромоножка врезалась в кошачью свалку и испустила пронзительное «мяу!».

Кошка, которая не лаяла, а мяукала! К такому здешние коты не привыкли. Они совершенно остолбенели и с открытыми ртами застыли на месте как статуи. Кошка-хромоножка уцепила зубами две тресковые головы и хребет камбалы, в два прыжка взобралась на ограду королевского парка и спрыгнула в кусты.

Джельсомино оглянулся по сторонам. Ему тоже захотелось перелезть через ограду, но на него подозрительно поглядела тетушка Кукуруза.

«Как бы она не подняла шум», — подумал он. Притворившись обычным прохожим, который идет своей дорогой, он свернул на другую улицу.

Когда кошки пришли в себя от удивления, они залаяли, цепляясь за юбку тетушки Кукурузы. Но, по правде говоря, она была поражена еще больше, чем они. Наконец, вздохнув, тетушка разделила между кошками оставшиеся обедки и, взглянув последний раз на ограду, за которой скрылась Кошка-хромоножка, направилась домой.

А Джельсомино, едва свернув за угол, нашел наконец фальшивую монету, которую он так искал. Он купил себе хлеба и сыра, или, как здесь говорили, «пузырек чернил и ластик». Быстро спускалась ночь. Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев открытую дверь, он прошмыгнулся в нее и попал в подвал, где и заснул на куче угля.

КОШКА-ХРОМОНОЖКА УВИДАЛА С БАЛКОНА СТО ПАРИКОВ КОРОЛЯ ДЖАКОМОНА

Пока Джельсомино спит, не подозревая, что как раз во сне с ним произойдет новое приключение, о котором я вам расскажу позже, мы пойдем по следам трех красных лапок Кошки-хромоножки. Тресковые головы и хребет камбалы показались ей необычайно вкусными. В первый раз в своей жизни она поела. Пока она оставалась нарисованной на стене, ей никогда не приходилось испытывать голод.

Впервые Кошка проводила ночь в королевском парке. Взглянув на королевский дворец, она заметила на последнем этаже ряд освещенных окон.

— Жаль, что здесь нет Джельсомино,— сказала она.— Уж он бы смог спеть серенаду королю Джакомону и разбить ему вдребезги все стекла. Однако король Джакомон, наверное, готовится ко сну. Не упустить бы мне это зрелище.

Быстро, по-кошачьи ловко она стала карабкаться с этажа на этаж и заглянула в окно огромного зала, который находился перед опочивальней его величества.

Здесь двумя нескончаемыми рядами стояли слуги, камердинеры, придворные, камергеры, адмиралы, министры и другие знатные особы, которые низко кланялись проходящему Джакомону. Он был огромный, толстый и такой страшный, что можно было испугаться. Своей красотой поражали только густые длинные выющиеся оранжево-огненного цвета волосы и фиолетовая ночная рубашка с королевским именем, вышитым на груди. Когда он проходил, все отвешивали глубокие поклоны и почтительно говорили:

— Доброе утро, ваше величество! Счастливо провести день, государь!

Джакомон то и дело останавливался и сладко зевал. И немедленно один из придворных вежливо прикрывал ему рукой рот. Затем Джакомон вновь трогался с места и бормотал.

— Вот уж сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я себя чувствую свежим как огурчик.

Разумеется, все это означало совсем обратное. Но он настолько привык заставлять врать других, что и сам тоже врал напропалую, и первый же верил своему вранью.

— У вашего величества физиономия кирпича просит, — заметил, низко кланяясь, один из министров.

Джакомон бросил на него гневный взгляд, но вовремя спохватился: ведь эти слова означали, что у него прекрасный цвет лица. Он улыбнулся, зевнул, повернулся к толпе придворных и приветствовал их жестом руки. Затем, подобрав подол своей фиолетовой рубашки, он удалился в опочивальню.

Кошка-хромоножка перебралась к другому окну, чтобы продолжать свои наблюдения.

Как только его величество Джакомон остался один, он устремился к зеркалу и принял старательно расчесывать золотым гребешком свою прекрасную оранжевую шевелюру.

«Как он заботится о своих волосах,— подумала Хромоножка,— а впрочем, не зря. Они на самом деле красивы. Трудно поверить, что человечек с такими волосами мог превратиться в пирата. Ему следовало бы стать художником или музыкантом».

А Джакомон тем временем положил на место гребешок, осторожно ухватил две пряди волос у висков, и... раз, два, три... — быстрое движение рук — и показалась его голова без единого волоска, блестящая, как отполированный булыжник. Пожалуй, даже индеец не сумел бы с такой скоростью оскальпировать своих непрошеных гостей.

— Парики! — пробормотала в изумлении Кошка-хромоножка.

Да, прекрасная оранжевая шевелюра оказалась не чем иным, как париком. А под ним лысая голова его величества имела неприятный розовый цвет и была усеяна шишками и бородавками, которые Джакомон почесывал, грустно вздыхая. Затем он раскрыл шкаф, и Кошка-хромоножка увидела целую коллекцию разноцветных париков. От удивления у нее еще шире раскрылись глаза. Там были парики с русыми, синими, черными волосами, причесанными на самый различный манер. На людях Джакомон всегда появлялся в оранжевом парике, но перед сном, оставшись наедине, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Почти у всех порядочных людей в определенном возрасте волосы выпадают. Но уж таков был Джакомон — он не мог видеть свою голову без растительности.

На глазах у Кошки-хромоножки его величество примерил один за другим десятки париков. Он прохаживался перед зеркалом, чтобы насладиться своим видом, смотрел на себя анфас, в профиль, разглядывал с помощью маленького зер-

кальца затылок, как прима-балерина перед выходом на сцену. Наконец ему показалось, что фиолетовый парик как раз подойдет к цвету его ночной рубашки. Он покрепче натянул его на свою лысину, лег в постель и погасил свет.

Кошка-хромоножка провела еще с полчаса на подоконнике, с любопытством заглядывая в окна королевского дворца. Конечно, это не занятие для воспитанных особ. Если не-прилично подслушивать у дверей, то, как вы думаете, прилично ли подглядывать в окна? Впрочем, вам это никогда и не удастся, ведь вы не кошки и не канатоходцы. Но то, что увидела Хромоножка, было очень увлекательно. Особенно ей понравился один камергер, который, прежде чем улечься спать, снял с себя парадный мундир, разбросав по всей комнате кружева, ордена, оружие. И знаете, что он надел на себя? Свою старую пиратскую одежду: штаны, закатанные до колен, клетчатую куртку и черную повязку на правый глаз. В этом облачении старый пират полез не в постель, а на самый верх балдахина, который возвышался над кроватью. Должно быть, он соскучился по верхней перекладине громчакты. Наконец, он зажег грошовую трубку, жадно затягиваясь дымом, от которого Кошка-хромоножка чуть было не раскашлялась.

— Гляди-ка, что значит сила правды,— промолвила наша наблюдательница,— даже старый пират и тот любит свою настоящую одежду.

Кошка-хромоножка решила, что ночевать в королевском парке, рискуя быть задержанной стражей, крайне неосмотрительно. Поэтому она снова перелезла через ограду и очутилась на центральной, площади города, разумеется, той самой, где народ собирался, чтобы послушать речи короля Джакомона. Кошка-хромоножка стала поглядывать по сторонам, желая найти какое-нибудь пристанище, чтобы переночевать, как вдруг она почувствовала какой-то зуд в своей правой лапе.

— Странно,— пробормотала она,— уж не подцепила ли я блох у его величества или у того старого пирата?

Но зуд был совсем иного рода. Дело в том, что лапа у нее чесалась не снаружи, а внутри. Кошка-хромоножка внимательно ее осмотрела и не нашла никаких блох.

— Теперь я поняла,— решила она,— вероятно, мне захотелось писать на стенах. Помню, что вчера вечером я почувствовала такой же зуд, когда — спасибо Джельсомино! — мне удалось очутиться на этой земле. Оставлю-ка я приветствие королю лжецов.

Она потихоньку приблизилась к королевскому дворцу и воочию убедилась, что стража не в состоянии ее схватить. Как это и полагается в стране шиворот-навыворот, стражники спали и похрапывали. Время от времени начальник охраны специально обходил посты и проверял, все ли стражники спят.

— Тем лучше,— обрадовалась Кошка-хромоножка, и своей нарисованной красным мелом лапой, правой, само собой разумеется, она написала на стене королевского дворца, как раз рядом с главным входом:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОН НОСИТ ПАРИК!

— Эта надпись здесь как раз к месту,— сказала она, рассматривая ее.— Теперь нужно написать и по другую сторону входа.

За четверть часа она успела раз сто написать эти слова и под конец устала, как школьник, который закончил переписывать заданный ему в наказание за ошибки урок.

— Ну а теперь бай-бай.

Как раз посреди площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомона. Конечно, все это были сплошные выдумки. Здесь можно было видеть, как Джакомон раздавал свои богатства беднякам, как Джакомон громит врагов, как Джакомон изобретает зонтик, чтобы защитить своих подданных от дождя. На вершине колонны было достаточно места, чтобы трехлапая кошка могла там растянуться и, укрывшись от всех опасностей, вздремнуть. Кошка-хромоножка вскарабкалась, цепляясь за статуи, и устроилась на самой верхушке колонны. Чтобы не упасть, она уцепилась хвостом за громоотвод и, не успев закрыть глаза, уснула.

РАНО УТРОМ СМЕХ И ГОМОН РАЗБУДИЛИ ДЖАКОМОНА

На рассвете Кошку-хромоножку разбудил страшный шум. «Может, произошло наводнение, пока я спала?» — в испуге подумала она. Свесившись с колонны, она увидела площадь, запруженную шумящей толпой. Она сразу же поняла, что всех этих людей привела сюда надпись, оставленная ею на стене королевского дворца:

Король Джакомон носит парик!

В Стране лжецов даже самая небольшая правда произвела больше шума, чем взрыв бомбы. Со всех улиц стекались толпы людей, привлеченные шумом и смехом. Вновь прибывшие поначалу думали, что настал праздник.

— Что случилось? Мы одержали победу в какой-нибудь войне?

— Нет, нет, куда лучше!

— У его величества родился наследник?

— Нет, еще лучше!

— Ну, тогда, несомненно, отменили налоги.

Наконец, прочтя надпись Кошки-хромоножки, вновь прибывшие тоже разражались смехом. Крики и хохот разбудили короля Джакомона, который почивал в своей фиолетовой рубашке. Подбежав к окну, король потер руки от удовольствия.

— Какая прелесть! Вы только посмотрите, как меня любят мой народ! Все они пришли сюда, чтобы пожелать мне спокойной ночи. Эй вы, придворные, камергеры, адмиралы, сюда, ко мне, подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь.

Но, по правде говоря, придворные были настроены довольно недоверчиво.

— Не послать ли кого-нибудь узнать, что случилось?

— Ваше величество, а вдруг произошла революция?

— Чепуха! Разве вы не видите, как люди веселятся?

— Вот именно. А почему они так веселы?

— Вполне понятно почему. Ведь я сейчас произнесу речь.

Где мой секретарь?

— Я здесь, государь.

Секретарь короля Джакомона всегда носил под мышкой толстую папку, тую набитую заранее написанными речами. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, но все от начала до конца полные всякого вранья. Секретарь раскрыл папку, вытащил исписанный лист бумаги и прочел заглавие:

— «Речь о разведении рисовой каши».

— Нет, нет, не нужно ничего о еде. А то у кого-нибудь разыграется аппетит, и он будет меня неохотно слушать.

— «Речь по поводу изобретения лошадок-качалок», — прочел еще одно заглавие секретарь.

— Вот это было бы кстати. Всем известно, что лошадки-качалки изобрел я. Пока я не стал королем, лошадок-качалок и в помине не было.

— Ваше величество, у меня есть еще речь о цвете волос.

— Прекрасно, вот это мне как раз и нужно! — воскликнул Джакомон, поглаживая свой парик. Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон.

При появлении его величества раздалось нечто такое, что могло быть или громкими аплодисментами, или неудержимым хохотом. Многие недоверчиво настроенные придворные сочли это за смех и стали посматривать еще более подозрительно. Но Джакомон принял этот гам за аплодисменты и, поблагодарив своих подданных очаровательной улыбкой, приступил к чтению своей речи.

Не надейтесь, что вы сможете полностью ее здесь про честь. Вы все равно ничего бы в ней не поняли, ведь обо всем в ней говорилось шиворот-навыворот. Я вам вкратце изложу ее содержание, полагаясь на память Джельсомино.

Итак, вот приблизительно то, что сказал король Джакомон:

— Что такое голова без волос? Это сад без цветов.

— Браво! — закричали в толпе. — Правильно! Это правда! Правильно!

Слово «правда» заставило насторожиться даже наименее подозрительных придворных. Но Джакомон спокойно продолжал свою речь:

— Пока я не был королем этой страны, люди с отчаяния вырывали у себя волосы. Жители страны один за другим лысели, а парикмахеры становились безработными.

— Браво! — закричал кто-то в толпе. — Да здравствуют парикмахеры и да здравствуют парики!

Джакомон на миг оторопел. Этот намек на парик зашел его за живое. Но, отогнав подозрения, он продолжал:

— Граждане, сейчас я вам расскажу, почему волосы оранжевого цвета красивее волос зеленого цвета.

В этот момент один придворный потянул Джакомона за рукав и прошептал ему на ухо:

— Ваше величество, произошла ужасная вещь.

— Что такое? Говори!

— Сначала обещайте мне, что не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду.

— Обещаю!

— Кто-то написал на стенах, что вы носите парик. Поэтому люди и смеются.

Джакомон был так поражен, что выронил из рук листки со своей речью. Они поплыли над толпой и в конце концов попали в руки мальчишек. Если бы королю сказали, что загорелся его дворец, вероятно, он бы не так разозлился. Он приказал жандармам очистить площадь от народа. Затем заставил вырвать язык у того придворного, который разузнал, в чем дело, и принес неприятное известие. Несчастный впопыхах попросил, чтобы ему оставили язык. Он совершенно забыл, что следовало просить оставить ему не язык, а нос. Тогда, по крайней мере, ему отрезали бы нос, а язык остался бы целым и невредимым.

Но Джакомон на этом не успокоился. По всему королевству был разослан указ, в котором было обещано сто тысяч фальшивых талеров тому, кто укажет человека, оскорбившего его величество. На площади перед дворцом, возле самой колонны, была сооружена гильотина, чтобы отсечь голову неосторожному писаке.

— Мамочка моя! — воскликнула, стараясь получше спрятаться на колонне, Кошка-хромоножка и потрогала шею. — Я, право, не знаю, как называется на языке лжецов страх, но если его называют смелость, то я сейчас чувствую себя ужасно смелой.

Из осторожности она весь день провела в своем убежище, свернувшись в клубок. К вечеру, убедившись, что не произойдет неприятных встреч, она спустилась вниз с колонны, сотню раз оглядываясь по сторонам, прежде чем сделать хоть шаг вперед. Когда она очутилась уже на земле, ее задние лапы были готовы сразу пуститься наутек. И вот в этот момент она снова почувствовала в передней правой лапке неприятный зуд.

— Ну вот, опять начинается, — промурлыкала Кошка-хромоножка. — Придется мне, пожалуй, чтобы прошел этот зуд, опять написать что-нибудь неприятное на память королю Джакомону. Понятно, раз родилась я нарисованной на сте-

не, всю жизнь мне придется теперь заниматься писаниной. Но я не вижу здесь ни одной стены. А напишу-ка я там.

И на топоре гильотины своей лапкой из красного мела она нацарапала новое послание королю Джакомону. Оно гласило:

*Весть летит со всех сторон:
«Лысый, лысый Джакомон!»*

Зуд сразу прошел, но Кошка-хромоножка с беспокойством отметила, что ее лапа укоротилась на несколько миллиметров.

— У меня и так уже не хватает одной лапы,— сказала она,— а если я буду писать, то и другая лапа сотрется, как же я буду тогда ходить?

— Ну, сейчас я тебе помогу,— услышала она голос за своей спиной.

Если бы речь шла только о голосе, Кошка-хромоножка смогла бы спастись бегством. Но у голоса были две руки и цепкие пальцы, которые крепко ее держали. Руки и голос принадлежали уже немолодой синьоре, ростом почти в два метра, на вид сухой и строгой...

— Тетушка Кукуруза!

— Да, это я,— прошипела старая синьора,— и я возьму тебя с собой. Ты у меня узнаешь, как таскать ужин у моих кошек и писать мелом на стенах.

Кошка-хромоножка без возражений дала себя завернуть в накидку тетушки Кукурузы, тем более что из ворот королевского дворца уже показалось несколько жандармов.

«Хорошо, что тетушка Кукуруза появилась раньше,— подумала Хромоножка,— уж лучше попасться ей, чем Джакомону».

КОШКА-ХРОМОНОЖКА БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ УЧИТ МЯУКАТЬ ГЛУПЫХ КОТОВ

Тетушка Кукуруза принесла Кошку-хромоножку домой и пришила ее к креслу. Да, да, именно пришила иголкой и ниткой, как пришивают рисунок на скатерть, когда хотят ее вышить. Прежде чем оборвать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошелся шов.

— Тетушка Кукуруза,— сказала Кошка-хромоножка, сра-

зу повеселев,— вы бы по крайней мере хоть синие нитки выбрали, они лучше подошли бы к цвету моей шерсти. Эти оранжевые ужасны, они напоминают мне парик Джакомона.

— Нечего говорить о париках,— ответила тетушка Кукуруза.— Самое главное, чтобы ты сидела спокойно и не убежала от меня, как вчера вечером. Ты редкостное животное, и от тебя я жду больших дел.

— Я всего-навсего кошка,— скромно заметила Хромоножка.

— Ты кошка, которая мяукает, а в наши дни таких мало. Вернее, их даже вовсе нет. Кошки вздумали лаять, как собаки, и, конечно, у них это плохо получается, ведь они родились не для этого. Я люблю кошек, а не собак. У меня семь кошек в доме. Они спят на кухне под умывальником. Всякий раз, когда они раскрывают рот, мне хочется прогнать их. Я раз сто пробовала научить их мяукать, но они не слушаются меня.

Кошка-хромоножка начала испытывать симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла ее от полиции и которой до смерти надоели лающие коты.

— Во всяком случае,— продолжала тетушка Кукуруза,— разговор о кошках мы отложим до завтра. Сегодня вечером мы займемся другим делом.

Она подошла к небольшой этажерке и достала с нее книгу.

— «Трактат о чистоте»,— прочитала ее заглавие Кошка-хромоножка.

— А теперь,— заявила тетушка Кукуруза, удобно устраиваясь в кресле напротив Хромоножки,— я тебе прочту эту книгу от первой главы до последней.

— Сколько же в ней страниц, тетушка?

— Пустяки! Всего-навсего восемьсот двадцать четыре, включая оглавление, которое я, так уж и быть, не буду читать. Итак: «Глава первая. Почему не следует писать свое имя на стенах. Имя — вещь важная, и им нельзя разбрасываться. Нарисуйте красивую картину и можете поставить под ней свою подпись. Создайте прекрасную статую, и ваше имя будет красоваться на пьедестале. Изобретите хорошую машину, и вы будете иметь право назвать ее вашим именем.

Только те, кто не делает ничего хорошего, пишут свое имя на стенах».

— Я вполне согласна с этим,— заявила Хромоножка,— но ведь я-то писала на стенах не свое имя, а короля Джакомона.

— Молчи и слушай. «Глава вторая. Почему не следует писать на стенах имена своих друзей».

— У меня всего-навсего один друг,— сказала Кошка-хромоножка.— Он был у меня, но я его потеряла. Я не хочу слушать эту главу, иначе я очень расстроюсь.

— Но тебе все же придется ее прослушать. Ты ведь все равно не можешь двинуться с места.

Но в эту минуту зазвенел звонок, и тетушка Кукуруза встала, чтобы пойти открыть дверь. Вошла девочка лет десяти. То, что это была девочка, можно было заключить по пучку волос, наподобие конского хвоста, собранных у нее на затылке. В остальном она могла легко сойти за мальчика, потому что была одета в джинсы и клетчатую ковбойку.

— Ромолетта! — воскликнула Кошка-хромоножка вне себя от удивления.

Девочка посмотрела на нее, стараясь вспомнить.

— Где мы с тобой встречались?

— Ну как же, — продолжала Кошка-хромоножка, — тебя ведь можно назвать почти моей мамой. Разве мой цвет ничего тебе не напоминает?

— Напоминает, — ответила Ромолетта, — кусочек мела, который я однажды одолжила в школе.

— Одолжила? — спросила тетушка Кукуруза.— А учительница знала об этом?

— Я не успела вовремя сказать ей,— объяснила Ромолетта,— сразу прозвенел звонок на большую перемену.

— Отлично,— сказала Кошка-хромоножка,— значит, меня можно считать дочерью этого кусочка мела. Вот почему я образованная кошка: умею говорить, читать, писать и считать. Конечно, я бы тебе была очень признательна, если бы ты нарисовала мне все четыре лапы. Но я и так довольна.

— Я тоже ужасно рада снова увидеть тебя,— улыбнулась Ромолетта.— Представляю, сколько новостей ты мне расскажешь.

— Все довольны, кроме меня,— вмешалась тетушка Кукуруза.— По-моему, вам обеим полезно поучиться тому, о чем говорится в моей книге. Ромолетта, садись сюда.

Девочка пододвинула поближе кресло и, скинув туфли, устроилась в нем с ногами. Тетушка Кукуруза принялась читать третью главу, в которой разъяснялось, почему не следует писать на стенах оскорбительные для прохожих слова. Кошка-хромоножка и Ромолетта слушали с большим вниманием. Хромоножке, пришитой к креслу, ничего другого не оставалось. А вот Ромолетта делала это не без некоторой хитрости, смысл которой вы скоро поймете.

Дойдя до десятой главы, тетушка Кукуруза начала позевывать. Сначала она зевала раза два на каждой странице, потом стала зевать все чаще и чаще: три, четыре раза на каждой странице, затем по разу на каждой строчке... на каждом слове... и наконец она зевнула так сладко, что, когда закрылся рот, одновременно с ним закрылись и глаза добродушной синьоры.

— Вот всегда так,— пояснила Ромолетта,— дойдет до половины книги и засыпает.

— А что же мы? Мы теперь должны ждать, пока она проснется? — спросила Кошка-хромоножка.— Она меня так крепко пришила, что захоти я зевнуть, все равно не смогла бы раскрыть рот. Кроме того, мне нужно быстрее разыскать друга, которого я не видела со вчерашнего вечера.

— Сейчас я все устрою,— сказала Ромолетта.

Взяв ножницы, она осторожно распорола нитки. Кошка-хромоножка спрыгнула на пол, потянулась и с облегчением вздохнула.

— Скорее,— прошептала Ромолетта,— пройдем через кухню.

На кухне была кромешная тьма, но в углу, где, вероятно, находился умывальник, поблескивали четырнадцать зелененьких огоньков.

— Здесь пахнет кошками,— сказала наша Хромоножка.— Я даже чувствую запах семи кошек.

— Это тетины котята.

Там, где стоял умывальник, раздалось веселое хихиканье.

— Сестричка,— послышалось оттуда,— ты, оказывается,

не только хромая, но и слепая. Разве ты не видишь, что мы, так же, как и ты, собаки?

— Ах вы несчастные лгуншки! — воскликнула Кошка-хромоножка, рассердившись не на шутку. — Вам просто повезло, что мне некогда, а то я научила бы вас мяукать. Тетушка Кукуруза еще сказала бы мне спасибо.

— Гав-гав! — ответили хором семь котят.

Кошка-хромоножка, прихрамывая, прошла через кухню и уселась перед своими семью собратьями.

— Мяу! — произнесла она с вызывающим видом.

Семь котят почувствовали себя неважно.

— Вы слышали? — спросил маленький котенок. — Она действительно умеет мяукать.

— Да, да, и совсем неплохо для собаки.

— Мяу, — повторила Кошка-хромоножка, — мяу, мяу, мяу!

— Это, наверное, звукоподражатель на радио, — сказал самый старший из котят. — Не слушайте ее. Она напрашивается на аплодисменты.

— Мяу! — еще раз протянула Кошка-хромоножка.

— По правде говоря, — пропищал другой котенок, — я тоже не прочь так хорошо мяукать. Если хотите знать, мне ужас как надоело лаять. Всякий раз, когда я принимаюсь лаять, меня охватывает такой страх, что шерсть встает дыбом.

— Ах ты мой упрямец! А знаешь, почему ты пугаешься? — сказала Кошка-хромоножка. — Да потому, что ты кошка, а не собака.

ГАВ!
ГАВ!

— Прошу меня не оскорблять. Хватит и того, что мы слушаем тебя. Кто знает, что ты собой представляешь?

— Я, как и вы, кошка.

— Ну, собака ты или кошка, а мяукать мне тоже хотелось бы.

— Так попробуй же,— сказала Кошка-хромоножка.— Ты узнаешь, что это за штука. У тебя во рту будет вкус слаще, чем...

— Слаще, чем молоко тетушки Кукурузы? — спросил самый маленький котенок.

— Во сто раз слаще.

— Мне ужасно хочется попробовать, — пропищал котенок.

— Мяу, мяу, — замяукала вкрадчиво Кошка-хромоножка.— Смелее, братья котята, учитесь мяукать.

И пока Ромолетта держалась за живот от смеха, самый маленький котенок начал робко мяукать. Ему стал вторить уже сильнее второй. Затем третий присоединился к хору. И вскоре все семеро котят замяукали, как семь скрипок, подстрекаемые во весь голос Кошкой-хромоножкой.

— Ну, что вы теперь скажете?

— Это и вправду сладко!

— Слаще, чем сгущенное молоко с сахаром!

— Осторожно,— воскликнула Ромолетта,— вы разбудите тетушку Кукурузу. Пошли, Хромоножка!

Ромолетта и Кошка-хромоножка выбежали во двор.

Тетушка Кукуруза действительно проснулась и появилась в дверях кухни. Один щелчок выключателя, и все увидели, как по лицу старой синьоры текли счастливые слезы.

— Кисоньки вы мои, наконец-то!

Сначала семь котят были в нерешительности. Они смотрели на свою хозяйку, мяукали без передышки и не понимали, что означают эти ручейки, вытекающие из ее глаз. Потом они взглянули на дверь и гуськом устремились во двор, ни на минуту не переставая мяукать.

Тетушка Кукуруза, вытирая слезы, смотрела им вслед.

— Молодцы, молодцы,— повторила она,— ну и молодцы!

Котята отвечали ей:

— Мяу! Мяу!

Но кое-кто незаметно наблюдал за этим необычным зрелищем. Это был синьор Калимер, владелец дома; он отличался такой скрупульностью, что сам жил на чердаке, а жильцам сдавал весь дом, вплоть до последней комнаташки. Человек он был препротивный и походил на доносчика. Уже много раз синьор Калимер запрещал тетушке Кукурузе держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не слушала его.

— Я плачу за квартиру, — говорила она, — и вдобавок очень дорого. Поэтому я имею полное право держать у себя кого хочу.

Большую часть дня Калимер проводил у слухового окна своего чердака, наблюдая за тем, что делают другие. Именно поэтому он увидел в тот вечер кошек, услышал, как они маукали, и даже то, как тетушка Кукуруза громко расхваливала их, без конца повторяя:

— Ну и молодцы, молодцы!

— Ага, попалась, — сказал Калимер, потирая руки. — Так, значит, эта старая ведьма подбирает бродячих собак и хочет научить их мяукать. На этот раз я ее поставлю на место. Сейчас же напишу министру.

Закрыв окно, он взял перо, бумагу, чернила и написал:

«Господин министр!

Происходят невероятные вещи, с которыми никак не могут мириться жители нашего города. Синьора тетушка Кукуруза сделала то-то и то-то и т. д. и т. п.».

Подпись: «Друг лжи»

Он вложил письмо в конверт и побежал бросить его в почтовый ящик. В довершение всех бед, как раз в тот момент, когда Калимер возвращался домой, он заметил Ромолетту и Кошку-хромоножку. Они как раз собирались проделать то, за что им пришлось бы выслушать еще десять глав из книги тетушки Кукурузы.

Вам уже известно, что Кошка-хромоножка испытывала иногда особый зуд в лапке, и тогда она не могла удержаться, чтобы не написать чего-нибудь на стене. Как раз в этот момент она приводила в исполнение свое желание, а Ромолетта смотрела на нее с завистью, так как мела в кармане у нее больше не было. Ни та, ни другая не заметили Калимера.

Завидев их, доносчик сразу заподозрил что-то неладное. Он спрятался в подворотне и смог в свое удовольствие прочитать новое послание Кошки-хромоножки, которое гласило:

«*Большая беда короля ожидает,
когда коты перестанут лаять»*

Не успели Ромолетта и Кошка-хромоножка уйти, как Калимер помчался домой и с радостью настрочил новое письмо министру.

«*Ваше превосходительство! Смею сообщить вам, что авторы оскорбительных для нашего короля надписей на стенах проживают в доме синьоры Кукурузы. Ими являются ее племянница Ромолетта и одна из собак, которых та подбирает, чтобы вопреки всем законам обучить их мяуканью. Уверен, что получу от вас обещанное вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров.*

Калимер Вексель»

Тем временем на улице Кошка-хромоножка с беспокойством обнаружила, что ее правая лапа опять укоротилась на несколько миллиметров.

— Нужно изобрести способ, как писать, не стирая лапу,— сказала она, вздыхая.

— Подожди,— воскликнула Ромолетта,— какая же я ду-

реха, что сразу не вспомнила! Я знаю одного художника, который живет здесь неподалеку. Его комната на чердаке и всегда открыта. Он гол как сокол и не боится воров. Ты можешь войти к нему и взять в долг немного краски или даже целую коробку. Пойдем, я тебе покажу дорогу, а потом вернусь домой. Мне не хочется, чтобы тетушка Кукуруза обо мне беспокоилась.

БАНАНИТО — НАШ ХУДОЖНИК, БРОСИВ КИСТЬ, ХВАТАЕТ НОЖИК

В тот вечер художник Бананито никак не мог заснуть. Скорчившись на табуретке, он сидел один-одинешенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Нет, все усилия напрасны. В моих картинах чего-то не хватает. Будь это что-то, они стали бы настоящими шедеврами. Но чего же в них все-таки не хватает? Вот в чем вопрос».

В этот момент на его подоконник прыгнула Кошка-хромоножка. Она вскарабкалась наверх по крышам, решив войти через окно, чтобы не беспокоить зря хозяина.

— О, да мы еще не спим,— промяукала она тихо.— Ну что ж, придется подождать здесь. Я не хочу, чтобы меня считали невежей. Когда Бананито будет спать, возьму у него немного краски, он и не заметит. А пока взгляну-ка я на его картины.

Но то, что она увидела, заставило ее остолбенеть.

«По-моему,— подумала она,— на картинах все страшно преувеличено. Не будь этого, они были бы сносными. В чем же тут дело? Ах, вот оно что! Слишком много ног. У этой лошади, например, их целых тринадцать. Подумать только! А у меня всего три... И потом слишком много носов: на одном портрете целых три носа на лице. Не завидую я этому синьору — ведь если он простудится, ему понадобится сразу три носовых платка. Ага, художник собирается что-то делать...»

Бананито действительно поднялся со своей табуретки.

«Пожалуй, здесь немного не хватает зеленого,— решил он.— Да, да! Именно зеленого».

Он взял тюбик зеленой краски, выдавил его на палитру и начал наносить зеленые мазки на все картины подряд: на ло-

шадинные ноги, на три носа, на глаза некоей синьоры: их было шесть — по три с каждой стороны.

Потом, отступив на несколько шагов, он прищурил глаз, чтобы лучше оценить результаты своей работы.

— Нет, нет,— пробормотал он,— видимо, не в этом дело. Картины нисколько не стали лучше.

Кошка-хромоножка со своего наблюдательного пункта не могла слышать этих слов, но она видела, как Бананито грустно поник головой.

«Ручаюсь, что он сильно огорчен, — подумала Кошка-хромоножка. — Не хотела бы я быть на месте этой синьоры с шестью глазами, ведь если у нее ослабнет зрение, ей придется покупать очки с шестью стеклами, а они, вероятно, очень дорого стоят».

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил ее на палитру и снова принялся наносить мазки на свои картины, прыгая по комнате, как кузнечик.

«Да, как раз желтая подойдет, — думал он, — я уверен, что здесь не хватает немного желтизны».

«Все пропало, — размышляла в это время Кошка-хромоножка, — теперь у него получится сплошная яичница».

Но Бананито уже бросил на пол свою палитру и кисть и с яростью стал топтать их ногами и рвать на себе волосы.

«Если он не перестанет, — испугалась Кошка-хромоножка, — он будет лысым, как король Джакомон. Может, я попробую его успокоить? Только бы он не обиделся на меня. Ведь к советам кошек еще никто никогда не прислушивался».

Бананито между тем сжался над своими волосами.

— Хватит! — решил он. — Возьму-ка я на кухне нож и изрежу все картины на куски, да на такие мелкие, чтобы из них получилось конфетти. Видно, не суждено мне быть художником.

«Кухня» Бананито представляла собой маленький столик в углу чердака, на котором стояли примус, кастрюлька, сковородка и лежало несколько ложек, вилок и ножей. Столик стоял у самого окна, и Кошке-хромоножке пришлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы остаться незамеченной. Впрочем, даже если бы она не спряталась, Бананито все

равно не увидел бы ее, потому что глаза его застилали крупные, как орех, слезы.

«Что же он теперь собирается делать? — размышляла Кошка-хромоножка. — Берет ложку... Ага! Наверное, проголодался. Нет, кладет ложку обратно и хватается за нож. Это начинает меня беспокоить. Уж не собирается ли он кого-нибудь зарезать, к примеру, своих критиков? А впрочем, он должен был бы радоваться, что его картины так безобразны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все будут твердить, что это настоящие шедевры, и он заработает кучу денег».

Пока Кошка-хромоножка предавалась подобным размышлениям, Бананито достал из ящика стола брускок и принялся точить нож.

— Я хочу, чтобы он резал, как бритва. Пусть от моих работ и следа не останется, — приговаривал он.

«Видно, он решил убить кого-то, — думала Кошка-хромоножка, — и хочет, чтобы удар был смертельным. Минуточку, а что, если он покончит с собой? Это было бы ужасное преступление. Нужно обязательно что-то предпринять. Нельзя терять ни секунды. Если в свое время гуси Рим спасли, то почему бы хромой кошке не спасти отчаявшегося художника?»

И наша маленькая героиня на своих трех лапках, отчаянно мяукая, смело прыгнула в комнату. В ту же минуту распахнулась дверь, и на чердак ворвался запыхавшийся, потный, покрытый пылью и известкой... Угадайте, кто?

— Джельсомино!
— Хромоножка!
— Как я рада, что снова вижу тебя!
— Ты ли это, моя Хромоножка?
— Если сомневаешься, посчитай, сколько у меня лапок.

И на глазах у художника, который, раскрыв рот от изумления, застыл с ножом в руках, Джельсомино и Кошка-хромоножка обнялись и пустились в пляс от радости.

О том, почему наш тенор забрался так высоко и почему именно в этот момент он вошел в эту дверь, обо всем этом будет вам подробнейшим образом рассказано в следующей главе.

ДЖЕЛЬСОМИНО НАКОНЕЦ ВЫСТУПАЕТ КАК ПЕВЕЦ

Джельсомино, как вы, наверное, помните, заснул в подвале на куче угля. По правде говоря, это была не очень удобная постель, но молодежь ведь не обращает внимания на удобства. И хотя острые куски угля впивались Джельсомино в ребра, это не мешало ему крепко спать и видеть сны.

Во время сна он начал напевать.

Многие имеют привычку разговаривать во сне, у Джельсомино же была привычка напевать. А проснувшись, он уже ничего не помнил. Может быть, его голос проделывал с ним эту шутку, желая отомстить за то длительное молчание, на которое Джельсомино обрекал его днем. Тем самым голос, по-видимому, хотел отыграться за все случаи, когда хозяин не разрешал ему вырываться на волю.

Джельсомино напевал во сне вполголоса, но этого было вполне достаточно, чтобы поднять на ноги полгорода.

Жители выглядывали из окон и возмущались:

— Куда девалась ночная стража? Это просто невыносимо, неужели никто не может заставить замолчать этого пьяницу?

Стражники бегали взад и вперед, но никого не видели на пустынных улицах.

Проснулся и директор городского театра, живший на другом конце города, километрах в десяти от подвала, где спал Джельсомино.

— Какой изумительный голос! — воскликнул он. — Вот это настоящий тенор. Однако кто может так петь? Ох, если бы мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики. Этот человек мог бы спасти меня.

Действительно, следует сказать, что театр в этом городе переживал кризис — вернее, даже был накануне полного краха. В Стране лжи было немного певцов, но они считали своим долгом петь фальшиво. И вот почему: когда они пели хорошо, публика вопила: «Перестань лаять, собака!» А если пели плохо, зрители кричали: «Браво! Брависсимо! Бис!» Певцы, само собой разумеется, предпочитали, чтобы им кричали «браво», и пели плохо.

Директор театра поспешил оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, по его мнению, доносился голос. Я не буду вам рассказывать, сколько раз ему казалось, что он напал на верный след.

— Наверняка он находится в этом доме, — уговаривал он себя каждый раз, — сомнений быть не может: голос слышится прямо из этого окна на верхнем этаже...

Спустя два часа, полумертвый от усталости и уже почти готовый отказаться от дальнейших поисков, он набрел наконец на подвал, где спал Джельсомино. Можете себе представить его удивление, когда при тусклом свете своей зажигалки он увидел, что необыкновенный голос принадлежал юноше, спавшему на куче угля.

— Если он во сне поет так хорошо, можно себе представить, как он будет петь наяву, — сказал директор театра, потирая руки. — Этот юноша просто клад и сам, по-видимому, не знает этого. Я нашел этот клад, и он поможет мне разбогатеть.

Директор театра разбудил Джельсомино и представился ему:

— Я маэстро Домисоль, и я исходил пешком десять километров, чтобы разыскать тебя. Ты обязательно завтра же

вечером будешь петь в моем театре. А сейчас вставай, пойдем ко мне дом и устроим пробу.

Джельсомино пытался было отка-
заться. Он твердил, что ему ужасно хо-
чется спать, но Домисоль тут же по-
обещал предоставить ему самую удоб-
ную двуспальную кровать. Тогда
Джельсомино сказал, что никогда не
занимался музыкой, но маэстро уверил
его, что с таким голосом совсем необя-
зательно знать ноты.

Голос Джельсомино поспешил вос-
пользоваться подвернувшимся случаем.
«Смелее,— подстрекал он своего
хозяина.— Разве ты не хотел стать
певцом? Соглашайся, возможно, это бу-
дет началом твоего счастья».

Тем временем маэстро Домисоль
положил конец сомнениям Джельсомино,
он схватил его за руку и силой по-
тащил его за собой.

Придя домой, он сел за пианино и,
взял аккорд, приказал Джельсомино:

— Пой!

— Может, лучше открыть окна? —
робко спросил Джельсомино.

— Нет, нет, я не хочу беспокоить
соседей.

— А что мне петь?

— Пой что хочешь. Ну, например,
какую-нибудь песенку из тех, что поют
в твоем селе.

И Джельсомино начал петь одну из

тех песенок, которые пели в его селе. Он старался петь как можно тише и при этом, не отрываясь, смотрел на оконные стекла, которые сильно дрожали и, казалось, с минуты на минуту готовы были разлететься на куски.

Стекла, однако, не вылетели, но зато в начале второго куплета вдребезги разлетелась люстра и в комнате стало темно.

— Замечательно! — воскликнул маэстро Домисоль и зажег свечу. — Изумительно! Сногшибательно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют теноры, и до сих пор ни одному из них не удалось разбить даже чашки от кофейного сервиза.

В конце третьего куплета стекла в окнах, как Джельсомино и опасался, разлетелись на кусочки. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать его.

— Мальчик мой! — кричал он, плача от восторга. — Вот доказательство, что я не ошибся. Ты будешь самым великим певцом всех времен! Толпы поклонников снимут колеса у твоего автомобиля и понесут тебя на руках.

— Но у меня нет автомобиля, — заметил Джельсомино.

— Ты будешь иметь десятки автомобилей! Каждый день у тебя будет новый автомобиль. Благодари небо за то, что на твоем пути встретился маэстро Домисоль. А теперь спой-ка мне еще песенку.

Джельсомино почувствовал некоторое волнение. Еще бы — первый раз в жизни его хвалили за пение. Он не был тщеславным, но похвала вся кому приятна. Он охотно спел еще одну песенку и на этот раз уже не особенно старался сдерживать свой голос. Он взял всего одну или две высокие ноты, но и этого оказалось достаточно, чтобы произошло настоящеестолпотворение.

В соседних домах одно за другим разбивались стекла, люди испуганно высовывались из окон на улицу и кричали:

— Землетрясение! Помогите! Помогите! Спасайся кто может!

С пронзительным воем промчались пожарные машины. Толпы людей устремлялись за город, неся на руках спящих детей и толкая перед собой тележки с домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости.

— Потрясающе! Феноменально! Неслыханно! — Он осы-

пал Джельсомино поцелуями, обвязал ему шею теплым шарфом, чтобы тот не простудил горло, а потом пригласил его в столовую и угостил таким обедом, которого, пожалуй, хватило бы, чтобы накормить по крайней мере десяток бэзработных.

— Кушай, сынок, кушай,— приговаривал он.— Придвинька к себе поближе эту курятину — она помогает лучше брать высокие ноты. А вот эта баранья ножка придает особую бархатистость низким нотам. Кушай! С сегодняшнего дня ты мой гость. Ты будешь жить у меня в самой лучшей комнате, стены я прикажу обить войлоком, так что ты сможешь вволю упражняться и никто тебя не услышит.

Джельсомино все порывался выбежать на улицу, чтобы успокоить испуганных жителей или по крайней мере позвонить по телефону пожарным, чтобы они не носились понапрасну по городу. Но маэстро Домисоль отговорил его.

— Не советую этого делать, сынок. Ведь тебе пришлось бы платить за все разбитые стекла, а у тебя пока нет ни гроша. Я не говорю уже о том, что тебя могут арестовать,

а если ты попадешь в тюрьму, прощай тогда твоя музыкальная карьера.

— А что, если и в театре мой голос наделает бед?
Домисоль рассмеялся.

— Театры для того и созданы, чтобы певцы могли в них петь. Театры могут выдержать не только сильные голоса, но и разрывы бомб. Так что отправляйся спать, а я займусь афишой и отдам ее поскорее печатать.

НАШ ГЕРОЙ ЗАПЕЛ СО СЦЕНЫ — В ТЕАТРЕ РУХНУЛИ ВСЕ СТЕНЫ

Проснувшись на следующее утро, жители города увидели, что на всех углах расклеены афиши следующего содержания:

«СЕГОДНЯ УТРОМ (А НЕ РОВНО В 21 ЧАС) САМЫЙ ЗАХУДАЛЫЙ ТЕНОР ДЖЕЛЬСОМИНО, СОБАКА ИЗ СОБАК, ТОЛЬКО ЧТО ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ПОСЛЕ НЕОДНОКРАТНЫХ ПРОВАЛОВ И ОСВИСТЫВАНИЙ, КОТОРЫМИ НАГРАДИЛИ ЕГО В КРУПНЕЙШИХ ТЕАТРАХ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ, НЕ БУДЕТ ПЕТЬ В ГОРОДСКОМ ТЕАТРЕ.

ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ПРОСЯТ НЕ ПРИХОДИТЬ.
БИЛЕТЫ ВЫДАЮТСЯ БЕСПЛАТНО».

Разумеется, эту афишу нужно было читать шиворот-навыворот, и все жители города поняли, что она означала как раз обратное тому, что в ней было написано. Под словом «провал» нужно было понимать «успех», а выражение «петь не будет» означало, что Джельсомино будет петь именно в 21 час.

Сказать по правде, Джельсомино не очень хотел, чтобы в афише упоминалось об Америке.

— Я ни разу не был в Америке, — протестовал он.
— Вот именно, — возразил ему маэстро Домисоль, — значит, это ложь, и, значит, это как раз к месту. Если бы ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты гастролировал в Азии. Таков закон. Впрочем, забудь о законах, а помни о пении.

То утро, как наши читатели уже знают, было весьма беспокойным (на фасаде королевского дворца была обнаружена знаменитая фраза, написанная Кошкой-хромоножкой). Во второй половине дня в городе вновь воцарилось спокойствие, и задолго до девяти часов вечера театр, как писали

потом газеты, был «безлюден, как пустыня», что означало, что он был набит зрителями.

Все пришли в театр в надежде услышать настоящего певца. Недаром маэстро Домисоль для привлечения в театр публики распустил по городу самые невероятные слухи о Джельсомино.

— Не забудьте захватить с собой побольше ваты, чтобы заткнуть уши,— говорили агенты Домисоль, шныряя по городу.— Этот тенор ужасен, он доставит вам адские муки.

— Представьте себе лай десятка бешеных собак, прибавьте к этому хор сотни котов, которым подожгли хвосты, все это смешайте с воем пожарной сирены и хорошенъко встряхните— вы получите нечто похожее на голос Джельсомино.

— Короче говоря, это чудовище?

— Настоящее чудовище! Ему в болоте квакать с лягушками, а не в театре петь. Его следовало бы заставить петь под водой и не давать ему высовывать голову наружу; пусть тонет, как бешеный кот.

Эти рассказы, как и все рассказы в Стране лжецов, люди понимали наоборот, и поэтому вам понятно, почему театр, как мы уже говорили, задолго до начала концерта был так полон, что и яблоку негде было упасть.

Ровно в девять в королевской ложе появился его величество Джакомон Первый, гордо неся на голове свой оранжевый парик. Все присутствовавшие в театре встали, поклонились ему и снова сели, стараясь на парик не смотреть. Никто не позволил себе сделать даже малейшего намека на утреннее происшествие, ведь все знали, что театр полон шпионов, готовых записать в свои блокноты разговоры неосторожных людей.

Домисоль, с нетерпением ожидавший приезда короля и наблюдавший за королевской ложей через дырку в занавесе, подал Джельсомино знак, чтобы тот приготовился, а сам спустился в оркестр. По мановению его палочки раздались звуки национального гимна, начинавшегося словами:

Слава тебе, наш король Джакомон,
Чувством прекрасного ты наделен!
Пусть покорит красотою весь свет
Неотразимый оранжевый цвет!
Незаменимый, неповторимый,
Непобедимый оранжевый цвет!

Разумеется, никто не посмел рассмеяться; лишь Джакомон, как утверждают некоторые, слегка покраснел от этих слов, но этому трудно поверить, так как на лице Джакомона, стремившегося казаться моложе, в тот вечер как всегда лежал густой слой пудры.

Как только Джельсомино появился на сцене, сразу же по сигналу агентов Домисоля в зале раздался свист и послышались крики:

- Долой Джельсомино!
- Убирайся отсюда, собака!
- Катись в свое болото, лягушка!

Джельсомино терпеливо выслушал эти и другие подобные им выкрики, откашлялся и дождался того момента, когда в зале снова установилась тишина. Затем он начал петь первую песню из своей программы. Пел он, едва разжимая губы, стараясь, чтобы его голос звучал как можно нежнее, так что издалека даже казалось, будто он не раскрывает рта. Это была одна из тех песенок, которые распевали в его родном селении. Простая песенка с немного смешными словами, но Джельсомино пел ее с таким чувством, что вскоре по всему залу замелькали носовые платки — слушатели не успевали вытирая слезы.

Песенка кончалась на очень высокой ноте, и Джельсомино при этом не только не запел громче, но, наоборот, постарался как можно больше приглушить свой голос. Однако это не помогло, и на галерке вдруг раздалось звучное «бабах!» — лопнули десятки лампочек, сделанных из тончайшего стекла. Впрочем, этот шум был заглушен страшным ураганом свиста. Зрители, как один вскочив на ноги, орали во все горло:

- Убирайся вон, шут балаганный!
- Не хотим тебя больше слушать!
- Пой свои серенады котам!

В общем, если бы газеты могли писать правду, мы прошли бы: «Восторг слушателей не знал границ».

Джельсомино раскланялся и начал петь вторую песню. На этот раз, нужно признаться, он немного разошелся. Песня ему нравилась, пение было его страстью, публика слушала его с восхищением, и Джельсомино, забыв о своей обычной осторожности, взял высокую ноту, которая привела в

восторг толпу слушателей, не доставших билеты и стоявших в нескольких километрах от театра.

Он ждал аплодисментов, или, вернее сказать, нового урагана свиста и оскорблений. Вместо этого раздался взрыв смеха, от которого он остался без сил. Казалось, что публика забыла о нем, все повернулись к нему спиной и смеялись, уставившись в одну точку. Джельсомино тоже взглянул в ту сторону, и от увиденного кровь застыла у него в жилах. Звуки второй песни не разбили тяжелых люстр, висевших над партером, случилось гораздо худшее: знаменитый оранжевый парик взлетел на воздух и оголил голову короля Джакомона. Король нервно барабанил пальцами по барьеру своей ложи, стараясь понять причину всеобщего веселья. Бедняга, он не заметил ничего, и никто не смел сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, какая судьба постигла в то утро слишком усердного придворного, лишившегося своего языка.

Домисоль, стоявший спиной к залу, не мог ничего видеть; он подал Джельсомино знак, чтобы тот начинал петь третью песню.

«Если Джакомон так осрамился,— подумал Джельсомино,— нет необходимости, чтобы и меня постигла такая участь. На этот раз я хочу действительно спеть хорошо».

И он запел так прекрасно, с таким вдохновением, запел таким мощным голосом, что с первых же нот весь театр начал постепенно разваливаться. Первыми разбились и рухнули вниз люстры, придавив часть зрителей, не успевших укрыться в безопасное место. Затем обрушился целый ярус лож — как раз тот, в котором находилась королевская ложа, но Джакомон, на свое счастье, уже успел покинуть театр. Дело в том, что он посмотрел на себя в зеркало, чтобы проверить, не надо ли еще припудрить щеки, и с ужасом заметил, что его парик улетел прочь. Говорят, что в тот вечер по приказу короля отрезали языки всем придворным, которые были вместе с

ним в театре, за то, что они не сообщили ему о столь прискорбном факте.

Между тем Джельсомино продолжал петь, и вся публика толпясь, ринулась к выходу. Когда обрушились последний ярус и галерка, в зале остались только Джельсомино и Домисоль. Первый все продолжал петь, закрыв глаза,— он забыл, что находится в театре, забыл о том, что он Джельсомино, и думал лишь об удовольствии, которое ему доставляло пение. У Домисоля же глаза были широко открыты, он видел все и в отчаянии рвал на себе волосы.

— О боже, мой театр! Я разорен, совсем разорен!

Толпа на площади перед театром кричала на этот раз:

— Браво! Браво!

Причем на этот раз «браво» кричали с таким выражением, что стражники короля Джакомона переглядывались друг с другом и перешептывались:

— А ведь ты знаешь, они кричат «браво» потому, что он поет хорошо, а не потому, что им не нравится его пение.

Джельсомино закончил песню высокой нотой, которая перевернула обломки, оставшиеся от театра, и подняла огромное облако пыли. Он увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая своей дирижерской палочкой, пытался пробраться к нему, перелезая через груды кирпича.

«Певца из меня не получилось,— подумал Джельсомино с отчаянием.— Попробую-ка я хоть ноги унести отсюда по-доброму-поздорову».

Через пролом в стене он выбрался на площадь. Там, закрывая лицо рукавом, он смешался с толпой и, добравшись до пустынной улицы, пустился наутек с такой быстротой, что на каждом шагу рисковал сломать себе шею.

Но Домисоль, стараясь не потерять его из виду, бросился за ним вдогонку с криком:

— Стой, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернулся в переулок, вскочил в первый попавшийся подъезд и, задыхаясь, взбежал по лестнице на самый чердак. Там он толкнул дверь и очутился в мастерской Бананито в тот самый момент, когда Кошка-хромоножка прыгнула туда с подоконника.

СИЛА ТАЛАНТА И ПРАВДА НУЖНА, ЧТОБ ОЖИЛ ОБРАЗ, СОЙДЯ С ПОЛОТНА

Бананито так и остался стоять с раскрытым ртом, слушая, как Джельсомино и Кошка-хромоножка наперебой рассказывали друг другу о своих приключениях. Он все еще держал в руке нож, хотя забыл, зачем взял его.

— Что вы намеревались делать ножом? — с беспокойством спросила Кошка-хромоножка.

— Вот как раз об этом я сам себя спрашиваю, — ответил ей Бананито.

Но достаточно ему было окинуть взглядом свою комнату, чтобы снова впасть в самое безнадежное отчаяние. Его картины были столь же плохи и безобразны, как в одной из предыдущих глав нашей книги.

— Я вижу, вы художник, — сказал с уважением Джельсомино, который наконец сумел сделать для себя это открытие.

— Да, я тоже так думал, — с грустью заметил Бананито, — я считал себя художником. Но вижу, что, пожалуй, мне лучше сменить ремесло и выбрать взамен такое занятие, чтобы никогда не возиться больше с кистями и красками. Станука я, например, могильщиком и буду иметь дело только с черным цветом.

— Но и на кладбище растут цветы, — заметил Джельсомино. — На земле ничего нет сплошь черного и только черного.

— А уголь? — спросила Хромоножка.

— Если уголь зажечь, то он горит красным, белым и голубым пламенем.

— А как же чернила? Ведь они черные — и все тут, — не унималась Кошка-хромоножка.

— Но черными чернилами можно описать красочные и затейливые истории.

— Сдаюсь, — сказала тогда Кошка. — Хорошо, что я не спорила на одну лапку, а то осталась бы теперь с двумя.

— Ну что ж, убедили, — вздохнул Бананито. — Поищу себе какое-нибудь другое занятие.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед

портретом человека с тремя носами, который перед этим вызвал удивление Кошки-хромоножки.

— Кто это? — спросил Джельсомино.

— Один очень знатный придворный.

— Счастливец! С тремя-то носами он, должно быть, чувствует в три раза сильнее все запахи мира.

— О, это целая история, — промолвил Бананито. — Когда он поручил мне написать его портрет, то поставил непременное условие, чтобы я нарисовал его обязательно с тремя носами. Мы спорили с ним до бесконечности. Я хотел нарисовать его с одним носом, как и подобает. Потом я предложил ему в крайнем случае сойтись на двух носах. Но он заупрямился. Или три носа, или не надо вовсе никакого портрета. Пришлось согласиться с заказчиком. Видите, что получилось? Какое-то страшилище, которым впору пугать капризных детей.

— А эта лошадь, — спросил Джельсомино, указывая на другую картину в мастерской, — она тоже придворная?

— Лошадь? Разве вы не видите, что на картине изображена корова?

Джельсомино почесал за ухом.

— Может быть. Но мне все же сдается, что это лошадь: Вернее, она скорее бы походила на лошадь, будь у нее четыре ноги. А я насчитал целых тринадцать. Тринадцати ног вполне хватило бы, чтобы нарисовать три лошади, да еще одна нога осталась бы про запас.

— Но у коров тринадцать ног, — заспорил Бананито. — Это известно каждому школьнику.

Джельсомино и Хромоножка, вздохнув, переглянулись и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Если бы это была кошка-врунишка, мы смогли бы научить ее мяукать. А вот как научить уму-разуму несчастного живописца?»

— По-моему, — сказал Джельсомино, — картина стала бы еще красивее, если убрать у лошади несколько ног.

— Еще чего! Вы хотите, чтоб я стал посмешищем для всех, а критики, которые пишут статьи об искусстве, предложили бы упрятать меня в сумасшедший дом? Теперь я вспомнил, зачем мне понадобился нож. Я решил изрезать на мелкие кусочки все свои картины, и ничто меня уже не в силах остановить.

Художник с ножом в руке решительно подошел к картине,

на которой в неописуемом беспорядке красовались тринадцать ног у лошади, именуемой автором коровой. С грозным видом он поднял руку, чтобы нанести первый удар, но остановился, словно передумав.

— Труд стольких месяцев! — вздохнул он. — Как тяжело уничтожать картину собственными руками.

— Вот слова, достойные мудреца, — сказала Хромоножка. — Когда я заведу себе записную книжку, то непременно запишу их туда на память. Но прежде чем изрезать картину на куски, не лучше ли вам прислушаться к доброму совету Джельсомино?

— Ну конечно! — воскликнул Бананито. — Что я теряю? Порезать картину я всегда успею.

И он ловко соскоблил ножом часть краски, пока не исчезли пять из тринадцати ног.

— Мне кажется, что картина стала значительно лучше, — подбадривал художника Джельсомино.

— Тринадцать минус пять будет восемь, — заметила Кошка-хромоножка. — Если бы на картине были изображены две лошади — извините, пожалуйста, я хотела сказать, две коровы, — то восемь ног было бы в самый раз.

— Так что же, стереть еще, пожалуй? — спросил Бананито. И, не дожидаясь ответа, он соскоблил ножом еще пару ног.

— Горячо... горячо!.. — радостно воскликнула Кошка. — Мы почти у цели.

— Ну, как теперь?

— Оставьте пока четыре ноги, а там мы посмотрим, что из всего этого получится.

Когда на картине осталось наконец четыре ноги, в комнате неожиданно послышалось радостное ржание, и в тот же миг с полотна на пол спрыгнула лошадь и прошлась легкой рысью по мастерской.

— Уф, как здорово! Я начинаю себя чувствовать гораздо лучше, чем на картине, где мне было так тесно и неудобно.

Пройдясь перед зеркалом, висевшим в оправе на стене, она оглядела себя с ног до головы и удовлетворенно заржала:

— Какая красивая лошадь! Я действительно выгляжу хорошо! Синьоры, не знаю, как и чем вас отблагодарить. Если

вам представится случай побывать в моих краях, я вас с удовольствием покатаю.

— В каких таких краях? Эй, стой, остановись! — закричал Бананито.

Но лошадь уже была за дверью на лестничной площадке. Посыпался цокот четырех ее копыт, когда она вприпрыжку спускалась с этажа на этаж, и вскоре наши друзья смогли увидеть из окон, как гордое животное пересекло переулок и стремительно удаляется, торопясь поскорее покинуть пределы города.

Бананито покрылся испариной от волнения.

— В конце концов, — произнес он, немного прия в себя, — это действительно была лошадь. Раз она сама себя так назвала, я должен ей верить. Подумать только, что в школе, показывая ее на картинке, меня учили произносить букву «к». Ко-ро-ва!

— Дальше, дальше, — мяукала Кошка-хромоножка, охваченная нетерпением, — перейдем теперь к другой картине.

Бананито подошел к верблюду со множеством горбов. Их было столько, что они напоминали барханы в пустыне. Художник принялся соскабливать эти горбы, и наконец их осталось только два.

— Я вижу, что-то начинает получаться, — говорил он, лихорадочно работая. — Пожалуй, и эта картина вовсе уж не так дурна. Как вы полагаете, она тоже оживет в конце концов?

— Да, если будет достаточно красива и правдива, — сказал ему в ответ Джельсомино.

Но ничего не произошло. Верблюд невозмутимо и равнодушно оставался на холсте, как будто для него ничего не изменилось.

— Хвости! — закричала вдруг Кошка-хромоножка. — У него их три! Хватит на целое верблюжье семейство.

Когда лишние хвости исчезли, верблюд величаво сошел с холста, облегченно вздохнул и бросил благодарный взгляд в сторону Кошки-хромоножки.

— Как хорошо, любезнейшая, что вы напомнили про хвости! Я рисковал навсегда остаться на этом чердаке. Не знаете ли, где тут поблизости располагается пустыня?

— Одна в центре города, — сказал Бананито, — это так называемая городская пустыня. Но в это время она закрыта.

— Мастер имеет в виду городской сад, — объяснила верблюду Кошка-хромоножка. — Настоящие пустыни находятся не ближе, чем за две-три тысячи километров отсюда. Но постарайся не попасться на глаза здешней полиции, иначе тебя упрячут в зоопарк.

Прежде чем уйти, верблюд также посмотрелся в зеркало и нашел, что он красив. Вскоре он легкой рысью пересек переулок. Увидевший его ночной сторож не поверил своим глазам и принял сильную щипательную.

— Видать, старею я, — решил он, когда верблюд скрылся за поворотом, — раз засыпаю во время дежурства и мне снится, будто я в Африке. Нужно быть внимательнее, а то меня уволят.

А Бананито продолжал действовать, и теперь его не остановила бы ни угроза смерти, ни анонимное письмо. Он бросался от одной картины к другой, соскабливая ножом лишние детали и радостно крича:

— Вот это настоящая хирургия. Я за десять минут сделал больше сложных операций, чем профессора в больнице за десять дней.

Картины, когда они очищались от переполнявшей их лжи, становились поистине прекрасными, правдивыми и оживали прямо на глазах. Собаки, овцы, козы прыгали с полотен и шли бродить по свету в поисках счастья или просто мышей, если это были кошки. Бананито изрезал в мелкие клочья только одну картину. Это был портрет придворного, пожелавшего быть нарисованным с тремя носами. Действительно, была немалая опасность того, что, оставшись с одним носом, придворный, пожалуй, тоже сойдет с холста и задаст нагоняй художнику за то, что тот ослушался его приказаний. Джельсомино помог мастеру нарезать из портрета конфетти.

Тем временем Кошка-хромоножка принялась бродить по мастерской взад и вперед, что-то разыскивая. По ее разочарованной мордочке нетрудно было догадаться о постигшей ее неудаче.

— Лошади, верблюды, придворные, — ворчала она себе под нос, — и ни одной корочки сыра. Даже мыши и те стара-

ются держаться подальше от чердака. Никому не нравится запах нищеты, а голод хуже, чем яд.

Шаря в темном углу, она нашла покрытую пылью картину. На оборотной стороне ее обосновалась сороконожка, которая, почуяв опасность, шмыгнула в сторону на всех своих сорока ногах. Их на самом деле было сорок, так что Бананито никого не обидел бы, если б ошибся в счете. Под слоем пыли на картине можно было разглядеть такое, что при очень большом воображении могло сойти за накрытый к обеду стол. Например, на блюде красовалось диковинное животное, которое, пожалуй, могло быть жареной курицей, будь у него только две ножки. Но их было нарисовано столько, что само изображение было сродни сороконожке.

«Вот картина, которую я не пропустил увидеть в жизни такой, как она нарисована, — подумала Хромоножка. — Курица с двадцатью ножками. Какое удобство для семьи, хозяина таверны или голодной, как я, кошки! Но ничего, если даже их останется две, этого будет достаточно, чтобы славно перекусить втроем».

Она поднесла Бананито картину и попросила его пустить в ход свой нож.

— Но ведь курица вареная, — возразил художник, — ее никак нельзя оживить!

— А нам и нужна вареная, а не живая, — ответила Кошка-хромоножка.

На это замечание Бананито не нашел что сказать. К тому же он вспомнил, что, поглощенный своими картинами, не ел со вчерашнего вечера.

Курица не ожила, но все равно отделилась от холста дышащая и такая ароматная, с хрустящей румянной корочкой, как будто ее только что вынули из духовки.

— Как живописец ты, безусловно, еще добьешься успеха, — сказала Хромоножка, жадно впиваясь зубами в крылышко (две куриные лапки она уступила Джельсомино и Бананито), — но как повар ты уже превзошел все мои ожидания.

— Неплохо бы запить куриное жаркое каким-нибудь соком, — заметил Джельсомино, принимаясь за еду. — Но в этот час, вероятно, все магазины закрыты. Впрочем, даже ес-

ли бы они и работали, нам бы от этого легче не стало, ведь денег-то у нас все равно нет.

Тут Кошку-хромоножку осенила блестящая мысль, и она сказала Бананито:

— Почему бы тебе не нарисовать сейчас небольшую бутылку сока или минеральной воды?

— Попробую, — ответил художник в порыве охватившего его вдохновения.

Он нарисовал бутылку шипучего апельсинового сока. Когда он напоследок добавил несколько мазков желтой солнечной краски, сок в бутылке забулькал, зашипел, пенясь, и если бы Джельсомино не схватил вовремя бутылку за горлышко, то сок, бивший с холста сильной струей, залил бы весь пол в мастерской.

Три друга славно поужинали, запивая жаркое апельсиновым соком, и сказали немало добрых слов о живописи, прекрасном пении и кошках. Однако, когда заговорили о кошках, Хромоножка вдруг загрустила. Пришлось долго ее упрашивать, чтобы она поделилась своей печалью.

— Все дело в том, — грустно промолвила она, — что я кошка ненастоящая, вроде тех животных, которые полчаса назад были на картинах. У меня только три лапы. И я даже не могу сказать, что четвертую я потеряла на войне или мне ее отрезало трамваем. Это была бы ложь. Вот если бы Бананито...

Этих слов было достаточно. Художник тут же взялся за кисть и в один миг нарисовал кошачью лапу, которая прислалась бы по вкусу даже Коту в сапогах. И что самое замечательное, лапа сразу же приросла к нужному месту, и Кошка-хромоножка вначале робко, а потом все более уверенно принялась ходить по комнате.

— Ах, как прекрасно! — мяукала она. — Я себя чувствую заново рожденной и настолько изменилась, что хотела бы даже переменить имя.

— Ну и голова! — воскликнул, однако, Бананито, стукнув себя по лбу. — Я тебе нарисовал лапу масляными красками, а ведь остальные у тебя нарисованы мелом.

— Ничего страшного не произошло, — сказала Кошка-хромоножка, — пусть остается как есть. И горе тому, кто тронет мою новую лапу. Я сохраню также и свое старое имя. Ес-

ли вдуматься хорошенько, оно мне очень подходит. Ведь от писания на стенах правая передняя лапа стерлась у меня по крайней мере на полсантиметра.

На ночь Бананито решил во что бы то ни стало уступить свою кровать Джельсомино, а сам улегся на полу на куче старых холстов. Кошка-хромоножка удобно устроилась в кармане пальто художника, висевшего у двери, и видела сны один слыша другого.

КУПИВ ГАЗЕТУ «ОБРАЗЦОВЫЙ ЛЖЕЦ», ХРОМОНОЖКА РАССТРОИЛАСЬ ВКОНЕЦ

Рано утром, вооружившись кистью, красками, холстом и вдохновением, Бананито вышел из дома. Ему не терпелось показать горожанам свое мастерство. Джельсомино еще спал, и Кошка-хромоножка вышла проводить художника и по дороге дала ему несколько дельных советов...

— Рисуй цветы и продавай их. Я уверена, что ты вернешься домой с ворохом фальшивых денег, которые столь необходимы в этой необычной стране. Но рисуй такие цветы, которые еще не распустились в эту пору, потому что уже распустившиеся цветы продаются на лотках у цветочниц. И вот еще один совет: не вздумай рисовать мышей, иначе перепугаешь насмерть всех женщин в городе. Меня, правда, мыши вполне устраивают.

Расставшись с художником, Хромоножка купила газету, думая, что Джельсомино будет приятно узнать мнение журналистов о его концерте. Газета называлась «Образцовый лжец» и, разумеется, вся была полна лживых сообщений или фактов, пересказанных шиворот-навыворот.

Там, например, была заметка, озаглавленная «Крупная победа бегуна Персикетти». Вот текст этого странного сообщения:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти победил вчера на девятом этапе в беге вокруг королевства, опередив на двадцать минут Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать минут пятнадцать секунд Пьеро Клементини, оказавшегося третьим. В группе бегунов, прибывших через час после победителя, перед самым финишем вырвался вперед Паскуаллино Бальзимелли».

«Что же здесь странного? — спросите вы.— Бег в мешках — это такое же спортивное состязание, как и всякое другое. На него даже интереснее смотреть, чем на мотоциклетные или автомобильные гонки». Согласен. Но читатели газеты «Образцовый лжец» отлично знали, что никакого бега в мешках никогда и не происходило. А Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини, Паскуаллино Бальзимелли да и вся группа бегунов никогда в жизни не влезала в мешки, и им даже не снилось обгонять друг друга или перед самым финишем вырываться вперед.

Вот как на самом деле все обстояло. Ежегодно газета устраивала бег в мешках по этапам, в которых никто никогда не принимал участия. Некоторые честолюбивые граждане, желая увидеть собственное имя на газетной полосе, платили за свое участие в беге и каждый день вносили определенную сумму денег, чтобы считаться победителем. Кто вносил больше, тот и провозглашался очередным чемпионом. Газета при этом не скупилась на слова, прославляя чемпиона, и называла его то «истинным героем», то «бегуном высшего класса». Победа

находилась в прямой зависимости от поступления денежных взносов. В те же дни, когда поступления были скучными, газета в отместку писала, что команда дремала в пути, а первоклассные бегуны и рядовые спортсмены бездельничали. Позор таким. И чемпионам Персикетти и Барони придется принадечь на следующем этапе, если они дорожат своей честью и расположением зрителей.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерских фабрик, и его имя, напечатанное в газете, служило хорошей рекламой для пирожных, производимых его кондитерами. Поскольку он был очень богат, то почти всегда обгонял других и приходил первым. На финише его «целовали и воздавали ему почести», а по ночам болельщики исполняли серенады под окнами его дома. Так, во всяком случае, писала газета. И нет нужды говорить о том, что ретивые болельщики, которые были неспособны играть даже на барабане, преспокойно похрапывали в своих постелях.

На той же странице Кошка-хромоножка прочла еще один заголовок: «Не произошло никакой катастрофы на улице Корнелия. Пять человек вовсе не погибли, а десять других не получили ни малейшего ранения». В заметке говорилось:

«Вчера на десятом километре улицы Корнелия два автомобиля, шедших на большой скорости в разном направлении, вовсе не столкнулись. В несостоявшемся столкновении не погибло пять человек (следуют имена). Другие десять человек не получили ранений, и поэтому не было никакой надобности помещать их в больницу (следуют имена)».

К сожалению, это был не вымысел, а сообщение шиворот-навыворот, в котором с точностью передавалось как раз обратное тому, что произошло в действительности. Таким же способом сообщалось и о концерте Джельсомино. В заметке, например, писалось, что «известный тенор молчал от первой до последней минуты своего концерта». В газете была также помещена фотография разрушенного театра, под которой было написано: «Как всякий читатель может видеть своими ушами, с театром не произошло решительно ничего».

Джельсомино и Кошка-хромоножка вдоволь позабавились, читая газету «Образцовый лжец». В ней была и лите-

ратурная страница, на которой было напечатано такое стихотворение:

Как-то повар из Вероны
Поболтать решил с вороной:
«Ах, какая благодать —
Полный рот камней набрать,
И как здорово потом
Зубы чистить молотком!»

— Здесь не сказано, что ответила ворона, — заметила Хромоножка. — Но я представляю: ее карканье, наверно, было слышно от Апеннина до самых Анд.

На последней странице, в самом низу, была опубликована короткая заметка под таким заголовком: «Опровержение». Джельсомино прочел вслух:

«Самым решительным образом опровергается тот факт, будто бы сегодня в три часа ночи полиция арестовала в Колодезном пе-реулке синьору тетушку Кукурузу и ее племянницу Ромолетту. Ра-зумеется, они не были помещены около пяти часов утра в сумас-шедший дом, как этого кое-кому хотелось бы.»

Подпись: «Начальник полиции».

— Начальник лжецов! — гневно воскликнула Кошка-хромоножка. — Это значит, что бедняжки действительно сидят за решеткой вместе с сумасшедшими. Я почти уверена, что все это произошло по моей вине.

— Посмотри-ка, — прервал ее Джельсомино, — читай дальше. Еще одно опровержение.

Теперь уже речь шла о самом Джельсомино:

«Совершенно не соответствует действительности то, что полиция якобы разыскивает известного тенора Джельсомино. Для этого нет никаких причин, потому что Джельсомино совсем не обязан отвечать за ущерб, который не был нанесен им городскому театру. Поэтому кто бы ни узнал, где скрывается Джельсомино, пусть не заявляет об этом полиции, иначе он получит строгий нагоняй».

— Дело осложняется, — заметила Хромоножка. — Тебе лучше сидеть дома, а я пойду и узнаю новости.

Джельсомино не хотелось сидеть сложа руки, но ему все же пришлось согласиться, что Кошка-хромоножка была права. Отпустив ее, он улегся на кровать и, набравшись терпения, приготовился провести бездельничая весь день.

ЕСТЬ ЗАКОН В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ: КТО НЕ ВРЕТ, ТОТ НЕЗДОРОВ

Мы расстались с тетушкой Кукурузой как раз в тот момент, когда, стоя в дверях, она слушала первое мяуканье своих котят. При этом она чувствовала себя поистине счастливой, как музыкант, нашедший неизданную симфонию Бетховена, пролежавшую много лет в ящике стола. С Ромолеттой мы рас прощались, когда она побежала домой, показав Кошке-хромоножке, как пройти на чердак к художнику Бананито. А через некоторое время тетушка и племянница уже спокойно спали в своих постелях, не подозревая, что письма Калимера привели в движение всю полицейскую машину. В три часа ночи несколько винтиков грозного механизма в лице взвода жандармов без лишних слов ворвались в дом, заставили старушку и девочку наспех одеться и отвезли их в тюрьму.

Старший жандарм, передав арестованных начальнику тюрьмы, хотел было снова отправиться спать, но не учел того, что его коллега был крючкотвором и формалистом.

— В чем провинились эти двое?

— Старуха учила собак мяукать, а девчонка писала на стенах. Это две опасные преступницы. На твоем месте я посадил бы их в подземелье и поставил усиленную стражу.

— Сам знаю, что мне надо делать, — буркнул начальник тюрьмы. — Ну а теперь послушаем, что они нам скажут.

Первой допрашивали тетушку Кукурузу. Арест не испугал ее. Теперь, когда семья котят снова обрели способность мяукать, как им и подобает, ничто не могло омрачить ее радужного настроения. Поэтому она с достоинством и спокойно отвечала на все вопросы.

— Нет, это были не собаки, а кошки.

— В протоколе записано, что это были собаки.

— Да уверяю вас, что это были обычные кошки, что ловят мышей!

— Но ведь именно собаки ловят мышей.

— О что вы, сударь! И мяукают только кошки. Мои кошки лаяли, как, впрочем, все остальные кошки в нашем городе. Но вчера вечером, к счастью, они впервые замяукали.

— Да эта женщина сумасшедшая! — сказал начальник

тюрьмы. — Ее место в доме умалищенных. Короче говоря, сударыня, что вы нам тут сказки рассказываете?

— Я вам говорю правду, и только правду.

— Ну тогда с вами все ясно! — воскликнул начальник тюрьмы. — Она просто буйно помешанная. Я не могу принять ее — это тюрьма для нормальных людей. Умалищенных нужно отправлять в сумасшедший дом.

И, несмотря на протесты начальника жандармов, который видел, как рушатся его надежды хорошенько выспаться, начальник тюрьмы препоручил ему тетушку Кукурузу и все ее дело. Потом он приступил к допросу Ромолетты.

— Это ты писала на стенах?

— Да, истинная правда, писала.

— Слышал? — воскликнул начальник тюрьмы. — И она не в себе. Послать в сумасшедший дом. Забирай-ка и девчонку. Оставь меня в покое. Мне некогда возиться с сумасшедшими.

Позеленев от злости, начальник жандармов посадил двух арестованных обратно в машину и отвез в сумасшедший дом, где их сразу приняли и поместили в большую палату с другими ненормальными людьми, то есть с теми, которых полиция арестовала только за то, что они говорили правду.

Однако на этом события той ночи не закончились. И действительно, знаете, кто ожидал начальника жандармов, когда наконец тот вернулся в свой кабинет? Калимер Вексель, со шляпою в руке и самой гадкой улыбкой на лице.

— А вам что нужно?

— Ваше превосходительство, — пролепетал Калимер, кланяясь и заискивающе улыбаясь, — я пришел, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров. Вознаграждение причитается мне, потому что благодаря моим заслугам арестованы враги нашего государя.

— Так, значит, это вы писали письма, — сказал задумчиво начальник жандармов. — Но правда ли все то, что вы там описали?

— Ваше превосходительство, — воскликнул Калимер, — клянусь, чистейшая правда!

— А-а! — воскликнул в свою очередь начальник жандармов, и лицо его озарилось коварной улыбкой. — Он утвержда-

ет, что говорит правду, и даже клянется. Так вот, дружок, я уже и раньше чувствовал, что вы не в своем уме. Но сейчас вы мне это сами доказали. Марш в сумасшедший дом!

— Ваше превосходительство, смилийтесь! — завопил Калимер и, бросив свою шляпу на землю, стал с осторожностью топтать ее ногами. — Неужели вы проявите ко мне такую несправедливость? Я истинный друг лжи, о чем подробно писал и в своем письме.

— Разве правда, что вы друг лжи?

— Правда! Сущая правда! Клянусь вам!

— Вот вы и снова попались, — торжествующе сказал начальник жандармов. — Уже дважды вы поклялись мне, что говорите правду. Хватит разговоров! В сумасшедшем доме у вас будет предостаточно времени, чтобы успокоиться и прийти в себя. А пока вы явно буйно помешанный, и, если вас оставить на свободе, это будет серьезной угрозой для общественного порядка.

— Вы хотите присвоить причитающееся мне законное вознаграждение! — вопил Калимер, вырываясь из рук жандармов.

— Слышите? Не иначе как у него начался приступ. Найдените на него смирительную рубашку и заткните ему кляпом рот. Что же касается вознаграждения, то даю слово, что вам не достанется ни гроша, покуда у меня будут карманы, чтобы надежно хранить эти деньги.

Так Калимер тоже попал в сумасшедший дом, где его заперли в одиночную палату, обитую войлоком.

Начальник жандармов совсем было собрался отправиться на боковую, но в это время из разных концов города начали раздаваться тревожные звонки:

— Алло, полиция? Здесь у нас неподалеку какая-то собака мяукает. Возможно, она бешеная. Пришлите кого-нибудь.

— Алло, полиция? Чем занимаются у нас собачники? Около нашего подъезда какая-то собака уже с полчаса мяукает. Если ее не уберут в ближайшее время, то завтра утром никто не выйдет из дома, боясь быть укушенным.

Начальник жандармов тотчас распорядился созвать всех собачников, разбил их на отряды, приставил к ним лучших

жандармов и разослал по всему городу на поиски «мяукающих собак». Иначе говоря, как читатель уже, наверное, понял, был отдан приказ изловить семь котят тетушки Кукурузы.

Не прошло и получаса, как был пойман самый маленький котенок. Он так увлекся собственным мяуканьем, что не заметил, как его окружили. Увидев вокруг себя столько народа, он наивно решил, что все собрались его поздравить, и замяукал с еще большим старанием. Один из собачников приблизился к нему с дружеской улыбкой, погладил несколько раз по спинке, а потом решительно схватил за шиворот и опустил в свой мешок.

Второй из семи котят был схвачен в то время, когда, вскарабкавшись на седло конной статуи, мяукал, обращаясь с речью к небольшой группе котов. Коты слушали его с мрачным и недоверчивым видом, а когда увидели, что оратор пойман, разразились ужасным лаем.

Третьего котенка обнаружили, когда тот сцепился с одной собакой.

— Ну что ты все мяукаешь, глупая? — спросил котенок.

— А что же, по-твоему, должна я делать? Я кошка, вот и мяукаю, — пояснила собака.

— Я вижу, ты окончательно лишилась ума. Неужто ты ни разу не видела себя в зеркале? Ты собака и должна лаять. А я кот, и мне полагается мяукать. Вот послушай! Мяу, мяу, мяу-у!

В общем, дело кончилось ссорой, и собачники недолго думая схватили обоих, но потом собаку отпустили, так как она имела полное право мяукать.

Затем изловили четвертого, пятого и шестого котенка.

— Ну, теперь остался всего-навсего один пес, — говорили друг другу собачники и жандармы, чтоб как-то себя утешить и побороть усталость.

Каково же было их удивление, когда после долгих поисков они наткнулись не на одного, а на целых двух мяукающих котов!

— Их стало больше, — заметил один из жандармов.

— Наверное, это очень заразная болезнь, — добавил собачник.

Один из двух пойманных котов был седьмым котенком из семейства тетушки Кукурузы, другой же оказался всего-навсего тем Барбосом, которого мы с вами уже встречали в одной из первых глав. Он, поразмыслив как следует, пришел к выводу, что Кошка-хромоножка, пожалуй, была до некоторой степени права, когда посоветовала ему мяукать. Он попробовал последовать ее совету, а потом, даже вопреки своему желанию, не мог уже больше лаять.

Барбос, не сопротивляясь, дал себя поймать. Седьмой же котенок, самый старший из всей компании, был настолько ловок и увертлив, что успел вскарабкаться на дерево и, сидя там, довольно долго развлекался, мяукая лучшие арии кошачьего репертуара и приводя этим в бешенство своих преследователей.

Послушать этот необычный концерт собралась большая толпа, и, как это обычно бывает, зрители разделились на два лагеря. Одни — благонамеренные граждане — подстрека-

ли жандармов, призывая их положить конец безобразию. Другие — шутники, а может быть, и не только шутники — «болели» за кота и подбадривали его, крича:

— Мяу, мяу!

Собрались на это зрешище в большом количестве и коты, которые принялись лаять на смельчака отчасти из зависти, отчасти по злобе. Время от времени некоторые из них, поддавшись заразе, тоже начинали мяукать. Собачники сразу же набрасывались на них и засовывали их в свои мешки.

Пришлось вызвать пожарников и поджечь дерево, чтобы вынудить слезть упрямого кота, продолжавшего мяукать. Таким образом, толпа смогла насладиться также зрешищем небольшого пожара, и все довольные разошлись по домам.

Мяукающих котов, отловленных этой ночью, оказалось штук двадцать. Всех их отвезли в сумасшедший дом, так как по-своему они говорили правду, а следовательно, были не-нормальными котами. Директор сумасшедшего дома не знал, куда поместить эту мяукающую ораву. После некоторого раздумья он велел отправить всех в палату к Калимеру Векселю. Можете себе представить, как был доволен шпион этой компанией, напоминавшей ему о причине его злоключений! Не прошло и двух часов, как он и вправду сошел с ума и начался мяукать и мурлыкать, как его шумные соседи по палате, и, когда неосторожная мышь попробовала перебежать из одного угла в другой, он первым набросился на нее. Но мыш успела ускользнуть в дырку, оставив часть своего хвоста в зубах у Калимера.

Кошка-хромоножка собрала все эти сведения и уже возвращалась домой, чтобы сообщить их поскорее Джельсомино, когда услышала, как хорошо знакомый ей тенор вдруг запел одну из тех знаменитых песенок, что часто распевали в его родном селении и принесли ему столько горестей.

«На этот раз, — подумала Хромоножка, — я могу спорить на все четыре свои лапы, считая новую, что Джельсомино заснул и видит сон. Если я не потороплюсь, то полиция опередит меня».

Возле дома она увидела большую толпу слушателей. Никто не двигался с места, и все внимали голосу певца как завороженные. И даже когда в соседних домах начали вылетать

стекла, никто не протестовал. Казалось, что чудесное пение околдовало всех. Кошка-хромоножка заметила в толпе и двух молодых жандармов, у которых на лице было написано восхищение, как и у всех остальных слушателей. Вам уже известно, что жандармам был отдан приказ арестовать Джельсомино, но эти двое как будто и не имели такого намерения. К сожалению, в это время к дому подошел целый отряд полицейских. Их начальник хлыстом прокладывал себе дорогу в толпе: он, по-видимому, был туговат на ухо, и пение Джельсомино не трогало его.

Кошка-хромоножка бегом поднялась по лестнице и молнией влетела на чердак.

— Проснись! Скорее вставай! — кричала она и принялась хвостом щекотать нос Джельсомино. — Концерт окончен! Нагрянула полиция!

Джельсомино открыл глаза, сильно потер их кулаком и, еще не совсем проснувшись, спросил:

— Где я?

— Если мы сейчас же не удерем отсюда, могу предсказать тебе, куда ты скоро угодишь, — в каталажку.

— Неужели я снова пел во сне?

— Бежим отсюда по крышам!

— Ты рассуждаешь, как кошка. Я не привык прыгать по черепицам.

— Ты будешь держаться за мой хвост.

— А куда же мы пойдем?

— Во всяком случае, как можно дальше отсюда. И уж куда-нибудь мы придем наверняка.

Кошка-хромоножка первой выскочила через чердачное окно на крышу, и Джельсомино ничего не оставалось, как, зажмурившись, чтобы не кружилась голова, последовать за ней.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БЕНВЕНУТО — НЕ СИДЯЩИМ НИ МИНУТЫ

К счастью, в этом районе города дома теснились друг к другу, как сельди в бочке, и Джельсомино, подбадриваемый Кошкой-хромоножкой, без труда перепрыгивал с одной крыши на другую. Самой Хромоножке очень хотелось бы, чтобы расстояние между крышами соседних домов было бы чуточку пошире, — вот тогда она смогла бы всласть напрыгаться. Но вдруг на одной из крыш Джельсомино поскользнулся и съехал по ее скату на маленький балкон, где какой-то старичок поливал цветы.

— Простите меня, пожалуйста! — воскликнул Джельсомино, потирая ушибленное колено. — Я совсем не собирался попасть к вам таким неожиданным способом.

— Прошу вас, не извиняйтесь, — вежливо ответил старичок. — Я счастлив, что вы навестили меня. Скажите лучше, не ушиблись ли вы? Надеюсь, все у вас в целости?

Кошка-хромоножка свесилась с крыши и промяукала:

— Разрешите и мне войти?

— О, еще один посетитель! — сказал обрадованный старичок. — Заходите! Сделайте милость, я буду рад гостям.

С каждой минутой коленка Джельсомино распухала все больше и больше.

— Мне ужасно жаль, — продолжал старичок, — что в моем доме нет ни одного стула, чтобы вы смогли присесть.

— Тогда положим его на кровать, — предложила Кошка-хромоножка, — если вы, конечно, не возражаете.

— Беда в том, — сказал хозяин дома с огорчением, — что у меня и кровати нет. Пойду попрошу у соседа кресло.

— Нет, нет, — поспешно сказал Джельсомино, — я могу посидеть и на полу.

— Заходите в комнату, — предложил старичок, — и располагайтесь поудобнее на полу, а я сварю вам вкусный кофе.

Комната была небольшая, но опрятная, с красивой полированной мебелью. Здесь стояли стол, буфет, шкаф, а стульев и кровати не было и в помине.

— Неужели вам приходится все время быть на ногах? — спросила Кошка-хромоножка.

— Да, поневоле, — ответил старичок.

— И вы никогда не спите?

— Иногда сплю стоя, но очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Джельсомино и Хромоножка переглянулись.

— Вот еще один мастер рассказывать небылицы.

— Извините меня за любопытство, а сколько вам лет? — снова спросила Кошка-хромоножка.

— Точно не скажу. Я родился десять лет назад, но сейчас мне примерно семьдесят пять или семьдесят шесть лет.

По выражению лиц своих гостей хозяин дома, видимо, понял, что они никак не могли поверить этому. Вздохнув, он продолжал:

— Это не ложь. К сожалению, невероятная, но правдивая история. Если хотите, я расскажу вам ее, пока кофе для вас готовится.

— Мое имя, — начал он, — Бенвенуто. Но обычно все меня зовут «Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты...»

Итак, Бенвенуто родился в семье старьевщика. Такого резвого и подвижного ребенка еще никому не доводилось видеть. Действительно, не успели еще новорожденному придумать имени, а он уже выпрыгнул из пеленок и начал скакать по всему дому. Родители с трудом утихомирили его и уложили спать, но наутро оказалось, что кроватка стала мала для младенца и ноги торчат наружу.

— Видно, он торопится вырасти, чтобы скорее стать помощником в семье, — сказал его отец.

По вечерам, когда ребенка укладывали спать, все было в порядке. Но на следующий день ботинки оказывались малы и жали, а рубашка и вовсе не налезала.

— Ничего, — говорила его мать, — к счастью, в доме

старьевщика чего другого, а уж тряпки всегда найдутся. Вот из них я и сошью ему новую рубашку.

Прошла неделя, и Бенвенуто вырос настолько, что соседки начали поговаривать: не пора ли отдать его в школу?

Жена старьевщика отвела сына к учителю, который, выслушав ее просьбу, не на шутку рассердился:

— Почему вы не удосужились привести его в начале учебного года? Скоро летние каникулы, как же я могу принять вашего сына?

Когда мать объяснила, что Бенвенуто всего семь дней от рождения, учитель рассердился еще пуще:

— Семь дней? Это вам не детские ясли! Приходите-ка через шесть лет, и тогда мы сможем поговорить с вами серьезно.

Однако в конце концов он оторвался от классного журнала и увидел, что Бенвенуто был выше ростом, чем все его ученики. Он усадил новичка за последнюю парту и начал ему объяснять, что дважды два — четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили со своих мест и выстроились в ряд, чтобы выйти из класса. Один только Бенвенуто не двигался с места.

— Бенвенуто, — окликнул его учитель, — становись и ты в ряд!

— Не могу, господин учитель.

И правда, за время, проведенное впервые в жизни за школьной партой, он настолько вырос, что оказался как бы прикованным к месту. Пришлось позвать школьного сторожа, чтобы тот помог освободить пленника.

На следующее утро его посадили за парту побольше, но в полдень Бенвенуто снова не смог встать, потому что и новая парта оказалась ему мала. Он был похож на мышь, попавшую в мышеловку.

Пришлось на сей раз звать плотника, чтобы тот разобрал парту.

— Придется завтра взять парту из пятого класса, — сказал учитель, почесывая затылок.

И он приказал принести в класс одну из самых больших парт во всей школе.

— Ну а теперь как?

— Очень удобно, — радостно ответил Бенвенуто.

Как бы желая доказать учителю, что ему действительно удобно, он то вставал, то снова садился за новую парту.

Но когда в полдень прозвенел звонок, и эта парта оказалась настолько мала, что снова не обошлось без плотника.

Директор школы и мэр города начали протестовать:

— Что же такое у вас творится, господин учитель? Может быть, вы разучились поддерживать дисциплину в классе? В этом году у вас парты ломаются, как щепки. Вам нужно быть построже с вашими сорванцами, ведь мы не можем каждый день покупать новые парты.

Старьевщику пришлось отвести сына к известному в городе врачу и рассказать ему, как обстояло дело.

— Ну что же, посмотрим, — сказал врач, нацепив очки, чтобы лучше разглядеть необычного пациента.

Он измерил Бенвенуто вдоль и поперек.

— А теперь садись, — приказал он.

Бенвенуто сел на стул, а доктор, подождав минуту, вновь приказал ему:

— Вставай!

Бенвенуто поднялся со стула, и доктор снова измерил его рост и объем груди.

— Гм, — заметил он, протирая очки платком, чтобы удостовериться, что стекла чистые и не мешают зрению, — присядь-ка снова.

Он несколько раз заставлял Бенвенуто вставать и садиться и наконец сказал в заключение:

— Случай очень интересный. У этого мальчика новая болезнь, которая до сих пор не встречалась в медицинской практике. Заключается она в следующем: когда мальчик сидит, он катастрофически быстро стареет — для него минута, проведенная сидя, равняется целому прожитому дню. Как лечить этот странный недуг? Мальчик должен быть всегда на ногах, иначе за несколько дней он превратится в старичка с седой бородой.

После заключения врача жизнь Бенвенуто в корне изменилась. В школе для него смастерили специальную парту — без сиденья, чтобы у него не было соблазна присесть. Дома ему теперь приходилось есть стоя. Достаточно ему было присесть у печки, как тут же раздавались удивленные голоса:

— Ты что, решил состариться раньше времени?

— Вставай, вставай, если не хочешь, чтобы у тебя поседели волосы!

«Но спал-то он на кровати?» — спросите вы. Ни о какой кровати он и помышлять не мог, если не хотел проснуться наутро с седой бородой. Бенвенуто пришлось научиться спать стоя, как лошадь. Вот почему кумушки прозвали его «Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты», и это прозвище осталось за ним на всю жизнь. В один печальный для семьи день отец-старьевщик тяжело заболел и был при смерти.

— Бенвенуто, — сказал он сыну перед тем, как навсегда закрыть глаза, — теперь тебе придется помогать матери. Она старая и не может работать. Займись каким-нибудь честным трудом и старайся делать любое дело с удовольствием. Работая, ты сохранишь свою молодость, так как тебе никогда будет даже присесть.

На следующий день после похорон отца Бенвенуто отправился на поиски работы, но повсюду его поднимали на смех:

— Работу для тебя, сынок? Ты что же думаешь, мы здесь развлекаемся или в бирюльки играем? Ты еще не дорос, чтобы работать на фабрике.

— Ты хочешь у нас работать? Да нас оштрафуют, если мы примем тебя на работу — труд малолетних запрещен.

Бенвенуто не стал ни с кем спорить и продолжал упорно обдумывать свое положение. Ему не терпелось поскорее заняться каким-нибудь полезным делом.

После тщетных поисков он вернулся домой, сел перед зеркалом и стал ждать.

— Доктор говорил, если я буду сидеть, то быстро состарюсь. Посмотрим, насколько он прав...

Через несколько минут он заметил, что стал расти — ботинки становились тесными. Он вынужден был разуться и принял разглядывать свои ноги, которые удлинялись прямо на глазах. Потом он снова взглянул в зеркало и понапацу очень удивился.

— Интересно, кто этот черноусый юноша, в упор смотрящий на меня? Сдается мне, что я знаю его и уже где-то видел это лицо... — Наконец он догадался и весело рассмеялся своему отражению: — Да ведь это я сам! Как же я быстро

повзросел! Ну а теперь пора вставать на ноги. Стареть мне никак не хочется.

Можете себе представить, как изумилась его мать, увидев перед собой высокого широкоплечего юношу с усами, как у бравого жандарма, да вдобавок говорящего басом.

— Бенвенуто, сынок, как ты изменился и вырос!

— Все к лучшему, мама. Вот увидите, теперь-то я смогу найти себе работу.

Но он не стал ее долго искать, а вытащил из сарая отцовскую тележку и пошел с нею бродить по улицам города, крича нараспев:

— Старье берем, старье берем!

Услышав его звучный голос, из окон и дверей выглянули соседские кумушки.

— Какой красивый и статный юноша! Откуда вы? — спрашивали они наперебой.

— Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты! Неужели это вы?

— Я, тетушки. Можете не сомневаться. Нечаянно я заснул, сидя на стуле, и проснулся уже с усами.

Так Бенвенуто начал работать. Все любили его. Да он и не мог не нравиться — всегда на ногах, постоянно в движении, каждую минуту готовый помочь другим и неизменно занятый каким-нибудь делом. Однажды его даже хотели избрать мэром города.

— Нам нужен именно такой человек, как ты, который не очень-то засиживался бы в своем кресле...

Но Бенвенуто отказался от столь лестного предложения.

Через несколько лет умерла его мать.

«Теперь я остался один-одинешенек, — подумал Бенвенуто. — Сидеть без дела я все равно не могу, иначе быстро постарею. Пойду-ка я лучше поброджу да посмотрю, что нового на свете».

Сказано — сделано. Взял он тележку со всяким тряпьем и пошел бродить по свету. Он мог идти без устали днями и ночами — поэтому много видел и беседовал с самыми разными людьми.

— Какой он приятный и учтивый юноша! — часто говорили о Бенвенуто и предлагали ему: — Присядьте с нами на минутку, поговорим немного.

— Говорить можно и стоя, — обычно отвечал Бенвенуто.

Так он ходил-бродил повсюду и продолжал оставаться молодым и сильным. Как-то, проходя мимо одной лачуги, он стал свидетелем зрелища, от которого у него сжалось сердце, — в постели лежала больная женщина, а рядом на полу сидела куча ребятишек, плакавших навзрыд один громче другого.

— Молодой человек! — позвала его женщина. — Если вы не очень торопитесь, зайдите сюда на минутку. Я не могу сдвинуться с места, чтобы успокоить ребятишек, а каждая их слеза для меня — нож острый.

Бенвенуто вошел в убогое жилище, взял на руки одного из ревущих малышей и, расхаживая с ним взад и вперед по комнате, убаюкал его. Таким же способом он успокоил и остальных. Только самый маленький никак не умолкал и продолжал громко плакать.

— Присядьте на минутку, — попросила его больная женщина, — и подержите его немного на руках. Он привык засыпать, когда его укачивают сидя.

Бенвенуто подошел к печке и сел на стоящую около нее скамейку; и ребенок сразу же перестал плакать. Это был на редкость красивый малыш; когда он улыбался, бедная лачуга как бы преображалась. А улыбался он потому, что Бенвенуто старался всячески его успокоить и развеселить. Потом он спел малышу песенку, и ребенок в конце концов заснул.

— Благодарю вас от всего сердца, — сказала женщина. — Если бы не вы, я готова была умереть от отчаяния.

— Прошу вас, не говорите так даже в шутку, — ответил Бенвенуто.

Уходя, он случайно посмотрел в зеркало, висевшее на стене, и увидел, что у него появились седые волосы.

«Ведь я совсем забыл, что, когда сижу, быстро старею», — подумал Бенвенуто. Но тут же расправил плечи, взглянул в последний раз на спящих детей и пошел дальше своей дорогой.

В другой раз, проходя ночью по улице небольшого селе-

ния, он заметил свет в одном окошке. В комнате за прялкой сидела девочка. Работая, она горько вздыхала.

— Что с тобой? — спросил ее Бенвенуто, войдя в дом.

— Да вот уже три ночи кряду, как я не сплю. Мне нужно кончить работу к завтрашнему дню. Если я не успею ее доделать, мне не заплатят ни гроша и моей семье придется голодать. К тому же у меня отберут тогда прялку. Я бы сейчас, кажется, все на свете отдала, лишь бы поспать хоть полчасика.

«Полчаса — это всего тридцать минут,— подумал Бенвенуто,— пожалуй, тридцать минут и я мог бы поработать за девочку».

— Послушай,— сказал он,— ложись-ка спать, а я заменю тебя. Мне очень хочется попробовать посидеть за этой прялкой. Она такая красивая и так славно работает. А через полчасика я тебя разбуджу.

Девочка прилегла на лавку и сразу же уснула, свернувшись клубочком, как котенок. Бенвенуто сел за прялку, да так и не решился разбудить девочку. Каждый раз, когда он глядел на спящую, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

И вот наступил рассвет, взошло солнце и разбудило девочку.

— Боже мой, я проспала всю ночь, а вы за меня работали!

— Ничего, ничего, мне было очень интересно, да и работа спорилась,— старался успокоить ее Бенвенуто.

— Да у вас же вся голова побелела, словно от пыли!

«Как знать, на сколько лет я постарел за эту ночь?» — подумал Бенвенуто. Но он не испытал при этом никакого огорчения, так как успел кончить работу, порученную девочке, лицо которой теперь так и сияло от радости.

Однажды на своем пути Бенвенуто повстречал несчастного старика, которому пришло время умирать.

— Какая жалость,— говорил, вздыхая, старик,— и какая несправедливость, что придется умереть, так ни с кем и не сыграв напоследок партию в шахматы. Все мои друзья уже отправились на тот свет.

— Ну, если дело только в этом,— сказал Бенвенуто,— в шахматы играть умею и я.

Они приступили к игре. Бенвенуто начал было делать первые ходы стоя, но старик упрекнул его:

— Ты вот стоишь и мешаешь мне обдумать верный ход. Видно, ты обязательно хочешь выиграть и пользуешься тем, что я больной и несчастный старик.

Бенвенуто уселся на стул, да так и не вставал до окончания партии. Он был настолько растерян, что путал ходы и фигуры, и старик выиграл партию. Победитель радостно потирал руки, как мальчишка, который залез, и не безуспешно, в чужой сад за грушами.

— Сыграем еще,— весело предложил старик.

Бенвенуто хотел было подняться, ведь сидение на стуле отнимало у него дни, месяцы, а может быть, и целые годы жизни. Но ему было жаль огорчать беднягу старика. Он остался сидеть и сыграл еще одну партию. Старик, казалось, помолодел от радости.

— Его годы перешли ко мне,— вздохнул Бенвенуто, взглянув на себя в зеркало, висевшее у старика в комнате.

Волосы Бенвенуто побелели, словно запорошенные снегом.

— Нечего сожалеть. Кто знает, сколько лет старик мечтал выиграть хотя бы одну партию в шахматы.

И так всякий раз, когда, желая помочь кому-нибудь, наш Бенвенуто садился, волосы у него седели. Потом и спина начала гнуться, точь-в-точь как деревья под порывами ветра. Да и глаза уже не видели так зорко, как прежде. Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты продолжал стареть, и в конце концов у него не осталось ни одного темного волоса. Те, кто хорошо его знал, говорили:

— Какая тебе была выгода делать добрые дела? Если бы ты больше думал о самом себе, то и сейчас прыгал бы, как воробышек.

Но Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты был другого мнения. Каждый его седой волос напоминал ему о каком-нибудь хорошем поступке. Зачем же ему было раскаиваться?

— Ты мог бы продлить жизнь самому себе, вместо того чтобы раздавать ее всем понемногу,— не раз говорили ему соседки-кумушки.

Но в ответ Бенвенуто, улыбаясь, качал головой и думал, что каждый седой волос дарил ему нового друга, сотни и ты-

сячи друзей, рассеянных по всему свету. А много ли друзей у вас? Хотелось бы вам иметь повсюду столько же друзей, как у Бенвенуто?

Бенвенуто продолжал бродить по свету, хотя теперь ему приходилось опираться на палку и все чаще останавливаться, чтобы передохнуть. Так, странствуя, он попал в Страну лжецов, где, по примеру своего покойного отца, стал старьевщиком и тем зарабатывал себе на жизнь.

— Вы побывали в стольких странах,—возразила, прервав его рассказ, Кошка-хромоножка.— Неужели вы не могли выбрать себе места получше?

Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты улыбнулся:

— Как раз здесь люди больше всего нуждаются в помощи. Что говорить, это самая несчастная страна на земле, а стало быть, самое подходящее для меня место.

— Вот он, правильный путь! — воскликнул Джельсомино, слушавший со слезами на глазах рассказ старика.— Теперь-то я знаю, что мне делать с моим голосом. Вместо того чтобы ездить повсюду и оставлять после себя одни разрушения, я постараюсь своим голосом дарить людям радость.

— Но это тебе будет нелегко сделать,— заметила Кошка-хромоножка.— Например, если ты примешься напевать колыбельную песню детям, то помешаешь им заснуть.

— Но иногда можно творить добрые дела и разбудив людей, которые глухи ко всему и беспробудно спят,— ласково ответил ей Бенвенуто.

— Я решу эту задачу! — сказал Джельсомино, ударив кулаком об пол.

— А пока, — заметила Хромоножка, — тебе нужно вылечить коленку.

И действительно, коленка у Джельсомино все больше распухала, и он не мог уже ни стоять, ни ходить. Решено было оставить его до выздоровления в доме у Бенвенуто. К тому же добрейший Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты никогда не спал и мог присматривать за Джельсомино ночью, чтобы он случайно не запел во сне и вновь не привлек внимание полиции.

УЗНАЕТЕ ВЫ, КАК И ПОЧЕМУ НАШ БАНАНИТО УГОДИЛ В ТЮРЬМУ

Бананито — как вам нетрудно будет вспомнить — вышел из дома рано утром в поисках счастья. Никакого определенного плана у него не было — просто ему хотелось показать людям свое мастерство живописца.

Город еще только просыпался. Дворники поливали из шлангов улицы и перекидывались шутками с рабочими, которые ехали на своих велосипедах на фабрики и заводы и то и дело рисковали принять холодный душ. Это было ласковое и безоблачное утро, и Бананито, остановившись посреди тротуара, почувствовал, как в его голове, словно цветы, расцветали прекрасные мысли. Он даже ощущал их запах, словно вокруг него прямо на асфальте неожиданно распустились миллионы фиалок.

— А ведь это замечательная идея! — с радостью решил он.

И, не сходя с места, прямо у ворот фабрики, возле которой он очутился в тот момент, художник пристроился на тротуаре, вынул из коробки цветные мелки и начал рисовать. Несколько рабочих сразу обступили его.

— Бьюсь об заклад, — сказал один из них, — что этот бродячий художник, как всегда, нарисует парусный корабль или какого-нибудь святого с сиянием вокруг головы. Только где же собака с шапкой в зубах, которая обычно собирает ми-лостыню?

— А мне пришлось видеть и такое, — сказал другой рабочий. — Как-то раз уличный художник нарисовал на асфальте красную черту, а все вокруг стояли и ломали себе голову, пытаясь разгадать, что бы это значило.

— Ну и что же оказалось?

— Спросили самого художника, и он ответил так: «Да вот хочу посмотреть, сможет ли кто-нибудь из вас пройти под этой чертой, а не по чёрте». А потом нахлобучил шляпу и ушел. Наверное, у него не все были дома.

— Ну этот-то не помешанный, — заметили в толпе. — Помимо сами.

Бананито, не поднимая головы, рисовал с такою быстротой, что глаза не успевали следить за движением его руки: И

на тротуаре словно оживала его недавняя мечта — вырастала пышная клумба прекрасных фиалок. Правда, это был всего лишь рисунок, но такой красивый, что в конце концов в воздухе на самом деле разлился нежный аромат фиалок.

— Мне кажется, — удивленно прошептал один из рабочих, — что я чувствую запах фиалок.

— Называй их лучше кабачками, — заметил его товарищ, — если не хочешь, чтобы тебя упекли в тюрьму. А впрочем, ты прав, запах чувствуется.

Вокруг Бананито царило полное молчание. Слышно было только, как мелок тихонько царапал по асфальту и с каждым новым штрихом фиолетового мелка аромат фиалок становился все сильнее. Окружившие художника тесным кольцом рабочие были потрясены. Они перекладывали из одной руки в другую свертки с завтраками, делали вид, что проверяют, в порядке ли шины у велосипедов, но не пропускали ни одного движения Бананито и с удовольствием вдыхали запах, радовавший их сердца.

Раздался гудок, но никто из рабочих не двинулся с места, чтобы пойти на фабрику. Слышались возгласы: «Вот молодчина!» Бананито поднял голову и увидел глаза своих зрителей. В них он прочел такое восхищение, что от неожиданности очень смущился. Поспешно собрав свои мелки, он пошел прочь.

Один из рабочих догнал его:

— Что же ты делаешь? Почему удираешь? Еще минута, и мы отдали бы тебе все деньги, которые у нас были с собой. Ведь мы никогда не видели таких прекрасных рисунков.

— Спасибо,— пробормотал Бананито.— Мне ничего от вас не нужно. Спасибо.

И перешел на другую сторону улицы, чтобы побывать одному.

Сердце у него билось так сильно, что было видно, как куртка в этом месте приподнималась, словно там был спрятан котенок. Художник был по-настоящему счастлив!

Долго он бродил по городу, не решаясь взяться за новый рисунок. Сотни идей приходили ему в голову, и все казались неподходящими. И вдруг ему попалась на глаза собака. Его охватило подлинное вдохновение. Он присел на корточки на тротуаре, на том самом месте, где эта мысль пришла ему в голову, и принялся рисовать.

Всегда найдутся люди, у которых иного дела нет, как разгуливать то по одной, то по другой стороне улицы,— прохожие по профессии, а может быть, просто безработные. И вот снова вокруг Бананито собралась толпа зевак.

— Вы только посмотрите, какой оригинал — рисует кота. Уж если кому-нибудь захочется посмотреть на кота, то их предостаточно в нашем городе в живом виде.

— Это не простой кот,— весело ответил Бананито.

— Слыхали? Он, оказывается, хочет нас удивить. Что же это будет за кот? Может быть, в сапогах?

Но разговоры сразу же, словно по волшебству, прекратились, когда собака на рисунке Бананито, едва он дорисовал ей хвост, вскочила на все четыре лапы и радостно залаяла. В толпе раздались возгласы удивления, и немедленно к месту происшествия прибежал полицейский.

— Что такое? Что у вас здесь происходит? А, вижу, вижу! Вернее, слышу: лающая кошка. Мало нам мяукающих собак! Чья это кошка?

Толпа быстро рассеялась — никому не хотелось отвечать на вопрос блюстителя порядка. Только один из прохожих, стоявший рядом, не смог увернуться от полицейского, так как тот крепко ухватил его за руку.

— Кошка его,— прошептал бедняга, указывая на художника.

Полицейский отпустил его и схватил за руку Бананито:

— Эй ты, пойдем со мной!

Бананито не дал себя долго упрашивать. Он положил мелки в карман и последовал за полицейским, не теряя хорошего расположения духа. Собака же, задрав хвост трубой, убежала по своим делам.

Художника посадили в одиночную камеру, где ему пришлось ждать, когда начальник полиции соблаговолит лично допросить нарушителя общественного порядка. Но у Бананито руки просто чесались от желания работать. Он нарисовал птичку и пустил ее летать по камере. Однако пичужка не захотела улетать от него — она села художнику на плечо и стала ласково поклевывать его в ухо.

— Все понятно,— сказал Бананито, — ты голодна.

И он быстро нарисовал несколько зерен проса. Это напомнило ему самому, что он еще не завтракал.

— Пожалуй, мне хватит яичницы из двух яиц. Неплохо бы еще съесть напоследок сочный персик.

Он нарисовал все, что ему было нужно, и вскоре запах яичницы распространился по всей камере, проник за дверь и защекотал ноздри часового.

— Гм... какая прелесть! — сказал парень, жадно втягивая носом воздух, чтобы не упустить столь аппетитного благоухания. Но потом у него возникло подозрение. Он приоткрыл смотровой глазок в двери и заглянул в камеру. Увидев заключенного, который с удовольствием уплетал яичницу, он остолбенел, и в этой позе, с выражением крайнего изумления на лице, его застал начальник полиции.

— Вот это новость! — закричал он вне себя от возмущения. — Это просто неслыханно! Оказывается, мы носим заключенным кушанья из ресторана!

— Да я... да он... — пробормотал, заикаясь, часовой.

— Ты что, устава не знаешь? Хлеб и вода, вода и хлеб, и больше ничего!

— Я не знаю, как это получилось, — сумел наконец внятно проговорить часовой. — Может быть, он принес яйца в кармане.

— Ну хорошо, а плита? Я вижу, что в мое отсутствие у вас появились новшества: камеры с кухней.

Но в этот момент начальник полиции воочию убедился, что в камере не было никакой плиты. К тому же Бананито, чтобы выручить из беды ни в чем не повинного часового, решил сам признаться, каким путем он раздобыл себе завтрак.

— Ты меня за дурака принимаешь, — сказал начальник, выслушав его с недоверием. — А что ты будешь делать, если я прикажу тебе нарисовать мне камбалу под белым соусом?

Не говоря ни слова, Бананито взял лист чистой бумаги и тотчас нарисовал заказанное кушанье.

— С петрушкой или без петрушки? — спросил он весело, заканчивая рисунок.

— С петрушкой, конечно, вкуснее, — ответил начальник полиции, зло ухмыляясь. — Ты действительно принимаешь меня за круглого дурака. Когда ты кончишь рисовать, я заставлю тебя проглотить весь этот лист бумаги.

Едва Бананито кончил рисовать, как с листа бумаги пошел щекочущий ноздри запах жареной камбалы под белым соусом, и через несколько мгновений перед вытаращенными от удивления глазами полицейского на столе появилось дымящееся блюдо, щедро сдобренное листьями петрушки, которое, казалось, так и говорило: милости просим, отведайте меня на здоровье!

— Приятного аппетита, — сказал Бананито. — Кушать подано.

— Мне что-то расхотелось есть, — пробормотал начальник полиции, глотая слону и понемногу приходя в себя от изумления. — Камбалу съест часовой. А ты пойдешь со мной.

МИНИСТРОМ БАНАНИТО СТАЛ, НО ВСКОРЕ ПОТЕРПЕЛ ПРОВАЛ

Начальник полиции не был глупым человеком. Напротив, он был большим хитрецом.

«Этот художник, — рассуждал он, препровождая Бананито к себе в кабинет, — стоит столько золота, сколько сам весят, а может быть, и значительно больше. А коль скоро у ме-

ня имеется довольно вместительный сейф, то почему бы не спрятать в нем несколько килограммов драгоценного металла? Там его никто не тронет и до него не доберутся никакие грызуны. Король наверняка щедро меня наградит».

Но хитрец обманулся в своих ожиданиях. Узнав о случившемся, король Джакомон тотчас приказал доставить к нему художника. Холодно распрошавшись с начальником полиции, он пообещал ему:

— За ваше открытие вы получите медаль за особые заслуги.

— А что я буду делать с этой медалью? — недовольно ворчал себе под нос начальник полиции. — У меня уже накопилось двадцать четыре штуки. И все до единой из картона! Будь у меня колченогие столы, я бы мог под них подкладывать эти дурацкие медали, чтоб столы не шатались.

Но пусть он сетует на судьбу и идет своей дорогой. А мы лучше посмотрим, как проходила встреча Бананито с королем Джакомоном.

Художник без всякого волнения предстал пред всемогущим королем. Он спокойно отвечал на вопросы, не переставая любоваться прекрасным оранжевым париком, который ослепительно сиял у короля на голове, как корзина с апельсинами, выставленная на рынке.

— Что это вы так внимательно разглядываете?

— Я любуюсь вашими обворожительными волосами, ваше величество.

— А вы смогли бы нарисовать точно такие же?

Джакомон втайне надеялся, что художник сможет нарисовать прямо на лысине настоящие красивые волосы, которые не нужно будет перед сном снимать с головы и класть в комод.

— Столь красивые, как у вас, вряд ли мне по силам, — ответил Бананито, думая таким ответом доставить королю удовольствие.

В глубине души ему было жаль беднягу, которому лысина доставляла столько хлопот и огорчений. Хотя многие стригутся совсем наголо, чтобы избавить себя от необходимости каждый день причесываться. Да и судят о людях не по цвету их волос. По правде говоря, будь у Джакомона даже свои

собственные красивые волосы, темные или светлые, все равно он остался бы жуликом и пиратом, каким его все знали.

Вздохнув, Джакомон решил отложить на время заманчивую идею украсить свою лысину копной настоящих волос. Но зато он решил вовсю использовать редкий талант Бананито, чтобы самому войти в историю и обрести славу великого правителя.

— Я произведу вас в министры королевского зоопарка, — сказал он на прощанье художнику. — Зоопарк есть, да вот зверей-то в нем нет. Вы и должны будете их нарисовать. И прошу, чтобы всякого зверя там было вдоволь.

«Лучше быть министром, чем сидеть в тюрьме», — подумал Бананито. И до наступления вечера он на глазах у тысячи любопытных горожан нарисовал и сделал живыми сотни животных разных видов, пород и мастей. Тут были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи, пеликаны. И конечно же, собаки: сторожевые, охотничьи, гончие, борзые, шпицы, таксы, которые подняли ужасный лай, к великому неудовольствию придворных.

— Что же с нами теперь будет, если его величество разрешает собакам лаять? — ворчали они. — Это же противозаконно! Если у людей перед глазами будет столь дурной пример, людям придут в голову опасные мысли.

Но Джакомон приказал не мешать Бананито и предоставил художнику полную свободу действий. И придворным не оставалось ничего другого, как подавить свое возмущение и смириться.

По мере того как Бананито рисовал, звери занимали в клетках свои места. Так, в бассейне оказались белые медведи, тюлени, пингвины, а на аллеях зоопарка появились даже ослики с повозками для катания ребятишек.

В этот вечер Бананито не смог вернуться на ночлег к себе на чердак. Король предоставил ему комнату во дворце и поставил перед дверью десять часовых, боясь, как бы художник не сбежал.

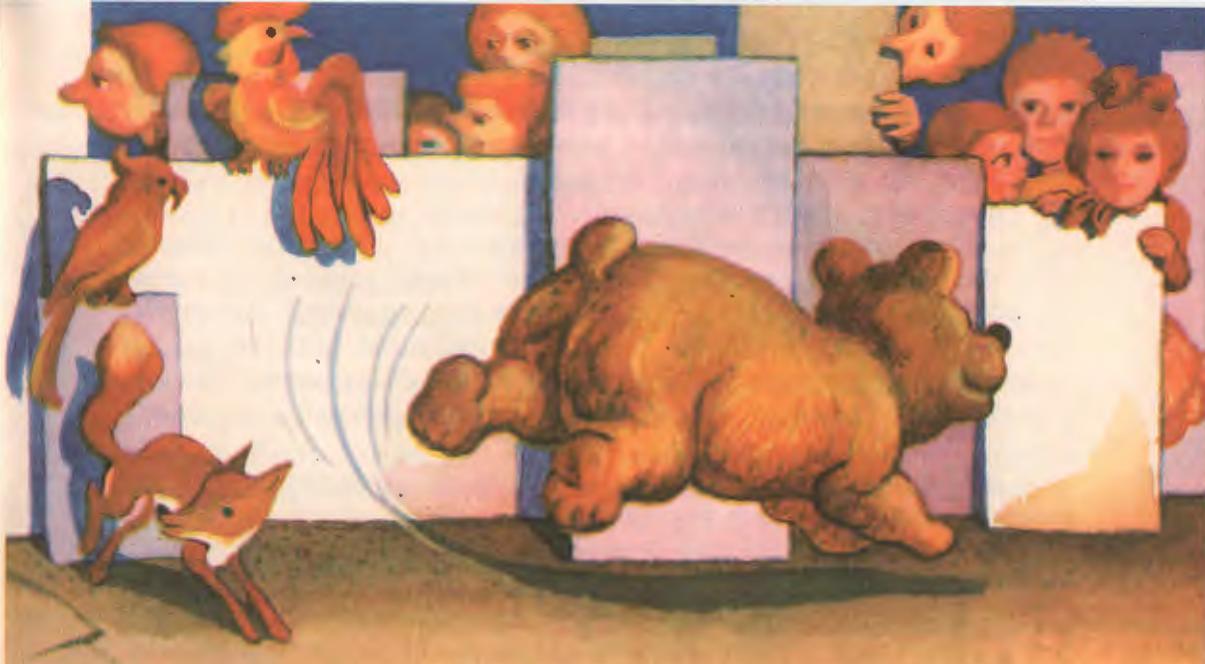
На следующий день в зоопарке больше нечего было делать, и Бананито назначили министром продовольствия, или, как было принято говорить, первым писчебумажником государства. Ему приготовили стол и все необходимое, чтобы он

рисовал прямо перед входом в королевский дворец и граждане могли обратиться к нему с различными просьбами и получить все то, что им только захочется поесть.

Вначале кое-кто остался разочарованным. Если у Бананито просили чернил, что означало хлеб на языке лжецов, он тут же рисовал пузырек с чернилами и говорил незамедлительно:

- Получите. Дальше, следующий.
- А на что мне чернила? — ворчал незадачливый проситель. — Не могу же я их пить или есть.

Но скоро люди поняли, что, если хочешь получить у Бананито желаемое, нужно называть вещи своими именами, хотя это и было строго запрещено.

Возмущение придворных достигло предела.

— Дела идут все хуже и хуже, — шипели они, позеленев от злости. — Это не приведет к добру. Никто не будет больше врать и станет говорить сущую правду. Что же стряслось с нашим королем Джакомоном?

А король Джакомон все никак не мог осмелиться попросить Бананито нарисовать ему настоящие волосы, чтобы гор-

до носить их на голове, не боясь ветра. Пока же он позволял художнику делать все, что тому заблагорассудится. Придворные были крайне недовольны, глотая эти горькие пилюли. Они уже набили ими полные животы.

Генералам тоже приходилось несладко.

— Вы только посмотрите,— недовольно говорили они.— Вот наконец нам попался такой настоящий умелец, как живописец этот, и что же мы позволяем ему творить? Яичницы, кур на вертеле, жареную картошку, леденцы, плитки шоколада. Пушки следовало бы делать, пушки! Мы смогли бы снарядить непобедимую армию и расширить границы королевства!

Самый воинственный генерал пошел прямо к королю Джакомону и изложил ему эту идею.

Старый пират, слушая генерала, почувствовал, как у него кровь закипает в жилах.

— Пушки! — воскликнул он. — Великолепно! Ну и корабли, самолеты и прочее оружие! Немедленно позвать ко мне Бананито, дьявол его побери!

Давно уже приближенные Джакомона не слыхали, чтобы он поминал дьявола. А это было самое любимое его ругательство в те памятные времена, когда он, стоя на капитанском мостике своего корабля, держал речь перед шайкой пиратов, прежде чем послать их на абордаж.

Раздача продуктов была сразу же прекращена. И вот Бананито предстал перед королем и его генеральным штабом. По стенам в приемном зале были развешаны большие географические карты, а послушные слуги уже принесли коробку с флагжками, чтобы отмечать места будущих сражений.

Бананито спокойно, никого не прерывая, выслушал все пламенные речи военачальников. Но когда ему дали бумагу и краски, чтобы он сразу же принялся на свой лад создавать пушки, он посередине листа крупно написал печатными буквами «НЕТ» и прошелся с листом по всему залу, дабы убедиться, что все прочли его ответ.

— Господа, — сказал он, — если желаете хорошего кофе, чтобы прочистить свои мозги, я готов вам его приготовить менее чем за одну минуту. Если каждому из вас захочется иметь по лошади для охоты на лисиц и зайцев, я вам нарисую

самых чистокровных рысаков. Но о пушках вам придется забыть. От меня вы их никогда не получите!

Тут поднялся невообразимый шум. Все разом принялись кричать и бить кулаками по столу. А Джакомон, чтобы не причинить себе боли, подозвал слугу и хватил его со всей силы кулаком по спине.

— Голову, голову, — послышались крики, — отрубить ему голову!

— Поступим так, — произнес наконец Джакомон. — Голову отрубить мы всегда успеем. А пока дадим ему время одуматься. Коль скоро это гениальный художник, он не совсем нормален. Посадим его на несколько дней в сумасшедший дом.

Придворные подняли ропот, считая, что приговор слишком мягкий. Но быстро умолкли, зная крутой нрав Джакомона.

— Покамест же, — продолжал Джакомон, — провинившемуся художнику не разрешается рисовать ни карандашом, ни красками.

И вот Бананито тоже посадили в сумасшедший дом в одиночную камеру. Он был лишен возможности иметь при себе бумагу, карандаши, краски и кисти. В самой камере не было ни кусочка кирпича или мела. Пожалуй, только собственной кровью можно было рисовать на обитых войлоком стенах.

Бананито пришлось волей-неволей смириться с мыслью, что пока ему не удастся поработать над созданием новых произведений.

Он растянулся на нарах, положив руки под голову, и устался в свежевыбеленный потолок. Перед ним проносились пестрой чередой прекрасные видения. Это были картины, которые он воплотит в жизнь, когда вырвется отсюда. А в том, что он вырвется из неволи, он не сомневался ни минуты.

И он был прав, потому что кое-кто уже старался прийти ему на помощь. Имя этого спасителя у вас, наверное, уже вертится на кончике языка: ну, конечно же, наша давняя и добная знакомая Кошка-хромоножка.

ИДЯ НА ЖЕРТВУ, КОШКА-ХРОМОНОЖКА СПАСАЕТ УЗНИКА ЧЕРЕЗ ОКОШКО

Когда в доме Бенвенуто — Не Сидящего Ни Минуты, где Джельсомино лечил разбитое колено, стало известно, что художник сделался министром, Кошка-хромоножка решила пойти к нему и подать прошение об освобождении тетушки Кукурузы и Ромолетты. К сожалению, она явилась во дворец, когда счастливая звезда Бананито уже закатилась — быстрее, чем луна на ущербе.

— Если хочешь увидеть Бананито, — сказали ей стражники, ухмыляясь, — тебе следует сходить в сумасшедший дом. Но кто знает, пропустят ли тебя? Вот разве если ты ненормальная...

Хромоножка долго раздумывала, как ей поступить: прокинуться ли ей помешанной или постараться проникнуть в сумасшедший дом иным путем.

— Лапки мои, выручайте, — решила она наконец. — Теперь вас у меня четыре, и вам будет легче карабкаться по стенам.

Вскоре она оказалась перед мрачным и массивным, как крепость, зданием, которое, ко всему прочему, было окружено широким рвом, наполненным водой. Кошке-хромоножке пришлось примириться с купанием. Она нырнула в воду, переплыла ров, вскарабкалась по стене и шмыгнула в первое открытое окно, оказавшееся кухонным. Повара и прислуга — все отправились на боковую, кроме одного мальчишки, который мыл полы. Увидев кошку, он завопил:

— Пошла прочь, дрянь эдакая! Не знаешь разве, что здесь нет объедков! Брысь!

И действительно, бедняга всегда был так голоден, что подъедал все остатки, вплоть до бросовых рыбьих костей. Прогоняя кошку, чтобы она не стянула у него последние объедки, он второпях открыл дверь, которая выходила в длинный коридор. По обеим его сторонам были расположены палаты для умалищенных, или, вернее, заключенных. Сумасшедшими они не были, и вся их вина заключалась в том, что однажды они осмелились сказать правду и, на их беду, были услышаны жандармами короля Джакомона.

Некоторые палаты были отделены лишь крепкой решеткой. Другие были заперты массивными железными дверями, в которых открывалось маленькое окошко для подачи пищи.

В одной из таких палат Хромоножка увидела котят тетушки Кукурузы и, к своему большому удивлению, доброго Барбоса. Они спали, положив головы на хвост друг другу, и кто знает, что им снилось. У Хромоножки не хватало смелости разбудить их, ведь сейчас она все равно не могла им ничем помочь. В той же палате, как вы помните, был помещен и Калимер Вексель, который еще не спал и, едва завидев Кошку-хромоножку, начал слезно ее просить:

— Сестричка, принеси мне мышку, ведь ты же на свободе! Всего одного мышонка! Сколько уж времени, как в мои когти ни один не попадается.

«Вот этот действительно спятил», — подумала Хромоножка.

В конце коридора находилась общая палата, в которой спали, по крайней мере, сто человек. Среди них были тетушки Кукуруза и Ромолетта. Если бы здесь горел свет, Кошка-

хромоножка, вероятно, смогла бы их увидеть. А тетушка Кукуруза, если бы не спала, схватила бы по своей старой привычке Хромоножку за хвост. Но свет был погашен, и все заключенные крепко спали, включая и Ромолетту. Хромоножка прошла на цыпочках через весь длинный коридор и очутилась на лестнице, которая вела на верхний этаж. После долгих поисков и блужданий по коридорам она наконец нашла палату, в которой был заключен Бананито.

Художник спокойно спал, положив руки под голову, и во сне продолжал видеть изумительные картины, которые намеревался в будущем нарисовать. Вдруг на одной из картин образовалась пустота. Посреди дивного букета цветов перед Бананито появилась голова кошки, мяукающей совсем как Хромоножка. От неожиданности художник проснулся и, бросив взгляд на дверь, понял, что все еще находится в неволе. Но смотровое окошко в двери было открыто, и через его маленькое отверстие на него смотрела мордочка Кошки-хромоножки, которая продолжала мяукать уже наяву.

— Бананито, Бананито! Ну и здоров же ты спать!

— Кого я вижу! Даю голову на отсечение, если это не усы Кошки-хромоножки!

— Проснулся, соня? Ну конечно же это я, Кошка-хромоножка, да еще с лапкой, которую ты сам мне пририсовал. Надо сказать, действует она на славу.

И, говоря это, Хромоножка вся сжалась, чтобы пролезть через узкое окошко, прыгнула в камеру и, подбежав к Бананито, лизнула ему руку.

— Я пришлай, чтобы помочь тебе.

— Я тебе очень благодарен. Но как ты это сделаешь?

— Пока не знаю. Думаю, что мне удастся выкрасть ключи у охранников.

— Они могут проснуться.

— Тогда постараюсь прогрызть дверь и помогу тебе выбраться отсюда.

— Да будь в своем распоряжении лет десять, тебе не удалось бы прогрызть дырку в железной двери. Тут нужно совсем другое.

— Что же?

— Напильник. Вот если бы ты смогла раздобыть мне его, остальное я сделал бы сам.

— Тогда я побегу искать напильник.

— Все было бы значительно проще, — сказал Бананито, — если бы я смог нарисовать такой напильник. Но эти разбойники не оставили мне даже огрызка карандаша.

— Ну, если за этим дело, — воскликнула Хромоножка, — тогда воспользуйся моими лапами! Не забывай, что у меня три нарисованы мелом, а четвертая масляной краской.

— Да, я помню. Но, боюсь, как бы они у тебя совсем не стерлись.

Кошка-хромоножка не хотела слушать никаких доводов.

— О чем печалиться? Ты всегда мне сможешь нарисовать другие.

— А как нам спуститься из окна?

— Нарисуешь парашют.

— А как перебраться через ров с водой?

— А что тебе стоит нарисовать лодку...

Когда Бананито кончил рисовать все необходимое для побега, от лапы Кошки-хромоножки остался совершенно не пригодный ни к чему огрызок, как будто ей произвели ампутацию.

— Видишь, — засмеялась Кошка-хромоножка, — как хорошо, что я не изменила имя. Хромоножкой я была, хромоножкой и останусь.

— Хочешь, я тебе сейчас же нарисую новую? — предложил Бананито.

— У нас нет больше времени. Скорее за дело, пока не проснулась стражи.

Бананито принялся работать напильником. К счастью, он нарисовал напильник, который резал железо, как мякоть банана. За несколько минут в двери образовалась широкая брешь, и наши друзья смогли выйти в коридор.

— Давай зайдем и возьмем с собой тетушку Кукурузу и Ромолетту, — предложила Хромоножка. — Заодно захватим и котят.

Но шум разбудил стражников, и они начали обход, чтобы обнаружить виновных. Бананито и Кошка-хромоножка услышали торопливые шаги охраны, начавшей обход всех коридоров.

A colorful illustration on the left side of the page. It features a large, bright orange balloon-like shape in the upper left. Below it, a small figure wearing a green cap and a patterned scarf is perched precariously on the edge of a dark, craggy cliff. The background shows a night sky with stars and a city with many windows in the distance.

— Постараемся добраться до кухни,— прошептала Хромоножка. — Раз нельзя убежать всем, то спасемся хотя бы мы двое. На свободе мы принесем большее пользы, чем в неволе.

Когда они появились на кухне, мальчишка, который уже домыл полы, вновь набросился на Кошку-хромоножку:

— Ты опять пришла сюда, обжора, и хочешь стащить у меня хлеб? Брысь отсюда! Вот окно — убирайся вон! Если утонешь, туда тебе и дорога.

Он так обозлился на кошку и так боялся, что она стащит у него обедки, что не обратил внимания на Бананито. Бананито тем временем пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Кошку-хромоножку.

— Бежим!

— Да, да, убирайтесь-ка прочь,— сердито прикрикнул мальчишка,— и чтоб ноги вашей больше здесь не было!

Лишь когда Бананито выпрыгнул вместе с Хромоножкой из окна, мальчишка заподозрил что-то неладное. «А это еще кто такой?» — подумал он, почесывая голову. И чтобы не нажить себе неприятностей, решил промолчать: он, мол, никого не видел и ничего не слышал. Найдя в куче отбросов капустную кочерыжку, он поспешился за ее уничтожение.

Побег Бананито был вскоре обнаружен. Из окон сумасшедшего дома выглядывали стражники и кричали:

— Тревога! Сбежал опасный сумасшедший!

Бананито и Кошка-хромоножка, согнувшись в лодке в три погибели, гребли что было сил, чтобы скорее переплыть ров. Но им не удалось бы далеко уйти, если бы не поджидавший их наготове со своей тележкой Бенвенуто — Не Сидящий Ни Минуты, который разгадал намерения Кошки-хромоножки.

— Скорее сюда! — прошептал старик. Он усадил беглецов в тележку и прикрыл их кучей тряпья.

Подоспевшим стражникам он указал рукой в противоположную сторону:

— Ищите его в том направлении. Я сам видел, как он туда побежал!

— А ты кто такой?

— Я бедный старьевщик и остановился здесь передохнуть.

Чтобы показать стражникам, что он действительно устал, старьевщик присел на ручку тележки и закурил трубку. Бедняга Бенвенуто! Ведь он-то хорошо знал, что это прибавит ему лишние седые волосы, и кто знает, сколько лет жизни он потеряет за эти несколько минут. Но такой уж был Бенвенуто.

«Годы, которые я теряю, продлят жизнь кому-нибудь другому», — подумал он и пустил струю дыма в сторону стражников.

К несчастью, как раз в это время у Кошки-хромоножки защекотало в носу. Дело в том, что лохмотья, в которые она зарылась с головой, были полнеоньки пыли. Пожалуй, лишь носорог мог бы назвать их ароматными. Хромоножка попробовала зажать нос передними лапами, чтобы не чихнуть, но слишком поздно хватилась — у нее спереди осталась всего одна лапка. Она чихнула, да так сильно, что поднялось целое облако пыли.

Чтобы не выдать своей оплошностью художника, Хромоножка предпочла выпрыгнуть из тележки и пуститься наутек.

— Кто это? — спросили стражники.

— Да собака, — ответил Бенвенуто. — Сначала пряталась в тряпье, а теперь вон удирает.

— Если удирает, — сказали стражники, — значит, совесть нечиста. Побежим за ней.

Кошка-хромоножка услышала позади себя тяжелые шаги преследователей и крики: «Держи ее!»

«Пусть погоняются за мной, — обрадовалась она, — зато оставят в покое Бенвенуто и художника».

Она мчалась по улицам города, увлекая за собой стражников, которые бежали следом, высунув язык. Вот и площадь перед королевским дворцом и посреди величественная колonna, на которой однажды Кошка-хромоножка спокойно провела ночь.

— Еще два-три прыжка, и мы спасены, — молила она свои лапы.

И лапы не ослушались ее, проявив даже излишнее усердие. Вместо того чтобы только зацепиться за колонну и вскарабкаться на ее вершину, Кошка-хромоножка приkleилась к колонне и снова стала рисунком, изображающим кошку на трех лапах. В тот момент это ей даже понравилось и очень позабавило, потому что стражники, как потом они сами писали в своем донесении начальству, «остались с носом».

— Куда она исчезла? — срашивали они друг у друга.

— Я видел, как она прыгнула на эту колонну.

— Но там ничего не видно.

— Видны только какие-то каракули. Наверняка какой-то мальчишка нарисовал собаку мелом, который он стащил из школы.

— Ну ее, пойдем! Рисунки — это не наше дело.

А Бенвенуто тем временем катил свою тележку к дому, то и дело останавливаясь, чтобы отдохнуть. Ему пришлось еще два-три раза присесть на ручку тележки, так как от усталости он не в силах был двигаться дальше. Одним словом, когда он вышел из дома, ему было не меньше восьмидесяти. Теперь же наверняка перевалило за девяносто. Когда он подкатил тележку с поклажей к порогу своего дома, подбородок его касался груди, глаза почти исчезли за глубокими морщинами, а голос звучал глухо, словно исходил из-под земли.

— Бананито, вставай! Мы приехали.

Но Бананито его не слышал: он уснул, пригревшись под тряпьем.

ПРОЧТЕТЕ ЗДЕСЬ, КАК БЕНВЕНУТО ПРОЖИЛ ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

— Ты что здесь делаешь? Со своим тряпьем, что ли, разговариваешь?

За спиной Бенвенуто, который старался разбудить художника, выросла из темноты фигура уличного сторожа.

— С каким таким тряпьем? — переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

— Не прикидывайся! Я прекрасно слышал, как ты говорил что-то, обращаясь к этой куче драных чулок. Уж не подсчитывал ли ты, сколько на них дырок?

— Может быть, и разговаривал. Вы правы. Но сам я даже и не заметил этого, — пробормотал в ответ Бенвенуто. — Видать, я очень утомился. Бродишь так целый день, толкая тележку. А в мои годы это тяжело...

— Так отдохните, если вы устали, — с сочувствием сказал сторож. — Кто же в это время будет покупать у вас тряпье?

— Да, сейчас присяду, — сказал Бенвенуто, снова устраиваясь на ручке тележки.

— Если вы позволите, — сказал сторож, — мне бы тоже хотелось немного передохнуть.

— Устраивайтесь поудобнее. Вот еще одна ручка.

— Спасибо. Знаете, тоже ведь устаешь, работая ночным сторожем. Подумать только, я ведь когда-то мечтал стать пианистом! Играешь все время сидя, живешь среди прекрасной музыки. Я даже написал об этом в школьном сочинении. Как сейчас помню, нам было дано задание написать сочинение на тему: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» Я и написал: «Когда я вырасту, то стану пианистом, буду ездить по всем странам, давая концерты. Мне будут много аплодировать, и я стану знаменитым». Однако я не нажил славы даже среди ночных воров, и мне еще не удалось изловить ни одного из них. Кстати, вы случайно не жулик, а?

Бенвенуто успокоил его, покачав головой. Ему так хотелось сказать что-нибудь утешительное своему ночному собеседнику с его несчастной судьбой, но сил у него почти не было. Бенвенуто чувствовал, как с каждой минутой жизнь по-

кидала его. Но ему уже ничего другого не оставалось, как молча слушать.

А ночной сторож, тяжко вздыхая, долго еще рассказывал о своей ночной работе, о пианино, которого у него никогда в жизни не было, о своих детях.

— Самому старшему десять лет, — продолжал он. — Вчера в школе он тоже написал неплохое сочинение. Учителя и сейчас любят задавать сочинения на тему о будущем. Мой сын так и написал: «Когда я стану взрослым, то обязательно буду космонавтом и полечу на Луну». От всей души я хотел бы пожелать ему осуществления такой мечты. Но года через два мне придется послать его работать. Моего крохотного жалованья не хватает, чтобы прокормить семью. К тому же разве можно поверить, что мой сын станет исследователем космоса?

Бенвенуто отрицательно покачал головой. Он хотел этим сказать, что надо верить, что на свете нет ничего невозможного, и никогда не следует терять надежду на осуществление

своей мечты. Но сторож не заметил этого. Он смотрел на Бенвенуто, и ему казалось, что тот заснул.

— Бедный старик, — прошептал он. — Видать, он слишком утомился. Ну что ж, и мне пора продолжить свой обход.

Сторож удалился, стараясь не шуметь, а Бенвенуто остался сидеть. У него не было больше сил, чтобы подняться.

— Подожду еще, — тихо вздыхал он, — и посижу немного. Я сделал все что мог. Бананито теперь в безопасности. Да и бедняге сторожу я дал излить со мной душу.

Мысли его путались, становились сбивчивыми и неясными. Ему казалось, что издалека доносится какое-то пение, будто кто-то поет ему колыбельную песню. Но скоро он уже и ее не слышал.

Однако, друзья мои, эта колыбельная вовсе не приснилась Бенвенуто. Случилось так, что, по своему обыкновению, Джельсомино принял напевать во сне. Его голос, прокатившись по лестнице, зазвучал в переулке и разбудил Бананито.

— Бенвенуто! — позвал он старьевщика, высунув нос из-под кучи тряпья, которым был укрыт. — Бенвенуто, где мы? Что случилось?

Но Бенвенуто уже не мог больше ничего ответить.

Художник выпрыгнул из тележки и раза два потряс старика. Руки бедняги были холодны как лед. А из дома продолжал доноситься чарующий голос Джельсомино. Ласковая колыбельная песня кружилась в воздухе, наполняя собой весь переулок.

Бананито взбежал наверх в дом, разбудил Джельсомино, и они оба вышли на улицу.

— Он умер! — воскликнул Джельсомино.

— Умер по нашей вине, истратив последние силы на нас, пока мы преспокойно спали и думать ни о чем не думали.

В конце переулка показалась фигура ночного сторожа.

— Внесем старика в дом, — прошептал Джельсомино.

Но ему не понадобилась помочь художника. Бенвенуто стал легкий, как ребенок, и Джельсомино почти без усилий отнес его на руках в дом.

Ночной сторож подошел к тележке и стал ее разглядывать.

— Старый тряпичник, вероятно, живет здесь, — сказал он. — Надо бы его оштрафовать за то, что он оставил свою

тележку посреди переулка. Но он хороший старик. Сделаю вид, что я ничего не заметил.

Бедный Бенвенуто, в его скромном жилище для него не нашлось даже ложа. Пришлось положить покойника на пол, пристроив под голову немного ветоши.

Похоронили Бенвенуто два дня спустя после тех событий, о которых вы еще ничего не знаете, и сможете о них прочитать в следующих главах. На похоронах присутствовали тысячи людей, но от горя никто не мог говорить, хотя многим было что рассказать о добрых делах Бенвенуто.

И как раз на похоронах, впервые в жизни, Джельсомино запел, ничего не разбив. Голос его был сильный, как и прежде, но звучал более нежно и проникновенно, и все, кто слушал его, чувствовали, что становятся добре сердцем.

Но до этого, как я уже сказал вам, произошло много разных событий. Прежде всего Джельсомино и художник заметили отсутствие Кошки-хромоножки. В суматохе этих печальных дней они не обратили внимания, что Хромоножка исчезла.

— Она была со мной в тележке, — сказал Бананито. — Конечно, в куче тряпья мы не могли видеть друг друга. Но представь себе, я слышал, как она вдруг громко чихнула.

— Наверное, она попала в беду, — произнес в ответ Джельсомино.

— А может быть, она вернулась в сумасшедший дом, чтобы попытаться вызволить оттуда тетушку Кукурузу и Ромолетту?

— Все что-то делают, — с горечью произнес Джельсомино. — Один только я болтаюсь без дела и способен лишь вдребезги разбивать люстры да пугать людей.

Никто еще никогда не видел его в таком отчаянии. Однако именно в этот момент его осенила замечательная идея, блестящая, как звезда первой величины.

— Ну нет! — воскликнул он вдруг. — Мы еще посмотрим, на что я способен!

— Ты куда? — с беспокойством спросил Бананито, увидев, как его товарищ поднялся и надел пиджак.

— Теперь настал мой черед, — ответил Джельсомино. — Не выходи пока из дома, тебя разыскивает полиция. Но ты обо мне еще услышишь. О, это будут необыкновенные новости!

ВСЕМ ОПОСТЫЛЕЛИ БЫЛЫЕ ВРАКИ, И БОЛЬШЕ НЕ МЯУКАЮТ СОБАКИ

После суматохи, вызванной побегом Бананито, в сумасшедшем доме снова водворилось спокойствие. В палатах, камерах и коридорах все спали. Бодрствовал один только несчастный кухонный мальчишка, которому постоянный голод мешал заснуть, и ночи напролет он копался в отбросах в поисках чего-нибудь съедобного. Бананито с кошкой и те, кто бросились за ними в погоню, его мало интересовали. Правда, вскоре его внимание неожиданно привлек один странный паренек, который, встав посреди площади, как раз напротив сумасшедшего дома, принялся выводить рулады.

Кухонный мальчишка ел как раз картофельные очистки и поглядывал на певца, качая головой.

— Этот и взаправду рехнулся. Где это видано: петь серенады не прекрасным девушкам, а под окнами дома для умалишенных? Впрочем, это его дело. Однако какой сильный голос! Спорю на кочерыжку — сейчас его схватят жандармы.

Но охранники, устав после тщетной погони за Кошкой-хромоножкой, спали как убитые.

Джельсомино поначалу пел вполсилы, чтобы проверить голосовые связки. Удостоверившись, что с ними все в порядке, он набрал полную грудь воздуха и запел громче. Тут кухонный мальчишка разинул рот от удивления, забыв про свои объедки.

— Странное дело, слушая его, почти забываешь про голод.

В этот момент стекло в окне, перед которым он стоял, вдребезги разбилось, и один из осколков чуть не врезался ему в нос.

— Эй, кто там бросается камнями?

И сразу же в разных местах огромного мрачного здания, на всех этажах стали вылетать одно за другим стекла. Стражники забегали по всем палатам и камерам, думая, что заключенные подняли бунт. Но им пришлось быстро изменить свое мнение. Действительно, все узники проснулись, но казались вполне спокойными: они наслаждались пением Джельсомино.

— Кто это здесь бьет стекла? — закричали стражники.

— Тише вы! — послышалось в ответ со всех сторон. —

Дайте послушать песню. Какое нам дело до стекол? Без них даже лучше слышно и воздух чище.

Затем стали разламываться на куски и решетки на окнах: железные прутья ломались как спички, отрывались от оконных рам и, с грохотом упав в ров с водой, шли ко дну.

Когда директор сумасшедшего дома узнал о случившемся, его бросило в дрожь.

— Это от холода, — объяснил он своему секретарю, а сам про себя подумал: «Началось землетрясение».

Он вызвал свою машину и, сказав на ходу, что едет сообщить обо всем министру, удрал к себе на загородную дачу, оставив своих подопечных на произвол судьбы.

«Какой там министр, — думали его подчиненные вне себя от злости, — он просто сбежал, а министр — сплошная отговорка. А мы что же, должны погибать, как мыши в мышеловке? Как бы не так!»

Один за другим — кто в машине, кто пешком — они так

быстро скрылись за подъемным мостом, что часовые, стоявшие у ворот, не заметили, как и след их простили.

Занималась заря. По крышам домов уже скользил бледный луч света. Для Джельсомино рассвет послужил как бы сигналом, который сказал ему: «Пой громче!»

О, если бы вы тогда его слышали!

Голос Джельсомино вырвался наружу с такой силой, как вырываетяется огненная лава из кратера вулкана. Все деревянные двери в сумасшедшем доме разлетались в щепки, а железные настолько погнулись, что уже не походили больше на двери, и все, кто находился за ними взаперти, беспрепятственно выбежали в коридор, прыгая от радости.

Стражники, надсмотрщики, санитары бросились один за другим к выходу и, перебежав через подъемный мост, выскочили на площадь. Все вдруг вспомнили о важных и неотложных делах в городе.

— Мне нужно вымыть мою собаку, то есть кошку, — говорил один.

— Меня пригласили погостить на взморье, — объяснял другой.

— А я забыл переменить воду красным рыбкам, то есть птичкам. Боюсь, как бы они не передохли.

Все они так привыкли лгать, что не могли просто сознаться, что им страшно.

Вскоре из всего обслуживающего персонала в сумасшедшем доме не осталось никого, кроме голодного кухонного мальчишки. Держа в руке свою кочерыжку, он стоял, разинув рот от удивления, потому что ему совсем не хотелось есть. Впервые в жизни несчастный почувствовал, как, подобно свежему ветру, в голове у него пронеслись заманчивые мысли.

Ромолетта первая из всей палаты заметила, что все надсмотрщики сбежали.

— Чего же мы ждем? Бежим и мы! — сказала она тетушке Кукурузе.

— Это противоречит правилам, — ответила та с достоинством. — Хотя следует заметить, что и сами эти правила достаточно противоречивы. Ну что ж, идем.

Взявшись за руки, они направились к лестнице, по которой уже сломя голову бежали толпы людей. Неразбериха бы-

ла страшная. Но тетушка Кукуруза и среди тысячи чужих голосов сразу же распознала мяуканье своих котят. Впрочем, и они, семь маленьких учеников Кошки-хромоножки, тотчас признали среди множества людей высоко поднятую голову и строгое лицо своей защитницы. С громким мяуканьем они бросились к тетушке Кукурузе на шею, облепив ее со всех сторон.

— Ну вот, сейчас вернемся к себе домой, — говорила тетушка со слезами на глазах. — Один, два, три, четыре... Все в сборе? Семь, восемь! Один даже лишний.

Конечно, это был добрый Барбос. На руках тетушки Кукурузы хватило места и для него.

Джельсомино на время прервал свое пение и у всех, кто выходил на свободу, спрашивал о Кошке-хромоножке. Но никто не мог дать ему вразумительный ответ. Тогда он, потеряв терпение, громко крикнул:

— Остался ли кто-нибудь там внутри?

— Никого. Там нет ни души, — послышалось в ответ.

— Ну, тогда смотрите.

Он набрал полную грудь воздуха, как это делают водолазы перед погружением в воду, сложил руки рупором, приставил их ко рту, чтобы звук беспрепятственно пошел в нужном ему направлении, и пронзительно крикнул. Будь на Марсе и на Венере жители, обладающие слухом, они, вероятно, услышали бы голос Джельсомино. Достаточно вам сказать, что здание пошатнулось, словно пронесся циклон. Черепицы с крыши и печные трубы смело, как пушинки. Затем, начиная с верхнего этажа, стены накренились, задрожали и со страшным грохотом рухнули вниз, заполняя ров и разбрызгивая воду в разные стороны.

Все это длилось не больше минуты. Это может подтвердить и кухонный мальчишка, который, оставшись внутри даже после бегства заключенных, едва успел вовремя нырнуть из своего окна в воду, переплыть в несколько бросков ров и очутиться на площади, прежде чем за его спиной рухнуло все здание.

По всей площади пронеслось дружное «ура!», и как раз в этот момент взошло солнце, хотя никто не догадался сбегать за ним и позвать: «Поторапливайся, светило, иначе упустишь редкое зрелище».

Люди, заполнившие площадь, подхватили Джельсомино на руки и с триумфом понесли его. А журналисты не успели пробраться к нему и спросить, каковы его впечатления. Им пришлось довольствоваться интервью с Калимером Векселем, который с мрачным видом стоял в стороне от всех.

— Послушайте, — обратились к нему, — вы ничего не хотели бы сообщить газете «Образцовый лжец»?

— Мяу, — ответил Калимер, поворачиваясь к ним спиной.

— Отлично, — сказали журналисты. — Вы один из очевидцев. Не смогли бы вы нам объяснить, почему здесь ничего не произошло?

— Мяу, — снова промяукал в ответ Калимер.

— Прекрасно! Мы опровернем самым решительным образом, что сумасшедший дом якобы развалился, а умалишенные разбежались по городу.

— Да поймите вы наконец, — вырвалось вдруг у Калимера, — поймите же, что я кошка!

— Вы хотите сказать, собака, раз вы мяукаете?

— Нет, нет, кошка! Я обыкновенная кошка и ловлю мышей. Ладно, ладно, смейтесь. Теперь-то я вас разглядел как

следует. Вы можете прятаться сколько вам угодно, но от меня не уйдете. Вы мыши и сейчас попадетесь ко мне в лапы. Мяу! Мяу!

Тут Калимер сделал прыжок. Журналисты едва успели спрятать в карман ручки и блокноты и вскочить в свои автомобили. Калимер упал на землю и, отчаянно мяукая, пролежал так весь остаток дня, пока один сострадательный прохожий не поднял беднягу и не отвел его в больницу.

Час спустя после описанных событий вышел экстренный выпуск «Образцового лжеца». Во всю первую полосу газеты огромными буквами был напечатан заголовок, который гласил:

НОВАЯ НЕУДАЧА ТЕНОРА ДЖЕЛЬСОМИНО:
СВОИМ ПЕНИЕМ ЕМУ НЕ УДАЛОСЬ РАЗРУШИТЬ
СУМАСШЕДШИЙ ДОМ.

Редактор газеты потирал руки от удовольствия:

— Оправдание получилось на славу. Сегодня мне удастся продать по крайней мере сто тысяч экземпляров.

Но вскоре разносчики газеты «Образцовый лжец» вернулись с кипами нераспроданных газет. Никто не захотел купить ни одного номера.

— Как?! — закричал редактор. — Неужели ни одной газеты не продано? Что же люди тогда читают? Календарь?

— Нет, господин, редактор, — ответил ему самый смелый из разносчиков. — Календарь тоже никто больше не читает. Как, по-вашему, можно доверять календарю, если в нем декабрь месяц называется августом? Вряд ли людям будет тепло только оттого, что изменили название месяца.

— Большие изменения происходят, господин редактор, — поддержал своего товарища другой разносчик. — Люди смеются нам прямо в лицо и советуют из нашей газеты делать бумажные кораблики.

В этот момент в кабинет редактора вбежала его любимая собака, которая, видимо, решила сделать самостоятельную вылазку в город.

— Кис-кис, моя кисонька! — машинально позвал ее редактор.

— Гав-гав! — ответила собака.

— Что такое? Ты лаешь?!

Вместо ответа пес завилял хвостом от радости и еще пуще залаял.

— Но ведь это же конец света! — воскликнул редактор, вытирая испарину со лба. — Воистину светопреставление!

Нет, это был лишь конец всякой лжи. После разрушения сумасшедшего дома на свободе разом оказались сотни людей, которые говорили правду, не считая собак, которые лаяли, кошек, которые мяукали, лошадей, которые ржали, как этого требуют правила зоологии и грамматики. Правда распространялась, словно эпидемия, и уже большинство населения было ею заражено. Владельцы магазинов срочно принялись менять этикетки на своих товарах.

Один булочник сорвал вывеску с надписью «Канцелярские товары», перевернул ее и кусочком угля написал на ней: «Хлеб». Перед его лавкой немедленно собралась большая толпа и начала аплодировать.

Но еще более многочисленная толпа собралась на главной площади перед королевским дворцом. Во главе ее был Джельсомино. Он пел, и на его голос сбегались люди со всех кварталов города и даже из ближайших деревень.

Из окна своей комнаты Джакомон увидел это многолюдное шествие и от радости захлопал в ладоши.

— Скорей сюда! — закричал он, зовя придворных. — Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнес речь. Посмотрите, вон все собрались, чтобы поздравить меня с праздником.

— Разве сегодня праздник? — недоумевали придворные.

Вам покажется невероятным, но обитатели дворца еще ничего не знали о случившемся. Шпионы, вместо того чтобы броситься во дворец и доложить о происходящих волнениях народа, все разбежались в поисках укромного местечка.

Во дворце короля Джакомона кошки продолжали лаять. Это были последние несчастные кошки во всем королевстве.

ОТ КОРОЛЕВСТВА ДЖАКОМОНА ОСТАЛАСЬ ЛИШЬ ОДНА КОЛОННА

Как вам известно, книги судеб не существует на свете. Нет такой книги, в которой были бы описаны все грядущие события. Для того чтобы написать подобное произведение,

следовало бы быть по крайней мере главным редактором «Образцового лжеца». Одним словом, такой книги нет и не было даже во времена правления короля Джакомона.

А жаль! Если бы такая книга существовала и живущий химерами король в своем парике заглянул бы в нее, он смог бы прочитать в тот день такую запись: «Сегодня Джакомон не произнесет речи».

И действительно, пока он с нетерпением ждал, когда наконец слуги распахнут перед ним застекленные двери, чтобы ему появиться на балконе, голос Джельсомино начал делать свое дело: стеклянные двери разбились и осколки дождем посыпались на пол.

— Будьте осторожней, головотяпы! — крикнул Джакомон своим слугам.

Дзин-и-ны!.. — раздалось в ответ из его комнаты.

— Это зеркало! — закричал Джакомон. — Кто разбил мое прекрасное зеркало?

Его величество оглянулся с удивлением: почему ему никто не отвечает? Но — увы! — за его спиной было пусто. Министры, адмиралы, генералы, камергеры и все придворные по первому же сигналу — а именно после первой же высокой ноты, взятой Джельсомино, — кинулись в свои комнаты переодеваться. Они без лишних слов швыряли прямо на пол роскошные костюмы, которые носили в течение стольких лет, вытаскивали из-под кроватей старые чемоданы с пиратской одеждой и бормотали при этом:

— Если не надевать черной повязки на глаз, я смогу сойти за дворника.

— Пожалуй, если я сниму с рукава якорь, никто меня не узнает.

С Джакомоном остались лишь двое слуг, которые были обязаны открывать и закрывать стеклянные двери, выходящие на балкон. Даже теперь, когда двери разбились и стекла вылетели, они почтительно держали в руках дверные ручки и время от времени начищали их кружевами своих манжет.

— Ступайте и вы, — вздохнул Джакомон. — Итак, все вокруг меня рушится.

Не успел он произнести эти слова, как лопнули тысячи

лампочек в огромной люстре: Джельсомино в этот день распелся не на шутку.

Слуги не заставили себя долго просить: пятясь задом и низко кланяясь через каждые три шага, они добрались до двери, выходящей на лестницу, повернулись, словно по команде, и, чтобы быстрее очутиться внизу, съехали по перилам.

Джакомон направился в свою комнату, снял королевское платье и надел костюм простого горожанина, сшитый ему специально для того, чтобы неизвестным бродить по городу (впрочем, он так ни разу до сего дня не воспользовался этим костюмом, предпочитая посыпать в город своих шпионов). Это был скромный коричневый костюм, который подошел бы банковскому кассиру или школьному учителю. А как шел к нему оранжевый парик! К сожалению, его тоже пришлось снять, ведь он был повсюду известен больше, чем королевская корона.

— Ах, мой прекрасный парик! — вздохнул с грустью Джакомон и открыл знаменитый шкаф.— Прощайте и вы, мои великолепные парики!

Перед его взором в последний раз предстали ряды разнообразнейших париков, похожие на головы марионеток, приготовленных к очередному спектаклю. Джакомон не смог устоять перед подобным искущением: он схватил дюжину париков и засунул их в саквояж.

— Увезу-ка я их с собой. В изгнанье они мне будут служить напоминанием о счастливо проведенных здесь годах.

Он спустился вниз по лестнице, но не пошел далее в подвал, как это сделали его министры и придворные, которые, словно мыши, удрали из дворца через подземные галереи с канализационными трубами. Джакомон предпочел выйти из дворца через свой чудесный сад. Вернее сказать, его сад в прошлом. Да, сад по-прежнему был прекрасен и благоухал.

Джакомон вдохнул еще раз аромат королевского сада, потом открыл маленькую потайную дверцу, выходившую в глухой переулок, и, убедившись, что никого не видно, быстро миновал его и оказался на площади, в толпе людей, неистово аплодировавших Джельсомино.

Лысая голова и коричневый костюм совершенно преобразили Джакомона. К тому же в руке был дорожный

саквояж, и это делало его похожим на разъездного агента по продаже всякой всячины.

— Вы небось приезжий,— неожиданно спросил его кто-то из толпы, дружески похлопав по плечу.— Хотите послушать вместе с нами концерт тенора Джельсомино? Вон он, поглядите. Тот парнишка, что смахивает на велогонщика. Судя по виду, он и гроша ломаного не стоит, а послушайте, какой у него голос!

— Слышу, слышу,— пробормотал Джакомон. И про себя добавил: «И вижу...»

Да, он увидел, как его любимый балкон развалился на куски, а вскоре и весь дворец рухнул как карточный домик, подняв целое облако пыли. В это время Джельсомино взял еще одну высокую ноту, чтобы разогнать облако пыли, и все увидели на месте дворца лишь груду развалин,

— Кстати,— снова обратился к Джакомону его собеседник,— вы знаете, что у вас великолепная лысина? Пожалуйста, не обижайтесь на мои слова. Если хотите, полюбуйтесь и на мою.

Джакомон провел рукой по голове, потом посмотрел, как ему было предложено, на лысую голову своего соседа, круглую и гладкую, как шарик для игры в пинг-понг.

— У вас в самом деле красивая лысина,— сказал Джакомон.

— Да что вы, самая обыкновенная! Вот у вас она просто блеск. К тому же сейчас под лучами солнца она так изумительно сверкает, что, глядя на это великолепие, больно глазам.

— Ах, оставьте. Вы слишком добры ко мне,— ответил расстроганный Джакомон.

— Уверяю вас, я нисколько не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если бы вы стали членом нашего Клуба лысых, то мы непременно избрали бы вас президентом.

— Президентом?

— Да, и причем единогласно.

— А у вас есть Клуб лысых?

— Разумеется. До вчерашнего дня он был тайным. Но отныне будет существовать открыто. Его члены — почтенные люди города. И не думайте, что в него легко вступить. Требуется доказать, что у вас на голове не осталось ни одного волоса. Некоторые граждане, чтобы стать членами нашего клуба, даже волосы себе вырывают.

— И вы говорите, что...

— Готов биться об заклад, что вы могли бы стать нашим президентом.

Джакомон почувствовал, что еще минута — и он растроется до слез.

«Как я ошибся,— думал он.— Жестоко ошибся, избирая свой жизненный путь. Но теперь уже слишком поздно, чтобы начинать съзнова».

Воспользовавшись движением в толпе, он незаметно отошел от своего собеседника, покинул площадь и побрел дальше по пустынным улицам. Двенадцать париков уныло шуршали в его саквояже. Пока Джакомон шел по городу, он не раз замечал, как из канализационных люков выглядывали чьи-то физиономии, которые ему кого-то напоминали. Не его ли это пираты? Но головы сразу исчезали.

Джакомон решил было покончить счеты с жизнью и на-

правился прямиком к реке. Однако, прия на берег, он передумал. Открыл саквояж, достал оттуда свои парики и один за другим побросал их в воду.

— Прощайте,— прошептал им Джакомон.— Прощайте, жалкие врунишки!

Но парики не погибли. В тот же день их изловили мальчишки, которые разбойничали на реке не хуже крокодилов. Маленькие озорники высушили парики на солнце, нацепили их на свои стриженые головы и устроили веселое красочное шествие. Они смеялись и пели, не ведая того, что это были похороны королевства Джакомона. А пока Джакомон уходит навсегда, и, надо признать, ему здорово повезло, что у него остался еще шанс стать где-нибудь президентом или, по крайней мере, секретарем почтенного Клуба лысых, — мы с вами снова заглянем на площадь.

Окончив свою грозную песню, Джельсомино вытер пот со лба:

— Ну вот, и с дворцом покончено.

Но сердце у него щемило от мысли: Кошка-хромоножка так и не нашлась.

— Куда она могла запропаститься? — спрашивал себя наш герой.— Уж не осталась ли она лежать под развалинами сумасшедшего дома? Ведь я умею так здорово все рушить.

Однако толпа не давала ему покоя, как бы отгоняя его горестные мысли.

— Колонну,— кричали ему со всех сторон,— нужно свалить колонну!

— А зачем?

— Да на ней же изображены походы и подвиги короля Джакомона. Это тоже сплошная ложь. Лысый толстяк сиднем сидел в своем дворце.

— Хорошо,— согласился Джельсомино.— Я спою колонне такую серенаду, что ей не поздоровится. Только отойдите все подальше, не то она вас задавит.

Люди, стоявшие возле колонны, поспешно отступили назад, вся толпа на площади заколыхалась, как море при сильном ветре. И тут наконец Джельсомино увидел на колонне, метрах в двух от пьедестала, хорошо знакомое ему изображение кошки на трех лапах.

— Хромоножка! — воскликнул он, и у него сразу отлегло от сердца.

Рисунок вздрогнул, контуры его искривились, но потом снова замерли.

— Хромоножка! — позвал Джельсомино еще громче. На этот раз голос проник в мрамор, преодолев его сопротивление. Кошка-хромоножка отделилась от колонны и, спрыгнув на землю, прошлась прихрамывая.

— Как я рада, как я рада! — мяукала она, целуя Джельсомино в щеку. — Если бы не ты, пришлось бы мне остаться здесь 'на этой колонне, пока в конце концов дожди не смыли бы мое изображение. Всем известно, что я люблю чистоту. Но мне вовсе не хотелось бы погибнуть от излишнего мытья.

— А я на что? — раздался тут возглас Бананито, который, усиленно работая локтями, пробрался наконец к своим, а теперь и нашим общим друзьям. — Если с тобой случится такая беда, Хромоножка, я снова нарисую тебя, и ты будешь еще красивее и правдоподобней, чем раньше.

Троим друзьям, которые только что встретились, столько еще нужно порассказать друг другу. Поэтому не будем им мешать и оставим их в покое.

А колонна? Да кому, собственно, может помешать одноко возвышающаяся колонна? Изображенная на ней ложь будет напоминать людям о тех временах, когда страной правил беззастенчивый лжец и достаточно было одной хорошо спетой песни, чтобы рухнуло все его королевство.

КОНЕЦ У НАШЕЙ ПОВЕСТИ ПРОСТОЙ: НЕ ДОЛЖНО СПОРЫ РАЗРЕШАТЬ ВОЙНОЙ

Наша история будет совсем закончена, когда вы узнаете содержание тех листков, которые я забыл в кармане, торопясь досписать предыдущую главу. Это последние листки заметок, сделанных мною в тот день, когда Джельсомино рассказал мне о своих приключениях в Стране лжецов. Вот я вижу на одном из листков, что о дальнейшей судьбе Джакомона ничего не известно. Поэтому я не могу вам сказать достоверно, стал ли он порядочным человеком или пиратские ноги снова вывели его на плохую дорогу.

На другом листке записано, что хотя Джельсомино и был очень доволен тем, что ему удалось сделать, однако, всякий раз проходя по главной площади, он чувствовал какую-то неловкость, словно человек, которому в ботинок попал камешек.

— Нужно ли было разрушать бывший королевский дворец и превращать его в груду развалин? — упрекал он себя. — Джакомон все равно удрал бы, даже если бы я ограничился тем, что выбил все стекла. И тогда было бы достаточно вызвать стекольщика, и он все привел бы в порядок.

О том, чтобы избавить Джельсомино от этого мучившего его «камешка», позаботился Бананито: он восстановил дворец на свой лад, пустив в ход несколько листков бумаги и изведя коробку красок. Он потратил на работу полдня и не забыл даже сделать балкон на верхнем этаже. Когда балкон появился на прежнем месте, жители города попросили художника подняться на него и произнести речь.

— Послушайтесь моего совета, друзья, — ответил Бананито. — Примите-ка лучше закон, запрещающий произносить речи с этого балкона. И к тому же я ведь художник. Если уж вам так хочется послушать кого-то, обратитесь к Джельсомино.

В этот момент на балконе появилась Кошка-хромоножка и промяукала во всеуслышание:

— Мяу!

Внизу на площади раздались бурные аплодисменты, и других речей никто уже больше не просил.

Еще на одном листке записано, что тетушку Кукурузу назначили директором Института для бездомных кошек. Что ж, решение вполне разумное — с таким директором вы можете быть уверены, что уже никто не заставит кошечек лаять по-собачьи. Ромолетта снова стала ходить в школу, и сегодня она, наверное, сидит не за ученической партой, а за учительским столом — за это время она наверняка успела стать хорошим и вдумчивым преподавателем.

И вот, наконец, на самом маленьком листке я вижу короткую запись: «Война окончилась со счетом 1:1».

Можете себе представить, я чуть было не забыл рассказать вам про эту войну.

Случилась она через несколько дней после бегства Джакомона. В строжайшей тайне от своих подданных, очень рассчитывая на пушки, которые, как он надеялся, нарисует ему Бананито, бывший король объявил войну одному из соседних государств. Но с жителями этого государства шутки были плохи.— их армия незамедлительно двинулась в поход, чтобы защитить свою родину.

— Но мы вовсе не собираемся воевать,— поспешили заверить воинственно настроенных соседей министры нового правительства.— Мы не такие, как Джакомон, и не хотим войны.

Один из журналистов решил получить интервью по этому поводу у Джельсомино, который усиленно занимался музыкой, готовясь выступить теперь уже с настоящим концертом.

— Война? — переспросил журналиста Джельсомино.— Предложите противнику прекратить ее и взамен ус-

троить футбольный матч. Может быть, по окончании игры и будут ушибленные коленки, зато дело обойдется без всякого кровопролития.

К счастью, эта мысль пришла по душе противнику, который, в сущности, тоже не имел никакого желания воевать. Футбольный матч состоялся в ближайшее воскресенье. Джельсомино, разумеется, болел за свою команду и так увлекся ходом игры, что не удержался и закричал с трибуны: «Давай! Давай!» — отчего мяч сразу же влетел в ворота противника, как это уже было однажды, если вы помните, в его родном селении.

«Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы это состязание кончилось жульнической победой,— сразу же решил про себя Джельсомино.— Здесь идет честная игра в футбол, и всякие махинации запрещены правилами».

И он тут же забил гол в другие ворота. На его месте вы, вероятно, поступили бы точно так же.

Песни Джельсомино

В переводе Я. Акима

Я переписал здесь несколько песен Джельсомино. Есть тут песни смешные, есть нескладные, есть и серьезные. Вы можете выбрать те из них, которые вам понравятся, и забыть остальные.

ЛОЖЬ

Посвящается
королю Джакомону

Я ложь признаю...
Не твою,
Не мою,
А ту, что глухой
От немого услышит,
Услышит —
И дохлой поведает мыши,
Чтоб мышь эта мертвая,
Слушая бред,
Немыслимый выкинула пируэт.

СКОЛЬКО РЫБ В МОРЕ?

Посвящается Кошке-хромоножке,
любительнице рыбы

Троє парней,
Рыбаков из Ливорно,
Друг с дружкой
За кружкой
Спорят упорно.
Спорят уже без малого год,
Сколько рыбешек
в море живет.
— Их больше семи, —
Утверждает один, —
Их больше семи,
Не считая сардин.
— Нет, — спорит второй, —

Больше тысячи в стае —
Угрей и омаров
Я не считаю.
— Их больше миллиона! —
Куражится третий.
И все одинаково правы,
заметьте!

РАДУГА

Стихотворение к одной
из картин Бананито

Дождь. Погода хмурится.
Темно на горизонте.
Вдруг, смотри, на улице
Девочка и зонтик!
Маленькая девочка
С зонтиком заветным,
С зонтиком, как радуга,
Ярким, семицветным.
Лепестки его туги,
На цветок похожи.
И от этой радуги
Весело прохожим.

КАРМАНЫ ДЖЕЛЬСОМИНО

В одном из них
Лежит платок,
В другом
Счастливый амулет.
В кармане третьем —
Кошелек,
Но в нем монет,
Как назло,
Нет.

КОШАЧЬЯ ГАЗЕТА

*Посвящается Кошке-хромоножке,
чтобы утешить ее после чтения
газеты «Образцовый лжец»*

Занятную вещь
Я слыхал по секрету:
Кошки
Свою выпускают газету!
Печатают в ней
С продолженьями
Повести,
Кошачьи стихи
И последние новости.
Кошки
Всего не читают — по лени,
А сразу глядят
В отдел объявлений:
«Сниму особняк
Со стариинным диваном».
«Нужен чердак».
«Ограничусь чуланом».
«Старушку ишу
С шерстяными носками.
(Просьба, чтоб дети
за хвост не таскали)».

«Охотник с медалью,
Порядочный, честный,
Ищет в амбаре
Хлебное место».
«Вегетарьинец
С душой непорочной
Ищет хозяина
Лавки молочной».
После обеда,
Вылизав крошки,
Читают газету
Бездомные кошки.
Глазами едят
Объявления разные,
Страстные,
Точно романы прекрасные.
Трудно уйти от газеты,
Поверьте!
Но в полночь
Они выступают в
Концерте.

ИМЯ

*Посвящается
тетушке Кукурузе*

Вот если бы Данте назвали меня,
И я написал бы поэму!
И я бы открыл теорему!
Вот если бы дали мне имя Евклид,
Вот если бы имя Джотто добыть
И тоже великим художником бытъ!
Стать бы во всех искусствах
Самым-самым искусствым!
Но нет, я расстаться совсем не спешу
С именем тем, что с рожденья ишу.
Я, право, ничуть не жалею о нем.
Об имени этом певучем, —
Оно позволяет мне с каждым днем
Делаться чуточку лучше.

ИСТОРИЯ ПРО ОСЛА

Посвящается одному из ослов
Страны лжецов, который рычал,
чтобы казаться львом

Знавал я одного осла,
Упрям он был и зол.
Но странность
У осла
Была:
Не знал, что он осел.
Осел сказал:
— Я убежден,
Что я не кто иной, как слон,
Нет пышной гривы, значит, я
Не лев, о чём жалею.
Баран мнё тоже не родня,
Поскольку я не блею.
Пожалуй, я не адвокат —
В суды не захожу...
А вдруг я
Генералу брат?
В министры ухожу я?
Иль произвел меня в пажи
Король своей рукою?
Будь другом, зеркало,
Скажи,
Кто же я такой?
Но зеркало сказали так:
— Ты, малый,
Попросту
Ишак.
— Ишак? —
Вскричал осел. —
Ну нет,
Обиды не спущу,
За оскорбительный ответ
Копытом угошу!
...Полно осколков на столе,
Сто крошечных кусков,
Но разве стало на земле
Меньше
Ишаков?

АН-ГИН-ГО!

Песенка-читалочка
посвящается Ромолетте

Ан-гин-го!
По улице
Брели три петуха,
А следом шли
Три курицы...
Чем песенка плоха?
Может, всем им
Пряников
Хотелось поскорей,
А может, шли они клевать
Усатый лук-порей?
А если в город — там они
Узнают вслед за мной,
Что не составят сто неправд
Правды никакой.

ШУТКА

Посвящается Бананито

Задумал желтую картину:
Петух
Займет
Всю середину,
Литавры по углам холста,
А сверху —
Рукоять хлыста.
Задумал синюю картину:
Изображу
Зулуса спину,
Бамбук манильский
В полный рост
И черта
Вытянутый хвост.
Задумал серую картину:
Я нарисую паутину,
Туман
И серенькие тучки —
Мон карманы до полушки.

ИГРА В «ЕСЛИ БЫ»

Дать бы волю Арлекину —
Он бы вместо облаков
Над землей шатер раскинул
Из стоцветных лоскутов.

Стал бы Джадуя у власти —
Ох бы надивились вы:
Всем бы раздавал он сласти,
Строил замки из халвы.

Ну а если б Пульчинелла
Пост министра сохранил,
У кого дурные мысли,
Всем бы головы сменил!

ПОСЛОВИЦЫ ДЖЕЛЬСОМИНО

Кому не нравится сосна,
Дорога в лес запрещена.

Сумасшедшего не смей
Посылать на ловлю змей.

Без двух голов
Нет двух умов.

Кто от грома убегает,
Тот молнии не зажигает.

Если мне дадут луну,
Возьму и глазом не моргну!

Кто смеется каждый месяц,
Целый год бывает весел.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСЕНКА

Ты видишь,
Крестьянин-волынщик идет.
Спросить бы сейчас у него,
Как он проведет
Наступающий год
И что загадал в рождество.

Я знаю, он скажет:

— Зажечь я не прочь
Веселые елки в домах,
И пусть огоньки
Согревают всю ночь
Людей, что шагают
В потьмах. —

А ну-ка,
О том же спрошу воробья,
Что прыгает в снежной пыли,
И он прошебечет:
— Загадывал я,
Чтоб дети подарки нашли. —
Пастух на картинке
Давно мне знаком,
Спросил я его все о том.

— Я ввел бы
Для праздника
Новый закон,
Подписанный
Длинным
Кнутом:
«Хочу, чтобы
Праздник все слезы унес
От Перу.
До самых Курил,
Чтоб черных,
И белых,
И желтых ребят
Улыбкой одной подарил».

...А хочешь
Скажу без вранья,
Что по этому поводу
Думаю я?

Ведь можно всего
Добиться самим,
Пусть только мы руку
Друг другу дадим.

Какую мы
Елку зажжем —
До небес!
Каких только в мире
Не будет чудес.
И праздник,
Что нынче придет и уйдет,
На целый
Растянется Год!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ГОЛУБОЙ СТРЕЛЫ

Синьора без пяти минут баронесса	7
Витрина наполняется	11
Полубородый Капитан взволнован	16
Начальник Станции не знает, что делать	19
Идея Кнопки	20
На следующий вечер	24
Желтый Медвежонок выходит на первой остановке	29
Главный Инженер сооружает мост	36
Прощай, кукла Роза!	41
Героическая смерть Генерала	44
Полет Сидящего Пилота	52
Бронзовый Памятник	57
Подвиг Серебряного Пера	65
Сердца трех Марионеток	72
Что случилось с Франческо	75
Мотоциклист указывает дорогу	82
Полубородый Капитан отправляется в плавание	85
Чудесные приключения коробки Карандашей	88
Будка № 27	100
Франческо едет в коляске	107
Кнопка хочет умереть	113
Кнопка учится лаять	118
Что такое друг	121

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ

Лиши только Джельсомино раскроет рот, мяч влетает в сетку ворот	127
Джельсомино не повезло — против него поднялось все село	132
Джельсомино знакомится случайно с кошкой несколько необычайной	136
Здесь мы приводим с кошками слов правдивый рассказ о Стране лжецов	143
Кошка-хромоножка увидела с балкона сто париков короля Джакомона	151
Рано утром смех и гомон разбудили Джакомона	156
Кошка-хромоножка без лишних слов учит мяукать глупых котов	160
Бананито — наш художник, бросив кисть, хватает ножик	168

Джельсомино наконец	171
выступает как певец	
Наш герой запел со сцены —	176
в театре рухнули все стены	
Сила таланта и правда нужна,	183
чтобы ожил образ, сойдя с полотна	
Купив газету «Образцовый лжец»,	190
Хромоножка расстроилась вконец	
Есть закон в Стране лжецов:	194
кто не врет, тот нездоров	
Что случилось с Бенвенуто —	201
Не Сидящим Ни Минуты	
Узнаете вы, как и почему	211
наш Бананито угодил в тюрьму	
Министром Бананито стал,	215
но вскоре потерпел провал	
Идя на жертву, Кошка-хромоножка	222
спасает узника через окошко	
Прочтете здесь, как Бенвенуто	229
прожил последние минуты	
Всем опостыли былые врачи,	233
и больше не мяукают собаки	
От королевства Джакомона	235
осталась лишь одна колонна	
Конец у нашей повести простой:	
не должно споры разрешать войной	246

ДЖАННИ РОДАРИ

Путешествие Голубой Стрелы

Сказка

Джельсомино в Стране лжецов

Сказка

**Для детей дошкольного и младшего
школьного возраста**

Редактор *О. Н. Тимошенко*

Художественный редактор *С. И. Соболев*

Технические редакторы *М. С. Гайдукова, Т. М. Андреева*

Корректоры *Н. Л. Второва, Н. С. Гайдученок*

ИБ № 907

Сдано в набор 24.01.92. Подписано в печать 08.07.92. Формат бумаги
70×90¹/₁₆. Бумага офс. Гарнитура литературная. Печать офс.. Усл. печ. л.
18,72. Усл. кр.-отт. 7663 т. Уч.-изд. л. 19,34. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1250.
Калининградское книжное издательство,
236000, Калининград, Советский просп., 13.
Типография издательства «Калининградская правда»,
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

КАЛИНИНГРАДСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО